

РОДНАЯ СТОРОНА

П ё т р К О З И Н

*Записки
провинциала*

Р О Д Н А Я
С Т О Р О Н А

Пётр КОЗИН

РОДНАЯ СТОРОНА

Записки провинциала

Орёл
Издатель Светлана Зенина
2006

ББК 84(2п)6

К80

Козин П.Д.

К80

Родная сторона. Записки провинциала / Пётр
Козин. – Орёл : С. В. Зенина, 2006. – 318 с.

© Козин П.Д., 2005

© Оформление. Издатель Светлана Зенина, 2006

СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ

Тринадцать лет назад мне и писателю Виктору Рассохину уже доводилось предварять вступительной статьей первый сборник лирических стихов «Отчий край» (1993) поэта-земляка Петра Козина. Мы пожелали тогда его автору новых творческих удач. Петр Козин оправдал наши надежды, выпустив одну за другой два новых сборника: «Перелески» (1994) и «Русь» (1995).

Сегодня перед нами его интересная и захватывающая с первых страниц прозаическая работа — очерки воспоминаний о детских и юношеских годах. А они пришли на «грозовые сороковые» и не менее трудные — пятидесятые, когда страна и народ напрягали все усилия, чтобы подняться с колен и, выпрямившись, начать строить новую жизнь.

Ученик Сивковской начальной, затем Репнинской средней школы, выросший в бедной крестьянской семье Петр Козин с юных лет живет в вихре трудовых буден: пашет и засевает родную землю, что широко раскинулась вокруг дорогой его сердцу речушки Лабосынь. Вместе с такими же, как он сам, вихрастыми мальчуганами гоняет коней в ночное, косит росную луговую траву, а по осени убирает хлеб в золотистых полях.

А где хлеб, там и песня. С тринадцати лет Петр пишет стихи, а в пятнадцать становится селькором районной газеты «Болховская коммуна».

Целеустремленный юноша добивается своей цели. Отслужив три года в ракетных войсках, он успешно заканчивает журналистский и исторический факультеты Ростовского на Дону государственного университета и становится профессиональным журналистом и педагогом. Много лет работал учителем и директором ряда школ. В настоящее время он член Союза журналистов России, является редактором областной туристской газеты «Орловские родники».

Не менее важно, что Петр Козин стал также замечательным поэтом и публицистом — «певцом родного края», как справедливо назвал его патриарх российской литературы, писатель-краевед Василий Катанов в своем предисловии к сбор-

нику «Перелески». Действительно, какую бы книгу мы не открыли, поэтическую или прозаическую, а их в портфеле автора не менее десяти, в том числе и не дошедших еще по известным причинам рокового безденежья до читателя, в каждой из них присутствует тема Родины; боли и радости дорогих его широкому сердцу земляков — тружеников «приокских полей и пашен».

В очерках-воспоминаниях «Родная сторона» даны конкретные адреса, названы их настоящие имена. Автор поистине, как слеза, правдив. Его непосредственность, искренность очаровывают, подкупают.

Только скромность не позволила Петру Козину назвать свое произведение повестью. Написана же она, безусловно, талантливо, а потому ее с интересом будут читать не только его милые сердцу внуки — Максим и Настя, коим она посвящена, не только его незабвенные земляки, но и многие тысячи благодарных читателей, коим дороги истоки вдохновения. Их же дарит каждому из них тепло земли родной.

*Александр ЛОГВИНОВ,
член Союза писателей России.*

ТЕПЛО ЗЕМЛИ РОДНОЙ

Петр Козин. Орловцам хорошо известно имя этого талантливого поэта и публициста. Он автор очерков «На трассах пятилетки» и трех поэтических сборников: «Отчий край», «Перелески», «Русь». Его произведения опубликованы в исторической антологии «Первый салют», в академическом сборнике Дмитрия Блынского «Я полон света», в различных журналах и газетах.

«Родная сторона» — это гимн отчemu краю. Автор пишет:

*Мой Лабосин,
Моя Сивково -
России тихий уголок.
То — отчий край,
Первооснова,
Всех дел и дум моих
Исток...*

Лабосин — это ручей, что течет за огородами его милой деревушки Сивково. По весне он превращается в бурный поток, напоминающий настоящую речушку, которую односельчане поэта называют ласковым именем — Лабосынь.

*Реченька лесная Лабосынь,
Детства неухоженного свет.
Я пришел в объятия осин,
Чтобы сердцем раненым прозреть...*

О том, о чём «прозрел», автор и делится с читателем в своей новой книге, которой придан скромный подзаголовок «Записки провинциала». Этим желая подчеркнуть, что он будет рассказывать о судьбах отчего края — тихого, но прекрасного уголка срединной России как очевидец, коренной житель этих мест, а не как заезжий турист или столичный сноб. Ибо, выражаясь словами любимого автором поэта Дмитрия Блынского: «Тут для (него) начало всех начал».

Читаешь его повесть-откровение и ярко представляешь чудесный пейзаж неповторимого болховского края, где родил-

ся и рос поэт, набирался природных и жизненных впечатлений. Как живые предстают перед глазами портреты его земляков, друзей-товарищей, перенесших войну и послевоенную разруху... Петр Козин не скрывает трудности и современного бытия. В стихотворении «Альма-матер» он с глубокой горечью пишет:

*Ведь школьный дом мог простоять века,
У стен кирпичных кладка без изъяна:
Ни плесени, ни трещин, ни грибка...
Теперь — одна зияющая рана!..*

Порушенная современными варварами Сивковская начальная школа, где автор впервые научился писать и читать — это лишь одна из многочисленных «ран» любящего людей, правду жизни, крестьянский труд и родную землю поэта. Который, не смотря ни на что, откровенно признается в конце книги: «тепло и свет мне дарила моя родная сторона»

*Альберт ЛУЩЕНКО,
член творческого Союза литераторов России.
2006 г.*

*Дорогим внукам моим –
Насте и Максиму Корнеевым —
Козиным с надеждой и любовью,
посвящаю ...*

ОТ АВТОРА

Идея взяться за эти провинциальные записки возникла у меня сразу же по выходу на пенсию. Совсем не случайно, в день юбилея — первого июля 2000 года, предваряя мою статью-воспоминание «Если бы снова начать...» теплым поздравлением, редакция «Поколения» писала: «Больше 40 лет сотрудничает с областной молодежной газетой Петр Дмитриевич Козин. Сегодня ему исполняется 60 лет. Время итогов. Пора, когда составляют свой «Протокол одной жизни», подобно орловскому прозаику Евгению Горбову.»

Действительно, у меня подрастали чудесные внуки и кто, как не я, их дед расскажет им правду о ставших стариной — годах детства и юности. Ведь этим, на склоне лет, «грешили» даже гении Лев Толстой и Максим Горький. В свое время я зачитывался трилогией крестьянского писателя Петра Замойского, автобиографическими романами прославленного латышского рыбака Вилиса Лаписа, а тут еще мой приятель-земляк, литературный критик и поэт Александр Логвинов неустанно твердил, что пройдет время, и по моим запискам добросовестные студенты будут изучать этнографию деревенских аборигенов, коими мы предстанем перед будущими поколениями. Спорить с ним трудно. Логвинов — кандидат филологических наук, доцент института культуры и ему, ученному, как говорят, виднее.

В тот же год, не откладывая дело в долгий ящик, я и подготовил свои очерки, дав им общее название «Родная сторона». Мой соратник по перу, поэт и журналист Альберт Лущенко отредактировал их. Они бы непременно вышли в свет, если бы, как балагурит Александр Буйнов, «финансы не пели романсы». Однако, отдав тридцать лет педагогическому тру-

ду, я денег не скопил, и, как утверждает другой певец — сын Грузии печальной Вахтанг Кикабидзе, что лишь «мои года — мое богатство».

* * *

Прошло пять лет. Наступил 2005 — год юбилеев. Судите сами: моему отцу Дмитрию Ивановичу (за незнанием родословных своих дедов и прадедов) — основателю династии Козиных, 1905 года рождения, исполнилось 100 лет, моей теще (вдове фронтовика) Цыбаковой Вере Андреевной — 90 (она умерла в октябре 2005, на 91-ом году жизни), ныне здравствующему, старшему брату Александру — 80, зятю (мужу моей кузины Антонины Ивановне) и другу, скончавшемуся два года назад, Василию Илларионовичу Бондареву — 70, а мне — 65.

Эти важные события и привели нас с братом Александром, а затем моего зятя Игоря Корнеева с дочерью Ириной на могилу родителей. Тут же присутствовала их наследница и моя прекрасная внучка Настя, впервые посетившая родину своих предков. Что касается внука Максима, то он сам принимал, вместе с моим другом, автором проекта памятника и его исполнителем, инженером-строителем Сергеем Ивановичем Шмелевым, непосредственное участие в обустройстве могилы еще в 2003 году, когда мы торжественно отмечали 100-летие со дня рождения моей мамы Козиной Полины Петровны(1903—1970).

Итак, 2005... Вместе с фотокорреспондентом Валерием Часовитиным мы совершили экскурсию по памятным местам моего детства, что нашли свое отражение в поэме «Перелески». За прошедшее пятилетие многое изменилось в жизни земляков, а потому потребовались корректуры, где это по ходу повествования их сделать не удалось, то я ввел в ряде глав необходимые добавления и пояснения.

Теперь несколько слов о происхождении нашей фамилии. Юный летописец, внук брата Александра, названный в честь прадеда Дмитрием, живущий ныне с родителями на родине искусного Левши (замечу, кстати, что моя внучка Настя тоже «левша») в городе Тула отыскал в сокровищнице Интернета фамильный герб рода Козиных, что находится в 7-ой части

«Общего гербовника дворянских родов Российской империи». Некоторые Козины — нетитулованный российский дворянский род. Среди них — известные изобретатели, заслуженные врачи, министры, генералы, даже профессора философии. Лично меня некоторые считали родственником популярного исполнителя романсов Вадима Алексеевича Козина (1903—1994). Как-то в двери своей квартиры я обнаружил записку писателя Виктора Рассохина, в которой он сетовал, что «Козина в Магадане найти легче, чем другого Козина в Орле».

Но Вадим Козин — внук Вари Паниной из купеческой семьи. Непосредственно дворян я так и не отыскал среди однородных фамилий. И все же слово из песни не выкинешь. Раз есть герб, то и, выходит, были дворяне. В этой связи приходит на память стихотворение великого поэта-земляка Дмитрия Блынского «Моя родословная».

*Зайдешь к нам в деревню и скажешь:
Все близкие,
Далеких по крови в ней нет никого:
Какая бы хата не встретилась -
Блынские.
Да что это -
Дети отца одного?*

И далее поэт открывает завесу тайны:

*С тех пор, хоть в указах о том не указано,
Прозвали фамилией барской крестьян.*

В моей отчей деревушке Сивково, что под Болховом, кроме нас проживала еще одна семья Козиных, но даже мой отец не мог упомянуть, чтобы они в каком-то колене пересекались с нами родством. Было много Новиковых, Ефимовых, Гришиных... Козиных же лишь две семьи.

Выходит, что мы не были обязаны своей фамилией какому-либо барину. А носили ее, как коты гуляют, сами по себе, хотя возможно, что мы оказались бедными родственниками угасшего дворянского рода и влились в категорию крестьян-

землепашцев. Конечно, если с головою уйти в древность, начать корпеть в архивах, то глядишь, и открылись бы тайны пещеры сказочного Али-Бабы. Не в пример мне ленивому, редактор моего сборника «Русь» поэт Николай Круглов опубликовал 7 сентября 2005 в «Орловском вестнике» интересный очерк «Деревенька моя». При его подготовке он использовал книгу, изданную Центральным статистическим комитетом Санкт-Петербурга за 1871 год, где имеется список населенных мест по сведениям 1866 года. В нем он нашел данные, касающиеся его села Григорово. Возможно, что и о Сивково там можно было отыскать. Но я не ставлю перед собою цель писать историю уходящей в небытие деревеньки. Тем более доказываться до истоков своего рода. Мы, русские, в отличие от кавказских народов, не чтим своих предков не то, что до 11, как водится у них, колена, но и до четвертого; за что нас били, бьют и бить будут. Не зря же нас зовут «Иванами, не помявшими родства». Да и я ставлю своей целью написать лишь воспоминания детства.

* * *

И все-таки без общего не увидишь частного, а потому позволю себе коснуться проблемы причин покорения городом деревень. Достаточно вспомнить, что до 1917 года селян насчитывалось более 80 процентов всего населения империи. Сегодня, по утверждению министра сельского хозяйства Алексея Гордеева, на селе проживают из 146 миллионов жителей России лишь 38. С чего, на мой взгляд, начался этот разор? Да с того, что победившие в октябре большевики стерли, свели на нет, так называемые «дворянские гнезда». Угасла основа сельской жизни. А там подоспели индустриализация с ненавистью к колLECTivизации. Крестьян лишили земли, а сейчас сеутум на заморского дядю, что это он во всем виноват.

Надо отдать должное нынешнему президенту РФ господину Путину Владимиру Владимировичу, объявившего 14 ноября 2005 о четырех приоритетных национальных проектах (образовании, здравоохранении, жилищном строительстве и сельском хозяйстве). Для подтверждения серьезности своего замысла он ввел в состав правительства в качестве первого

вице-премьера Дмитрия Медведева, коему, в частности, и поручил проведение реформы села.

Орловский губернатор Егор Строев сообщил, что на Орловщину пришли инвестиции на сумму в 6 миллиардов рублей для развития промышленного животноводства и птицеводства. Дай-то бог, чтобы, наконец, вздохнули крестьяне полной грудью да начали бы вновь, как в старину, пахать и сеять, выращивать скот и птицу, чтобы на базарах продавались свои дешевые и чистые продукты, а не отравленные, заморские. Ведь развал сельского хозяйства, его продовольственной базы едва не привел нас к потере национальной безопасности.

Мне довелось видеть деревню послевоенной, когда мы только-только начали выбираться из подвалов, землянок. Не в хоромы и терема, как ныне. В хаты, крытые соломой. Земляной пол. Радости лишь огромная в пол-избы печь. Работы — непочатый край. Оплата — зачастую «палочка» за трудодень, ничем не подкрепленный. Однако вспоминаю, как весело и дружно жили люди. Ежегодно, в день 7 ноября, сообща организовывали в какой-либо просторной хате, чаще всего у кладовщика Никиты Бугаева, праздничный обед. Колхоз выделял мясо, овощи. А затем песни и танцы под гармонь! На военных кителях двух Иванов — Алайкина и Бурдыкина и других фронтовиков звенели боевые ордена. Гордились тем, что победили, прогнали врага с родной земли. Верили в светлое будущее.

И когда, вроде бы, медленно, но верно пошли в гору: набирали темпы и животноводство и полеводство, техника пришла на поля, труд облегчила механизация, в крепких колхозах и совхозах строились, как на центральном поселке Щербовский, целые улицы просторных и добротных домов. Для этой благой цели существовала специальная строительная бригада во главе с односельчанином Василием Федоровичем Архиповым и моим двоюродным братом, плотником деревни Михнево Василием Ивановичем Дерябиным. Крестьяне стали получать приличную зарплату. Даже моя престарелая мать, работая в полеводстве, и то смогла скопить несколько сотен рублей и впервые обзавестись сберегательной книжкой, чем очень гордилась. Она не дожила до пресловутой «перестрой-

ки». Вначале никто не почувствовал подвоха — менять в стране нужно было многое. Только не то и не так, как потом вышло. Сейчас уже, наверное, можно сказать, что нет ни единого села, ни единой деревни на Орловщине, которые бы выиграли от этой самой перестройки.

Как-то, приехав навестить земляков, я невольно: «Ах-нул!». Сивковская молочная ферма, где 18-ти лет от роду я бригадировал на строительстве, Китаевская, Щербовская и другие животноводческие комплексы оказались вконец разгромленными.

Остовы их, местами сохранившиеся и сегодня, зловещими скелетами будоражат трепетные души селян.

Особенно поразила меня разоренная местными варварами Сивковская начальная школа, моя «Альма-матер». Так я и озаглавил вырвавшееся стоном из души стихотворение:

*Вот школьный сад и светлый ряд берез...
Но, что с тобой, родная Альма-Матер?!
Я поднял взор. Не сдерживая слез,
Из горла даже вырвались проклятья...*

*Кто крышу снес, как голову срубил?
Кто красоту безжалостно порушил?!
Где пел звонок,
Веселый горн трубил,
Немой пустырь
Выматывал мне душу.*

(Полностью стихотворение опубликовано в сборнике «Перелески» за 1994 год)

Таковы реалии сегодняшнего дня. Но совсем иначе, в далеком детстве, выглядела жизнь русских сел. Другой, наполненной звонкими трудовыми буднями, неиссякаемой верой в торжество справедливости, светлой и праздничной виделась мне, в том числе и «святая, как хлеб, деревенька моя».

ПОЙДЕМ В МОЙ КРАЙ

*Где б мы ни были, мы издали торопимся
В несказанные отцовские места,
Где свои нам перелески, рощи, тропы все,
Где и сам ты свой для каждого куста.*

Дм. Блынский.

Изгои «земли обетованной», а ныне россияне с двойным гражданством, используя находящиеся в их руках средства массовой информации, пропагандируя культ «золотого тельца», вбивают в головы молодых мысль, что Родина — это не то место, «где ты родился, там и сгодился», а то, где — тепло и сътно.

Ежедневно по радио можно услышать, что «жизнь — больше, чем политика; жизнь больше, чем экономика, жизнь — больше...». Чего? На этот раз не уточняется. Но ясно и без того, что под точками подразумевается — отчество. Да, права человека и гражданина, позволяют ему самому выбирать место жительства, но оно уже не будет родиной твоих предков. Не случайно поэт Дмитрий Блынский, говоря о чувстве Родины, замечал:

*Ты нам пращурами завещана,
Чтоб любили тебя, храня,
Ты для Фирсова — мать Смоленщина,
Мать Орловщина — для меня.*

Не менее убедителен другой поэт-патриот Сергей Есенин:

*Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.*

«Разродимая моя сторонка» — так тепло и нежно величает Донщину, в кою для него входили: хутора Кружилинский и Каргинский, где родился, вырос и начал писать, станица Вёшенская, где он постоянно жил и создал величайшие произведения, — гениальный русский писатель Михаил Шолохов. О

своих коротких, но радостных встречах с ним я рассказал в очерке «На тихом Дону» («Просторы России» № 47, 1996 г.).

Лев Николаевич Толстой в своем дневнике от 20 сентября 1858 года записал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего Отечества, но я не буду до пристрастия любить».

Подобные светлые чувства испытывает каждый человек, не потерявший связи с могилами своих предков. Будь он великим, как Толстой или как я — простой смертный, для которого Сивково также близко и дорого, как Васютино для Блынского, Константиново для Есенина, Вёшки для Шолохова, Ясная Поляна для Толстого. Свои сопререживания на эту волнующую тему я передал в таких строках:

*Родная сторона! Малиновые песни
В зеленом клюве чудо-соловья...
Мне без тебя на этом свете тесно:
Не жить, не петь, не чувствовать, любя...*

«Родная сторона»? Каковы ее географические границы? Ну, если для Есенина, это — необозримые «рязанские раздолья», для Блынского — «мать Орловщина», то у меня они гораздо уже и ограничиваются одним районом. Его я называю — Болховский край. Ему посвящены пять моих поэм и десятки стихов.

Если на вопрос, поставленный в известной песне: «С чего начинается Родина?», можно ответить тремя «Б». Это — березка, букварь, буденовка; то у меня ее истоки определяются тремя буквами «Т» — Татинки, трасса, тополя.

* * *

Отправляясь из областного центра, мы выходим на трассу: «Орел — Болхов — Белев». Минуем Полозовский лог. Взбираемся на холм, где установлен указатель «Болховский район». Оставляем позади себя уходящую влево дорогу на 15-й конезавод и, мчась по прямой, уже можем наблюдать откры-

вающуюся панораму стройного ряда тополей, а за ними малую обойму хатенок. Это и есть деревня Татинки. Одноименное стихотворение посвящено её уроженцу, ветерану Великой Отечественной, бывшему инспектору облоно, географу Георгию Николаевичу Голикову. С ним мы вместе работали много лет в орловской тринадцатой школе. Голиков — автор рецензии «Учитель и поэт» на мой первый поэтический сборник «Отчий край», опубликованной в областной газете «Поколение» за 1994 год.

*Над тополями рой пушинок
Кружится словно белый снег.
Автомобили у Татинок
Свой останавливают бег.*

*Топограф кратко помечает
Её на картах словом: «Юг».
Здесь жил Георгий Николаевич —
Учитель и мой добрый друг.*

*А деревушку эту знает
Любой проезжий неспроста:
То пограничная черта —
Родного Болховского края.*

Это — половина 56 километрового пути из Орла в Болхов. На 32 километре поворот на Агроцех завода приборов. По правую сторону трассы — траурные венки. Здесь весной 2005 произошла авария, унесшая жизнь 9-и пассажиров автобуса, столкнувшегося с КАМАЗом. Среди погибших оказалась и дочь моего старшего товарища, бывшего заместителя председателя колхоза имени Чкалова Ивана Митрофановича Карпухина. Не выдержало отцовское сердце. Постигшее его несчастье привело к инфаркту и преждевременной смерти. Стоя у могилы на Щербовском кладбище, именуемом «Ёлками», я вспоминал его атлетическую фигуру и большую физическую силу, кою он демонстрировал на лесозаготовках в Калужских лесах-засеках. Ну, прямо-таки, богатырь Иван Поддубный! Один управ-

лялся за четверых, ворочая тяжеленные бревна. И все с озорством, молодечеством, так свойственными открытой русской душе. Я, молодой, 17-летний невольно любовался и восхищался его крепкими бицепсами, волей и красотой. По возвращении домой нас застал ливень. Наш шеф и тут продемонстрировал свою неиссякаемую энергию и ловкость. В трудную минуту впряжен в телегу, чтобы помочь уставшей лошади вывезти груженые лесом дороги из разверзвшейся хляби. Я написал тогда под свежим впечатлением стихотворение «В ливень». Оно было опубликовано в «Отчем крае» и посвящалось незабвенному зампреду.

*Но мы
Продолжали свой путь, не взирая
На ливень и грязи дорожную хлябь.
И сивый,
Упрямо и твердо шагая,
Сумел доказать мне, что он
Не ослаб.*

И все это, благодаря экстренной помощи Ивана Митрофановича. Да будет ему земля пухом!

Не доехая 18 километров до Болхова, вдоль трассы расположилась деревня Новый Синец. Недалеко от местной школы — братская могила отважным летчикам: Волотову, Полянскому и Попову. В грозном сорок третьем, на своем «ПО-2» они вели неравный бой со звеном фашистских «мессеров». Сбив одного из них, оказалась поврежденной и машина русских героев.

*Нигде не видно самолета.
Но в нашей памяти всегда,
В могиле братской три пилота
Над ними — вечная звезда!*

Заслуживает внимания населенный пункт Черногрязка, что в пяти верстах от райцентра. Она воспета в одноименном стихотворении Александра Логвинова. Где-то невдалеке спря-

талась за придорожной аллеей акаций и тополей небольшая деревушка Васьково. Здесь жили мамины родственники, позже переехавшие в Серпухов. Ее кузен, коего мы звали дядей Васей, заезжал к нам в гости. Это случалось глубокой осенью по престольным праздникам — на Никитин или в Михайлов день. Как-то на несколько дней он привозил с собою юную дочь. Она была больна, и в санях, мама возила ее в Жуковский поселок, что начинался сразу же за Альянским мостом — межобластной границе и относился уже к Тульской губернии. Здесь проживала известная в округе знахарка, родственница односельчанке, нашей соседке Софье Кузиной, которая набиралась у нее искусству врачевания. Придет время и вездесущая Софья станет лечить меня всевозможными заговорами от «чемера» — до сих пор непонятной болезни. И это в то время, когда у меня случился острый аппендицит. Благо сельский доктор — фельдшер Илья Афанасьевич Арнаутов сумел вовремя направить меня на операцию в Болховскую районную больницу.

Напротив летного поля (местного аэродрома), вправо от трассы идет дорога на Мценск и Кривцовский мемориал. Здесь я побывал, приезжая на личной «Оке» вместе с женою Валентиной Алексеевной и внуком Максимом, а также дважды посещал это святое место — воинский мемориал времен Великой Отечественной и памятник герою Балканской войны XIX века, генералу Лаврову в ранге экскурсовода туристских групп. Интересен тот факт, что поблизости на реке Ока находится второе Сивково. И ее часто путают с моим родовым гнездом. Два Сивкова в одном уезде — это небольшая беда. Вон, с легкой руки древнего полководца Македонского насчитывается аж 9 Александрий. Повезло и Москве — ее имя носят не менее 7 населенных пунктов.

Меня до сих пор возмущает тот факт, что по двум железнодорожным веткам (Орел — Брянск и Орел — Михайловский рудник), что в 20-30 километрах от Орла имеются две станции с одним названием — Шахово. Это создает нередко путаницу у пассажиров. Добавили хотя бы какую-либо цифру. Однако чиновникам все недосуг. Что говорить о двух вымирающих деревеньках — время само все поправит.

* * *

Вот, наконец, открылась величественная панорама основанного в 13 веке града Девятигорска (древнее название), что раскинулся на 9 холмах, а точнее перед нами, украшенный золотыми куполами, ныне заново реконструируемого, действующего Спасо-Преображенского собора (1852), других церквей и монастырей — город Болхов.

Площадь Болховского района занимает 1,3 тысячи квадратных километров Население — 25 тысяч человек. Причем на город приходится — 13 тысяч. В тринадцати сельских Советах, что сегодня именуются администрациями — 295 сел и деревень.

Почвы: подзолистые, серые, лесные. Что касается чернозема, то он — редкость. Разве лишь Черногрязка получила свое название от черной грязи, то есть, чернозема. Из полезных ископаемых — глины кирпичные, бурый уголь. Для его транспортировки после войны функционировала узкоколейка, построенная немцами, канувшая в Лету.

Из археологических памятников выделяются: протянувшееся на 7 километров большое село Борилово (местные шутники его величают — вторая Москва), да Городище (XI – XIII вв.)

В стихотворении «Борилово» я рассказал о славных жителях села, что:

*Срывать монгольские оковы
Спешили в поле Куликово.*

Этот факт особенно примечателен тем, что 17 сентября 2005 мне довелось в качестве экскурсовода сопроводить группу орловских туристов на Куликово поле, где состоялся праздник русской славы. Десять тысяч человек съехались со всех необъятных краев России. Жаль, что среди них не было потомков бориловских чудо-богатырей. Не то бы они стали свидетелями, прекрасно инсценированного сражения. 21 сентября состоялось богослужение патриарха Алексия II, гашение марки и освящение памятной медали в честь 625-ой годовщины Победы русских воинов под командованием великого кня-

зя Московского Дмитрия Донского над Ордой татарского хана Мамая.

Я сфотографировался на фоне исторического памятника-колоны (архитектор Брюллов А. П.) и церкви Сергея Радонежского (архитектор Щусев А. В). Вдохновившись, я про-комментировал снимок следующими своими стихами:

*Окрест меня — зеленые дубравы,
Луга и речки, балки и холмы...
Все это вместе — Поле Русской Славы,
Что Куликовым называем мы!*

*Шесть с четвертью веков прошло со дня сраженья,
Когда у всей Европы на виду,
Полки Донского с Божьим вдохновеньем
Повергли в прах татарскую Орду!*

Вернемся, однако, к героическим дням памятного 43-го, когда уральские танкисты освобождали земляков-бориловцев. Во время сражения танк Антона Огарка неожиданно взорвался. Герой погиб. В честь его подвига в Борилово, на месте взрыва, над братской могилой, установлен боевой танк.

*Шумят леса, тучнеют нивы.
Поют под ветром провода.
Несут цветы на место взрыва
Мои бориловцы сюда.*

Полностью стихотворение «Борилово» опубликовано в сборнике «Русь» за 1995 год.

В 12 километрах от Болховской автостанции в направлении райцентра Знаменское расположено бывшее имение столбовых дворян Юрасовских. На месте их усадьбы ныне располагается Сурьянинская девятилетка, в которой в 1968-1970 гг. мне довелось поработать директором. В Доме учителя, где я обосновался с женой Валентиной, что рядом со школой, 3 февраля 1969 года у нас родилась дочь Ирина. Ей я посвятил

поэму «Сурьянино», опубликованную в книге «Русь». В начале сентября того же года ко мне в гости приезжал орловский журналист и поэт Виктор Дронников. Ему посвящена отдельная глава «Встреча», а так же много других публикаций.

*Золотились заново
Листья сентября.
Ты, поэт, Сурьянино
Посетил не зря.*

Сурьянинское трехлетие запечатлено в автобиографической повести «Дым Отечества», которое все еще мертвым капиталом лежит в моем рабочем столе.

Град Болхов так же вдохновил меня на творчество. В книге «Отчий край» есть одноименное стихотворение, посвященное местному краеведу, журналисту Александру Венедиктову, умершему в 1995 — году своего 60-летнего юбилея. Он — автор двух краеведческих книг «Болховские куранты» и «России сердце не забудет». Подготовил третью, но спонсоров не нашел, а тут еще редакторские неувязки (он редактировал местную газету). Не выдержав такого напряжения, сердце патриота родной земли сдало. Пышные похороны, установление на здании редакции мемориальной доски, присвоение одной из городских улиц его имени, подвигли орловского журналиста Юрия Оноприенко сказать пословицу: «Что имеем, не храним, потерявши плачем». Журналисты подсчитали, что средств, затраченных на похороны и другие акты памяти, хватило бы Венедиктову не на одну, а на целых три полновесных книги, что, наверняка, продлило бы годы краеведа и редактора. Однако, как видно, для чиновников и бизнесменов, уставших от его критических копий, гораздо важнее — не дело, а пиар.

Перефразируя известное лермонтовское «На смерть поэта», я позволил себе высказать на этот счет свое резюме:

*Не вынесла у краеведа
Душа — позора и обид:
Посмертно*

*был обласкан «светом»,
Хоть тем же «светом»
и «убит!»*

В знак многолетней дружбы я написал об Александре Егоровиче очерк памяти. Ведь он, в свое время, опубликовал оптимистическую, позитивную рецензию «Жизнь, как высокая гора» на мою первую книгу стихов «Отчий край». Но все тот же Оноприенко затормозил его публикацию в «Орловской правде». Очерк в сокращенном виде появился на страницах «районки» под заголовком «Заштитник старины» от 18 сентября 2002 года.

А теперь настала пора покинуть улицы обновленного города, пройти Ямскую и выйти на широкий простор полей. В двух верстах от Ямской слободы мы увидим правый поворот — широкой лентой потянулась, испорченная рытвинами и ухабами, дорога на Репнино. К истории этого села и школы, в которой я обучался много лет, мы еще вернемся, а пока мчимся заветной трассой в направлении Белёва, до коего от Болхова 40 километров.

Звезда над Рогом

Впереди — земли бывшего колхоза имени Чкалова, что ныне именуются ООО «Щербовское». Их пересекает речка Машок с двумя притоками — Рог и Лабосынь. Все они, а также села, деревни и поселки, их окружавшие, нашли свое поэтическое описание в моей поэме «Перелески».

*Бассейн Машка пересекло шоссе,
Что путь ведет от Болхова к Белёву.
Три речки, три моста во всей красе,
Колхоза Чкалова первооснова.*

*На севере — струится Лабосынь,
Что затерялась в ивовых кустах.
Речушка Рог — то южная черта,
А между ними — поле да полынь.*

В широком логу, на берегу Рожка, по обе стороны дороги расположилась деревушка Зубари, где «на 7 домов — семь горьких вдов». Из достопримечательностей — высокий колодезный журавель. В материалах полосы «Человек и природа» газета «Болховские куранты» 14 сентября 2005 года опубликовала фотоснимок жительницы Зубарей пенсионерки Новиковой Анастасии Егоровны, вдовы бывшего председателя Михневского сельского совета Новикова Семена Павловича, к которому я не раз наведывался в юности, то за Свидетельством о рождении, то за различными справками.

Рядом с фото в газете были опубликованы мои стихи:

*Лишь облако закрыло солнце,
Как над водой повисла тень.
У Зубаревского колодца
Скрипел усталый журавель*

А тринадцать лет назад, когда крестьянки деревни, за отсутствием мужчин не могли самостоятельно поправить колодец, хотя уже к нему были подвезены пять бетонных колец, я замолвил за них слово:

*Семь вдов в газету пишут сами
О том, как к ним пришла беда...
Но верят, что над Зубарями
Взойдет погасшая звезда*

Третья часть моей поэмы так и называлась «Звезда над Рогом». Слово оказалось в строку. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть с вершин двух высоких холмов, обступивших усадьбы селян.

Перед нами предстает чудесная картина рукотворного водохранилища, возведенного «Орелстроем» на берегах Рожка и

открытого в начале октября 2005 года губернатором Егором Семеновичем Строевым. Вот оно то и есть — настоящая «звезды».

*Гляжу с холма и перед взором,
Как солнца свет, ликует море.
Пусть море — громкое словцо,
Пусть это просто озерцо.*

*Пусть даже пруд, а не иначе,
Но все же добрая удача,
Что в этот раз, среди полей,
Грустить не будет «журавель».*

*Устав на озере развиться,
Мальчишки прибегут напиться.
К его ковшу прильнет земляк,
Турист заезжий и рыбак.*

*Мы губернатора, как Бога,
За этот дар благодарим,
И, не лукавя, говорим:
«Сияй вовек — звезда над Рогом!».*

С обустройством водохранилища в деревню придут и цивилизация и культура. А здесь для болховчан планируется создать базу отдыха с современным пляжем, лодочной станцией, туристскими коттеджами. Бассейн водоема составляет 500 тысяч кубометров в объеме и с площадью зеркала в 30 гектаров. Западный берег его достигает поселка Цветочная балка, что в трех-четырех верстах от трассы. В образовавшееся озеро уже запущена тонна молоди, в основном, это особи карпов и карасей».

Душа радуется: «Вот оно — раздолье для рыбаков!. Их далеко искать не нужно. До Болхова — рукой подать. Всего пять верст. А тут, на пригорке, что почти над прудом видны избы поселка с христианским именем Крещенский. В одной из них живет мой сват и друг, майор в отставке Василий Ива-

нович Емельянов — заядлый автомобилист, грибник и рыболов. У него есть и лодка, и всевозможные снасти. А, главное, неистребимая страсть, ничуть не меньшая, чем у Сергея Тимофеевича Аксакова. Он — горячий поклонник его творчества: записки об ужении и охоте все перечитал. Правда, сам литературным ремеслом не балуется, а все больше подвигает меня на творчество. Сойдутся вместе с тезкой и сватом Василием Илларионовичем Бондаревым, ныне покойным. Оба статные, веселые, красивые, работящие. И супруги их: Антонина Бондарева (моя сестра) и его жена — Нина подстать мужьям, веселые и добрые. Выпьют по стопочке и начинают каламбуры. Что не складывается, просят меня: «Петр, напиши о том, об этом». Вот и приходится выполнять волю родственников — писать такие шутливые строчки, как, например, эти:

*Два Василия, два друга,
Тоня, Нина — их супруги.
Вместе — дружная семья;
Обе свахи и сваты!*

Нередко вместе направляемся в лес за грибами, или снарядим удочки и айда под Китаево, малую родину мамы моей. Здесь Рожок образует луку. Течение тихое, места глубокие. И рыба попадается крупная. Все больше — плотва и голавли. По осени радуют уловом килограммовые щуки.

Грибов же в Китаевском лесу, порою, видимо-невидимо. В сосновом бору, что обрамляет луг — маслята и рыжики, в смешанном — лисички и опята. В сентябре 2005 я набрал более десяти корзин опят, так что хватило не только себе, но и детям. Соседям и друзьям так же по баночке перепало.

Как-то, уже недавно, любуясь водной гладью Рожковского рукотворного озера, Василий Иванович, не сдержав улыбки, сказал:

- Мудрый ты человек, Петр Дмитриевич.
- Ты о чем, — насторожился я.
- Как же. Я читал твои «Перелески». Ты там за 13 лет вперед увидел «звезду над Рогом». Теперь знаешь, что происходит? Хозяева водохранилища решили под свою контору на

Зубарях домик купить. Хозяева же 20 тысяч заломили и это в то время, когда ранее и за тысячу, как в глухи Сивково, никто не брал. Вот она твоя «звезда» и впрямь засияла над Рогом.

— То ли еще будет, ой—ёй..., — пропел я, и мы оба весело рассмеялись.

— Как, ты еще что-либо придумал?

— Конечно.

— Так поделись с другом.

— Наступит время и над Лабосынью зажжется заря. Мы об этом еще с Илларионовичем мечтали. А ведь у моего родного ручья и русло, и долина гораздо глубже. Там самой природой предназначено устроить не один, а каскад прудов. Ключи-то, почитай, что в каждом перелеске — Жуковском, Лусопшке, Камне, Прудце. А в логу Васильевском уже есть пруд. Там даже щуки водятся.

— Бывал я там: карасей пропасть, но все больше мелочь. Без отлова переводится рыба.

— И вообще...

— Что?

— Придет же, наконец, время и возвратится народ в село. Об этом и академик Иван Григорьевич Ушачев пишет. Ведь Россия — аграрная страна. Крестьяне всегда считались оплотом государства. Беда в том, что с отмены крепостного права все их трудности решались сообразно представлениям очередного реформатора. О Столыпине говорить не станем, давно было. На нашей же с тобою памяти — коллективизация, Хрущевские «агроцехи», Брежневские «неперспективные села», Горбачевская «перестройка», Ельцино-Путинский крен в сторону свободной конкуренции с западом. К чему это все привело? Почти безлюдные деревни сегодня занимают третью часть площади страны. А вот для сравнения в Татарии и Башкирии этот коэффициент составляет лишь 7-8 процентов. Видно, там поумнее местные руководители. За последние 4 года количество селян, по подсчетам того же Ушачева, сократилось на 2,8 процента. Причина не только в демографическом кризисе, но и в деформации рынка труда на селе. Безработица и социальная неустроенность привели к массовому исходу трудоспособного населения в города. В деревнях одни старики оста-

лись. Им не до подъема животноводства, без которого не может быть и полеводства. И наоборот. Тут все взаимосвязано.

— Это уж точно. Пойдешь за грибами, ягодами или порыбачить, беда, к лесу, к реке не подступишься. Трава не то, что по пояс, по плечи. А дома в пустующих деревнях все репьями, чернобылом да крапивою заросли. Луга, что ранее глаз ковром цветов радовали, теперь стоят не кошены. И косить не кому, а, главное, не за чем. Редко в какой деревушке коровы остались.

— Вот и поговорили мы о своих делах прискорбных. Правда, губернатор Строев старается сегодня как-то дела поправить. Увеличили производство мяса птицы, растет поголовье КРС, вводят посевы рапса, привлекаются новые инвесторы. Отсюда я и делаю выводы, что не вечно зарастать полям срединной России бурьяном. Сама жизнь заставит обернуться лицом к селу.

— Дай-то бог, — подытожил Василий Иванович нашу беседу, — сбыться твоим надеждам. Ведь, как сказал Маяковский, что если зажигаются звезды, то это кому-нибудь нужно.

— Обязательно нужно. И, в первую очередь, самим детям.

Взобравшись на Зубаревскую горку, наш путь лежал на север. Вот трассу пересекла поперечная дорога. Влево осталась Китаево, некогда материнские пенаты, а вправо лежал поселок Калиновский — родной корень зятя и друга Василия Бондарева. Сюда и свернули, поблескивая на солнце, белые «Жигули» его свата.

Щербово

Так называется село, что раскинулось по берегам Машка, в котором когда-то, вблизи кладбища, была своя церковь. Рядом с ним поселок с видоизмененным названием Щербовский.

*Поселок Щербовский — центральный
Колхоза бывшего удел.
Согласно плану Генеральному
Он с каждым годом молодел.
Все хутора неперспективные
Сюда ссыпали в нужный срок.
Здесь месхетинцы, словно ссыльные,
Свой основали городок.*

На территории поселка расположены: двухэтажное здание правления бывшего колхоза имени Чкалова, одноэтажный домик местной администрации, вкупе с библиотекой, почета. Напротив — из стекла и бетона просторный магазин, где некогда хозяйничала моя сестра Антонина. Поодаль — памятник воинам Великой Отечественной войны.

Через дорогу высится строения мастерской, амбаров и складов, весов и зерносушилок.

Председателем нового образования — ООО «Щербовское», вместо колхоза, в настоящее время работает сын бывшей заведующей Михневской сельской библиотеки Валентины Егоровны Стрюковой, моей давней знакомой, Александр Николаевич Стрюков. Полный сил и энергии 43-летний мужчина, он всеми силами пытается облегчить жизнь селянам. Это благодаря ему сегодня все еще теплится жизнь земляков, возделываются и засеваются поля, возрождается животноводство.

Руководителем сельской администрации трудится так же коренной житель, патриот отчего края, сын бывшего председателя колхоза Василия Борисовича Тишина, героя-фронтовика, Игорь Васильевич Тишин, ровесник Александру Стрюкову. Оба они — выпускники Орловской сельскохозяйственной академии. Оба, где родились, там и сгодились. Они всеми силами стараются разбудить в людях неугасающую веру в их

высокое предназначенье. О том, как они это делают, рассказывается в статье журналистки Инны Зориной, опубликовавшей в Болховских курантах» от 14 сентября 2005 года статью «...И станет родина милее». Автор пишет: «Главное богатство администрации — певуны. Прослушав на деревенском пятаке Красной Лохани (что влево по Машку) старинные песни в исполнении Марии Гавриловны Карповой и Валентины Егоровны Стрюковой «Мы в долгу перед тобою, деревня» («БК» от 21 августа 2005 года), мы решили обязательно собрать фольклорный ансамбль «Сударушки» и познакомить с его творчеством учащихся городских школ.

Далее автор благодарит Игоря Васильевича Тишина за помочь в организации встречи, за разработанный и воплощенный в жизнь план работы по облагораживанию известного источника в лесу, как это делали предки.

Десятого сентября болховчане стали участниками посиделок в Михневской девятилетке. Директор Любовь Петровна Ёшина познакомила гостей со 100-летней историей школы. Рядом с современным зданием, которому 40 лет, где сегодня обучаются 24 учащихся, сохранился деревянный сруб постройки 1912 года.

В музее, уголке боевой славы, стенд «История школы», карта-схема существующих и исчезнувших населенных пунктов, описания летописи щербовского края, местных традиций и праздников, старинная утварь сельского быта, исследование творчества писателей и поэтов Орловщины. Есть там и мои книги. Мне было приятно услышать от Василия Бондарева, как школьники читают мои стихи. Замечу, что я не обучался в Михневской школе, но экзамены по окончанию Сивковской четырёхлетки сдавал здесь. Это было в 1951 году.

В отделе этнографии участница коллектива «Сударушки» Антонина Васильевна Тишина, вдова бывшего председателя колхоза и мать нынешнего главы администрации, продемонстрировала сарафан и женскую рубашку-коротайку. А жерлок для костюма, который она подарила школьному музею, сплела ее внучка, тринадцатилетняя Алёна.

С Антониной Васильевной я знаком с детских лет. Мы вместе с нею обучались в Репнинской средней школе. Она ро-

дом из Репнино.

Мария Гавриловна Карпова показала, как работает прядка, рассказала о назначении донца и кудельника. Рядом с прядкой подвешена люлька — раньше так и было в доме; женщина одновременно пряла пряжу и качала в люльке ребенка.

У Антонины Ивановны Бондаревой, моей кузине, так же члена «Сударушки» до сих пор сохранились домотканые полотенца, что сегодня большая редкость. Это — плод трудов ее матери, Марини Захаровны Дерябиной, которая умела: и ткать, и отбеливать холстины, бить пральником и сушить их на ярком солнце. Школьники увидели и пеленку, вышитую ею, рисунки узоров на рушниках, которыми мы в детстве так любовались.

Татьяна Акимовна Свиридова помогла желающим померить лапти. В такой «обувке» я два года пробегал в школу. Она так же надела на плечи ребят севалки и предложила по-пробовать посеять зерно. Подобные изделия с большим искусством исполнял мой отец, в том числе и на продажу.

Ребята узнали о назначении ухватов, об искусстве вязания крючком. Узнали о назначении красного угла, святой полочки с иконами и лампадой. Знакомство с отделом этнографии завершено. Затем был дан концерт трех поколений.

Звенели старинные и современные песни, задорные частушки. Не обошлось без знаменитой «барыни».

— Ноги болели, а сейчас перестали, — шутила моя сестра.

Остались довольными и другие участники встречи.

Приятно сознавать, что коллективы редакции Михневской сельской администрации: школа, Дом культуры и библиотека — сделали доброе дело. Хранительницы традиций почувствовали, что они еще нужны обществу, в первую очередь, молодому поколению. А от меня спасибо коллегам-журналистам, что не оставили без внимания дорогих моему сердцу земляков, с коими и родине милее.

Сивково

Итак, мы покидаем центральную усадьбу, переезжаем Машковский мост, взбираемся на крутой пригорок. Справа остается темно-зеленой стеной сосновый бор, где устроено кладбище, лог Жарновка; слева — лог Забелин и бывший Шуев поселок. От него, кроме двух-трех яблонь да полдесятка груш и вишен — ничего не осталось.

Вот и перекресток. Налево, поросшая травой тропка ведет в деревню Ушаково, за нею Голубовский поселок. Далее село Шамордино — это родина поэта Александра Логвинова.

*Здесь было пятьдесят дворов,
Теперь — четыре.
Лишь кладбище, что за холмом —
Темней и шире.*

В километре от Шамордино деревня Лабосынка с прудом. Из него и берет свое начало ручей Лабосин, в народе именуемый речушкой Лабосынь.

Если продолжать ехать по прямой, то, спустя версту, зажатый с двух сторон логами — Кленок, Городище и Копаня предстанет перед взором северная черта района и области — Альянский или Алленной мост. Однако наш путь лежит направо, где в полуверсте и находится мое отчее Сивково.

*В край отчий возвращаясь снова,
От счастья загораюсь я.
Кричу: «Привет, тебе, Сивково,
Деревня милая моя!»*

*Навстречу бабы, сбоку, сзади
Вот окружают на момент.
Жмут руки, шутят:
— Вот-те радость. Приехал
Наш корреспондент.*

Итак, дорогой читатель, я привел тебя, наконец, к истокам своего детства и юности... О том, как они складывались вы и прочтете в следующих записках провинциала.

«ДУШЕВНЫЯ СКОРБИ»

*Откуда мы пришли?
Куда свой путь вершим?
В чем нашей жизни смысл?
Он нам непостижим.*

Омар Хайям.

*Моя провинция — Сивково,
Зеленый, тихий уголок.
Мой Лабосин — первооснова,
И дел и дум моих исток.*

Деревушка Сивково, лесная речушка Лабосынь (официально ручей Лабосин) с многочисленными верхами и перелесками, луга и поля, до боли светлая тропинка в школу — эти отчие места несказанно дороги мне. Но, как в природе свет перемежается тенями, так и человеческая жизнь бывает не только счастливой и славной, но и трагически суровой, вот почему мы предпочли для заголовка очерка эти грустные слова — «душевые скорби», что принадлежат великому страдальцу за деревню, за крестьян, патриоту России Александру Радищеву.

Мое отношение к Сивково по мере взросления менялось, как и сама она, вместе с домами, прудами и колодцами, с просторной школой и пасекой, колхозными конюшнями и скотными дворами, звонкою кузней, веселыми размашистыми крыльями ветряка, уютной сторожкой деда Селиверста. Окружающие ее поля и луга, холмы и перелески, речушки и многочисленные с ключевой водой родники; восходы солнца над Будиной и цветастые вечерние зори, когда солнце огненным шаром скатывалось за большак, все это мне представлялось сказочным миром, волновало мою детскую душу. Так рождались первые стихи.

*...Деревня — ласковое слово
Мне светит солнышком в дали.
Волшебным именем — Сивково —
Ее недаром нарекли.*

*Иду родимым переулком,
Внимая каждому цветку,
И будто вижу Сивку-Бурку
С Иваном, стоя на скоку.*

*Как в сказке, прозвенели гулко
Копыта в синий окоем...
Сивково!
Не от Сивки-Бурки,
Скажи название твое?!*

Время шло. Окончена школа. Незаметно пролетели три армейских года. «Отслужив, как надо», я не вернулся домой, а стал студентом вначале Ивановского педагогического института, а затем Ростовского-на-Дону государственного университета. Летом, в дни каникул, я ежегодно навещал одинокую маму, обещая ей, что, как только получу Диплом, так сразу же приеду сюда работать.

*В краю родном
Мне все любимо:
Долины, рощи
Неба синь.
Ручей, журчащий за овином,
С названьем нежным
«Лабосынь».*

*Любимый край!
Родные дали!
От радости
Я как в бреду.
Уж если вы меня позвали,
То верьте мне, -
Я к вам приду.*

Не бросив слова на ветер, я три года, вплоть до смерти мамы в 1970, работал директором одной из местных школ. Когда ее не стало, то я обосновался в Орле, чтобы оставаться

ближе к родительским могилам, которые навещаю каждое лето. И с ужасом наблюдаю, как угасает жизнь в «разродимой сторонушке».

*Деревня отчая — заветное Сивково
Былинкою застрыла меж холмов:
Забытая, заброшенная, вдовья,
На тридцать хат в ней двое мужиков!*

*Ни кузницы, ни пасеки, ни школы.
И Лукича-учителя уж нет.
Пройдись от Бугаевых до Зюковых;
Здесь были пять домов, теперь — просвет!*

*Среди оврага — сгнившие колодцы:
В них редко обновляется вода.
Уж мхом покрылись треснувшие кольца,
А чуть пониже — старых два пруда.*

*От них ручей к речушке Лабосыни
Бежит среди ракитовых кустов;
Таков мой край! Мой уголок России!
В разливах перелесков и верхов...*

Но вернемся к воспоминаньям детства, когда, казалось, что и солнце ярче и деревья были большими

* * *

Три десятка, а в старину и того больше, кирпичных, деревянных и плетнево-саманных домишек Сивково, полукульцом окружали глубокий овраг, на дне которого возвышались срубами два колодца с ключевой водой. Столько же было и прудов. Это певец Игорь Тальков где-то отыскал «чистые пруды», наши же представляли собою зеленые лужи. Однако их замшелость и муть не мешали неприхотливым карасям набирать килограммового веса: ил был богат жирно-красным мотылем, а неугомонные родники зимою и летом давали обилие кислорода.

Как мы, разудальные мальчишки, с вечными цыпками на ногах (ведь с весны до октябряских холодов они не ведали обувки — это сейчас «страна березового ситца не заманит шляться босиком») не пытались забрасывать в воду самодельные палки-удочки, все было тщетно: рыба не клевала ни на хлеб, ни на червя. Потому о существовании огромных карасей мы узнавали лишь в пору вешнего солнцепёка, когда под напором талой воды земляная плотина нижнего пруда размывалась и давала течь. Через нее-то в половодье с шумом и грохотом устремлялись, вниз по ручью, серебристые, увесистые рыбины.

Звонкий ручей не успевал уносить золотистых карасей в бурно говорливый поток дотоле тихой и малой речушки Лабосынь, что за огородами гибкою дугой опоясывала деревушку. Причиною тому оказывались мелкие воронки, старая трава и ракитовые ветки (ракит в овраге было много и все они были могучими и многоствольными) — в них рыба задерживалась, застревала.

Это обстоятельство было на руку нам, юным рыболовам. Войдя в азарт охоты, нисколько не боясь простудиться, засучив по локоть рукава старых фуфаек, красными, похожими на раковые клешни, руками, мы копались в хладно-лютой воде, отыскивая золотистых красавцев, проходя от размытой прудовой плотины вниз по ручью.

Рыбалка заканчивалась у красно-кирпичного дома Новиковых, коих по-уличному звали — Зюковы (такое имя носил их предок). Здесь овраг расширялся, образуя низменную равнину. Бег воды замедлялся. К тому же предприимчивые хозяева ставили на ручье металлическую сетку: в результате их улов оказывался гораздо богаче нашего. И, главное, без лишних хлопот.

Если бы рыбе удавалось миновать Зюковскую сетку, то она бы сваливалась в сходивший террасой глубокий ров, по-росший густым кустарником, который являлся уже непосредственным отрогом Лабосыни. Случайно попавших в него карасей, в таком случае, надо было бы отыскивать на протяжении шести верст в мутной воде, вплоть до самого села Репнино, где наша скромница речушка впадала уже в настоящую, по весне, широко струйную речку Машок.

Репнино получило свое название от фамилии ее стародавнего владельца.

*Здесь жил
известный князь Репнин,
России верный гражданин -
Был губернатором в Орле;
Оставил память на земле.
А потому его село
И называют — Репнино.*

Расположено бывшее имение одного из Екатерининских вельмож и фаворитов на крутой возвышенности, именуемой Сельской горой. В памятные пятидесятые под этой горою, на берегу Машка, стояла мельничная плотина, где в половодье, стоная и охая, сталкивались, наезжая друг на друга, огромные синие и пористые глыбы льда. А между ними, в промоинах, высовывали из воды свои округло-черные головы крупные особи: вьюны и щуки, лини и голавли.

Наиболее смелые и отчаянные из мальчишек, вооружившись увесистыми палками и вилами, перебегая с льдины на льдину, ухитрялись вести за ними настоящую охоту. В случае удачи оглушенной палкой или нанизанную на вилы рыбу тут же выбрасывали на берег. Восторгам приятелей не было конца:

— Ух, какая щука попалась, — озорно кричали ребята, — на полпуда потянет!

— Вьюн-то, что удав, крупный какой!

— В-о-о, голавль! Одна голова — больше фунта...

В этих оценках, по обыкновению, случались и преувеличения, так свойственные рыбакам и охотникам, но бесспорен факт, что в то время в наших речках водились действительно значительные особи. Перефразируя известные лермонтовские строки, можно смело сказать:

*Да, были щуки в наше время,
Не то, что нынешнее племя...*

Теперь в Машке и в Лабосыни одно — килограммовая рыба скорее исключение, чем правило: обмелели реки, не стало на них ни мельничных плотин, ни иных запруд. В жаркое лето Лабосынь пересыхает. Под промоинами, в сохраняющихся небольших омутах, мы вылавливали шустрых гольцов. Большая рыба к нам не подходит.

На памяти и другие беды. Рукотворные. Плоды человеческого недомыслия. Была одно время мода мочить пеньку в реках. Вредные газы конопляной поскони вызывали замор рыбы. Смытые с полей минеральные удобрения, утечки бензина и мазута, а то еще и более опасных веществ, памятных по Амурской трагедии 2005, не говоря уже об использовании браконьерами электрических удочек, сделали свое черное дело: погубили былое богатство.

Хотя в данном случае разговор наш не об этом, но все же удержаться от законного упрека в адрес недальновидных хозяев жизни я не в силах. Будь на моем месте Александр Николаевич Радищев, он бы, несомненно, воскликнул: «Что вnum кам своим оставляете!? То, что отнять не можете — воздух, один воздух».

Не мог ведать, живя в экологически благополучном XVIII веке, русский патриот, что придет время и сам воздух станет проклятием для человечества. Печально-знаменитое «Чернобыльское огниво» опалило более всего на Орловщине поля, реки и леса непосредственно Болховского края. От рака преждевременно умерли десятки болховчан, в том числе мой первый редактор Михаил Михайлович Беликов, зять Василий Илларионович Бондарев. Еще накануне он говорил мне:

*Чернобыль здорово подгадил:
В наш край заразу принесло -
Лицо и руки разнесло...
Едва-едва с болезнью сладил.*

Сладил с одной, да не уберегся от другой. И сестру Антонину неожиданно стала мучить болезнь щитовидной железы — не обошлось без операции. Вот и оказывается, что людское разгульдяйство способно отравить ныне и сам... воздух.

«Сия укоризна, — как некогда писал враг «пагубного опустошения родной земли» Радищев, — произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением *душевных скорби*, исполнила сердце мое грустью».

В подобные минуты грусти я иду к любимой речушке.

*Реченька лесная Лабосынь,
Детства неухоженного свет.
Я пришел в объятия осин,
Чтобы сердцем раненым прозреть.*

*Заглянуть в хрустальные глаза,
Освежиться синью родников,
Ласково склоняется лоза
Надо мною лиственным венком.*

*Вот и камень, где когда-то мать
У черемух белых на виду -
Это надо видеть, чтоб понять! -
Колотила пральником нужду.*

*Волновала голубую стынь,
А с белья, казалось, не вода,
А стекали слезы в Лабосынь.
И вздыхала мама: «Вот беда...*

*Режутся рубашки под вальком.
Так и есть: сгорели на плечах».
И глядела долго в окоем
Сквозь туманы серые в глазах.*

УРОК ГЕОГРАФИИ

*Родина, край мой, имею ли право
Тебе передать любви моей правду?
Галина Фельдшерова.*

*Хоть Оды мы поем
Родному краю,
Эдема ж нет —
Я это твердо знаю.*

Петр Козин.

Свое имя под эпиграфом я поставил не случайно. Мне хочется в этой главе познакомить читателя со своею «точкой зрения» на мир, на страну и село, на ход развития общественных отношений. За последние 15 лет (1990-2005) мы потеряли 5 миллионов человек, и к 2050 году россиян может оставаться всего (из 146) 77 миллионов. Уровень смертности в 1,6 раза превышает показатели развитых государств.

В 1989 году в стране было 16 925 населенных пунктов, где жили менее 6 человек, как в Сивково, в 2002 почти вдвое больше — 32 997. О старении деревни красноречиво свидетельствуют данные статистики. Сегодня на селе проживают 7 миллионов 660 тысяч человек старше 60 лет или 20 процентов. Смертность обгоняет рождаемость в 2,5 раза.

Итог разрушительных реформ на селе — сокращение валового производства практически в два раза. Треть потребляемого мяса завозится по импорту, а всего товаров — на 10—12 миллиардов долларов. Ежегодно. Количество работающих на сельскохозяйственных предприятиях с 8,3 млн. чел. в 1990 году сократилось до 3,3 млн. в 2004 году. Острейшая проблема села — привлечение и закрепление молодых кадров. Большинство из них не устраивает низкая заработная плата, отсутствие новой техники, тяжелый ручной труд, отсутствие компьютеров.

Остановить вымирание, деградацию села, сохранить наше богатство — 10 процентов мировых пахотных угодий, чистую воду (важнейший ресурс XXI века) — вот что не на словах, а на деле должно стать национальным приоритетом России. Об

этом надо заботиться не только Путину и Медведеву, не только местным руководителям, как Игорь Тишин и Александр Стрюков, но и всем честным патриотам страны.

Как мы убедились, Россия, к сожалению, не Эдем. Где же он? Ведь молодежи в последние годы средства массовой информации расписывали некий благословенный западный рай. Журналист Иван Комаров осмелился поместить в одной из газет свою статью, которую так и озаглавил «Эдема, увы, нет». Он пишет, что обрушившийся на США (летом 2005) ураган «Катерина» не только показал, что у людей пока нет управы на стихию, но и развеял, как туман, сочиненную сладкопевцами «демократии» сказку о том, что Соединенные Штаты — это социально-экономический Эдем, рай земной, идеал цивилизации. Оказалось, что нет никакого Эдема, а есть насквозь прогнившее общество, государство, в котором живется припеваючи лишь толстосумам, а до судьбы народа, до его благополучия властям предержащим нет никакого дела. Средства, выделенные на строительство заградительной дамбы со стороны Миссисипи, которая должна была защитить Новый Орлеан от наводнения, правительство США «вложило» в войну в Ираке. Иначе и быть не могло: забота о барышах олигархов превыше всего. И город затопило.

В это трудно поверить, но таков факт: руководство самой могущественной капиталистической державы заявило на весь мир, что своими силами не справится с ликвидацией последствий стихии. Куда же подевалось богатство Америки? Оно никуда не подевалось, просто тамошние олигархи не хотят раскошелиться, нести убытки. Вот и обратились за бесплатной посторонней «гуманитарной» помощью.

Попавший в страшную беду народ оставлен на произвол судьбы. Власти не организовали своевременную эвакуацию людей из зон бедствия, не организовали оказание медицинской помощи и обеспечение продовольствием. Количество жертв исчисляется тысячами.

Люди оказались один на один не только со слепой, жестокой стихией, но и с мародёрами. О том, какой размах там принял мародёрство, можно судить по тому, что на борьбу с ним брошены войска, причем войска, побывавшие в пекле

Ирака. Мародерство невозможно в благополучном, процветающем обществе, оно возможно лишь там, где массы обездоленных, нищих, влачащих жалкое существование людей.

Разыгравшаяся трагедия в «оплоте» демократии, гуманизма и цивилизации, безусловно, многим американцам раскроет глаза, и они, наконец, увидят, в каком обществе живут. Но все это имеет непосредственное отношение и к россиянам, — заключает автор статьи, — наши «демократические» пастыри говорят нам, что достигнем идеала — построим цивилизованное общество по образу и подобию счастливой Америки — и потекут у нас молочные реки с кисельными берегами! А идеал-то, вон каков!

Да, идеал получается, действительно, ни к черту. Однако оставим глобальные проблемы современности и спустимся на землю моего края. Сейчас мне хочется дать небольшой урок географии.

* * *

Поговорим о таких понятиях, как ландшафт, рельеф местности. Но прежде о пейзаже. Ярко и красочно писать о нем могли лишь подлинные романтики, подобно французу Жюль Верну и американцу Джеку Лондону. Из русских писателей, способных превратить научную географию в поэтическую «Кладовую солнца», оказался наш земляк Михаил Пришвин. Не случайно, что великий Горький не удержался от восторгов, сообщая о том ему в своем письме: «Писать пейзаж у нас многие очаровательно умели и умеют. Стоит вспомнить Тургенева, «Записки ружейного охотника» Аксакова, превосходные картины Льва Толстого. Чехов «Степь» свою точно цветным бисером вышил. Сергеев-Ценский, изображая пейзаж Крыма, как будто Шопена на свирели играет. Ни у одного из русских писателей я не встречал, не чувствовал такого гармонического сочетания любви к земле и знания о ней, как вижу и чувствую это у вас. Ваши слова о «тайнах земли» звучат для меня словами будущего человека, полновластного владыки и мужа земли, творца чудес и радости ее. Обычно люди говорят земле: «Мы — твои», вы говорите ей: «Ты — моя!».

Насчет «полновластного владыки» Горький, конечно, пре-

увеличил. Доказательством тому вышеупомянутая трагедия стихии в США. И не только там. Что касается «любви к земле» — это точно. Не испытывая подобного чувства, нельзя вести урок географии. А я призываю читателя внимательно взглянуться в условные знаки физической и географической карт, что висят на стене моего кабинета. Тут можно убедиться, что по географическому расположению Болховский край составляет северную часть Орловско-Курского плато Средне-Русской возвышенности. Радостному взору предстанут голубые прожилки рек — Оки и Нугря. С Близненских дворов, что расположены в соседней Калужской области, берет свое начало речка Машок, впадающая в Нугрь. Заметим, что на берегах этой реки и стоит Болхов.

*Любимый Болхов — старый русский город
Стоит века на берегу Нугря,
Его спалить пытался крымский ворон,
Но не сумел, лишь горячился зря.*

Нугрь, в свою очередь, за Репнино впадает в красавицу Оку. Чуть южнее Машка тонкой извилистой линией обозначен его правый приток, доселе, до обустройства там рукотворного водоема, бывший неизвестным и неприметным Рог, что народ величает ласково — Рожок. Но где же левый приток Машка — отчая Лабосынь? Этой пограничной с Тульчиной речушкой нет даже на областных картах, разве лишь, топографической. И не только, как убедимся, по причине малого размера.

*Пруд, что в деревне Лабосынка,
Хоть не широк и не глубок,
Но из него — хрустальной жилкой
Ручья родимого исток.*

*Вначале робко. С каждым шагом
Все веселей его поток.
У Репнино студеной влагой
Он устремляется в Машок.*

*Ордынский хан, окинув взглядом
Ручей, петлявший средь лозин,
За родники его, в награду,
Ему дал имя — Лабосин!*

Именно Лабосин, а не Лабосынь мы можем отыскать в музейных картах. В таковую он превратился по воле моих предков, как видно не смирившихся с чужестранным названием. Лабосин, что в переводе с китайского языка, означает — живой ключ. Находясь в составе «Золотой Орды», китайцы оставили на нашей земле свой след. С их подачи, в пяти километрах от Сивково, появилась деревня Китаево, которая, как я ранее отмечал, является малой родиной моей мамы. Летом 2002 с друзьями Василиями я тщетно пытался отыскать там ее отчий дом, но не обнаружил даже его фундамента. И памяти о деде и бабушке по материнской линии в вымирающей, поросшей репьями и крапивой деревушке среди ее жителей не нашел, хотя в пятидесятые годы, когда я в детстве впервые посетил Китаево, он еще высился на берегу Рожка. Но, видимо, не случайно, а по воле судьбы, моя мама сменяла Рожок на Лабосынь. Как никак, а все китайские корни.

Поэт Александр Логвинов часто шутит:

— Моя отчая Шамордино, и твоя — Сивково стоят на одном овраге, по дну которого и бежит, воспетая тобою, речушка. Ты, по существу, — мой овражный брат...

Мне пришлось ответить ему стихами:

*Близ Шамордино, где прудок
Зарос полынью,
И начинается исток
У Лабосыни,*

*Бежит ручей среди полян
К Сивковским хатам...
За то поэт зовет меня —
«Овражным братом».*

Трудно не согласиться. Живем мы с ним в таком углу, где один петух на три губернии кричит: Орловскую, Тульскую и

Калужскую. Рельеф же местности всюду одинаков. Поверхность отличается большой изрезанностью. Она имеет густую сеть речек, долины которых местами глубокие и узкие. Крутизна ступенчатых террасированных склонов объясняется тем, что реки некогда были куда значительнее, чем сегодня. Террасы представляют собою равнинные участки, расчлененные ложбинами и балками. Но, если у Машка и Рога их всего две, то у Лабосыни я насчитал целых три — так глубока ее долина.

Наш край располагается на границе лесной и степной зон, по образному выражению Ивана Бунина, «в плодородном подстепье». Преобладающими видами почв здесь являются: се-рые лесные, подзолы, суглинки и черноземы. Известный учёный-почвовед Докучаев утверждал, что русский чернозем дороже каменного угля, дороже нефти, дороже золота. Это в зло-памятные сороковые подтвердили и немецкие завоеватели. Жаль, что доля чернозема у нас крайне незначительна; все больше подзол да суглинок. Они же имеют повышенную кислотность и отличаются низким содержанием фосфора и калия. Налицо процесс деградации и снижения плодородия почв в последние, так называемые, перестроочные годы. При потребности в 228 килограммов туков на гектар химических удобрений их вносится лишь 9. Оказываются в дефиците, из-за низкого поголовья скота и птицы, так же и органические удобрения.

Серьезно причиной разрушения почв является их сильная подверженность водной и ветровой эрозии. Ярким примером тому может служить случай, имевший место весною 2000 года. Мы обратимся к нему, чтобы как-то оживить мой затянувшийся урок географии.

Оползень

*На рубеже тысячелетий —
Пик катаклизмов на планете.
Огромный оползень-обвал
Сразил сивковцев наповал.*

Да, было отчего прийти не то что в изумление, а поистине в ужас, видя такое. Мощный оползень едва не поглотил фундамент здания Сивковской начальной школы. Стены же школы были разрушены. Я горько сожалел тогда:

*Ведь школьный дом мог простоять века,
У стен кирпичных кладка без изъяна:
Ни плесени, ни трещин, ни грибка...
Теперь — одна зияющая рана!*

*Зачем бездумно так рубить сплеча?
Здесь ферма быть могла бы на радость людям...
И я невольно вспомнил Лукича —
Учителя, что сердце не забудет.*

*За знания, что возвышали нас,
За Ёлку новогоднюю и книжки,
За кафельную печь, за светлый класс,
За доброе внимание к ребятишкам.*

*Как мотылек, порхал он там и тут:
Строгал, пилил, он жить не мог иначе.
Без дела не сидел пять минут —
Читал, писал и разъяснял задачи.*

Замечу, что свой очерк «Первый учитель» я опубликовал в «Орловском комсомольце» еще в 70 годы. Представляю, что было бы с ним, если бы он увидел то, чему свидетелями стали сегодня мы, его ученики. Он бы умер от инфаркта. С преподанной ему столь жестокой задачей он не справился бы. Катаклизмы природы переносятся легче, чем подобные явления

в человеческих душах. Ведь в 2000 еще стоял фундамент, а сейчас я не обнаружил на месте школы ни одного камня или бревна. Только мощно разросшийся парк деревьев, которые мы сажали вместе с ним еще в далекие сороковые и пятидесятые, смягчал нашу праведную горечь.

Теперь же обратимся к моим запискам пятилетней давности, когда еще был жив и здоров бывший председатель Михневского сельского совета, затем Калиновский фермер, мой зять и друг Василий Иванович Бондарев. Ведь именно с ним и с односельчанином, некогда колхозным шофером Александром Филипповичем Бурдыкиным мы оказались на месте природной катастрофы, так взволновавшей жителей Сивково, — не светопреставление ли началось.

Мы стояли у огромного провала значительного участка правого берега Лабосыни, у Лисичьего рва. Он представлял собою:

*Овраг с отвесною стеной
Воображенье поражает:
Он размывается весной,
Структуры почвы обнажает
И первым делом — глинозем:
Кирпич, как хлебные буханки,
Сивковский каменщик Арсён
Здесь выпекал в своей жиганке.*

*В логу немало лисьих нор,
Зверьков, крадущихся за дичью.
Не зря в народе с давних пор
Он называется Лисичим.*

Дед Арсён был знаменит не только, как профессиональный каменщик,озведший и в деревне и в округе немало добрых кирпичных зданий, но и тем, что неуклонно блюл обычаи предков. Когда ему было уже под 90, он сам заготовил себе домовину и положил ее до срока на чердак своего дома. Мы, ребяташки, случайно заглянувшие туда, обомлели, уви-

дев белеющий в полутьме гроб, словно там уже лежал покойник. Придет время, и мы станем свидетелями того, как в этой самой домовине мудрого и работящего деда Арсена снесут на кладбище, в печально известные «Ёлки».

Так вот, злополучный оползень, начав свое обрушение у школьного сада, более чем за двести метров, свернув вправо и, подминая под себя целую полосу могучих двадцатиметровых берез и осин, ореховых и ракитовых кустарников, своим провалом достиг левого берега Лисичьего рва, а по нему сполз далеко вниз, где завершил свой путь сооружением естественной плотины на Лабосыни. «Ну, до чего природа торовата!», — как воскликнул бы дедушка Крылов. Такое и в сказке не представишь: по щучьему велению, да по моему хотению, вмиг плотина. Да еще какая! Без свай и щебня, камней и бетона.

— Зима-то в этот год удалась снежной и теплой, — объяснял причину случившегося бедствия (поле было приведено в негодность) земляк-старожил Бурдыкин, — а тут еще по весне дожди зарядили. Грунт — то песок да глина. К слову сказать, и пахать нынче, как зря стали, поковыряют больше, а не как положено — вести борозду поперек склона.

— Здесь больше на землетрясение похоже, — высказал свою мысль о случившемся Калиновский фермер Василий Бондарев, — ведь не впервые: то с Альп, то с Кавказских гор эта беда приходит.

— Всякое может быть, — не стал спорить Александр Филиппович и широким жестом руки пригласил нас спуститься к речке.

Аккуратно продвигаемся по неровному, высокому склону Лисичьего рва, наполовину запруженного толстым слоем бесценных кирпичных глин, из коих затвердевший поток, упервшись в левый берег Лабосыни, образовал широкую запруду. Остановившая неукротимый бег речушка заполнила собою глубокое русло. Уровень воды поднялся до полутора метров и достиг моста, по которому лежит шоссе: «Болхов — Белев».

Альянский мост

Иначе — Аленной. В основе не женское имя Алена, а скорее всего от разговорного Алень, вместо Олень. Эти животные и ныне бегают здесь по многочисленным перелескам. Судите сами. Мост лежит над Лабосынью, а к ее долине широкими луговинами выходит целая обойма верхов: Долгий и Короткий, Перелеска и Лусошек, Кленок и Городище, Васильевский и Копаня.

*Леса — загадка. Тут шалят.
Идут в ход камни и поленья!
И в старину, как говорят,
Здесь был ограблен сам Тургенев!*

Он действительно бывал здесь проездом. То по надобностям охоты — в Калужские леса, то в Белев — за дробью.

Сюда за грибами и ягодами ездят со всей округи. За дарами природы часто, в летние каникулы, наведывался и мой внук Максимка с юными родственниками Светой и Александром Бондаревыми. Нередко и мы с сестрой Антониной охотимся в Кленке за лисичками.

В незабываемые детские годы, когда в окрестных верхах трудно было найти слегу, (леса вырубались по приказу немцев, да и на топку требовалось не мало), сосед Федор Гришин, он был старше меня на 15 лет и был другом моего брата Александра, брал меня с собою в Городище.

*Мы за дубками в этот лес
Ходили с Федором-соседом,
И проявляя интерес
К его названью, он поведал:
— Кажись, тут в древние года,
У вятичей был град солидный...
— Но почему, — скажи тогда, —
Здесь археологов не видно?
Они уж знают, где и как
Вести раскоп. На дело хватки!
Ну, хоть бы раз какой чудак
Тут показался б для порядка.*

Чудака, как видно, не нашлось. И Городище до сего дня скрывает в своих глубоких рвах и пещерах былые тайны.

Альянский мост посетили многие мои друзья. Среди них генеральный директор ОМОИ «Орловские родники» Сергей Иванович Шмелев, журналист и поэт Альберт Петрович Лущенко, фотокорреспондент Валерий Яковлевич Часовитин, инженер Гальперина Елена Юрьевна. Все они восхищались открывающимися здесь, перед их взором, красотами природы.

— Это что там за лесок? Что на холме, справа?

— Верх — Перелески. От него начинается лесополоса. Она то и является разделительной чертой Тульской и Орловской губерний. Напши — Сивковский, Аннинские, Репнинские пашни соседствуют с полями Жуковского поселка, деревень Борково и Алтухово, относящимися к Белевскому району Тульчины. Кстати в Алтухово родился и провел свои детские годы писатель Сергей Бородин, автор знаменитого романа «Дмитрий Донской».

— Петр Дмитриевич! Ты же редактируешь нашу туристскую газету «Орловские родники», — не удержался от замечания генеральный директор Шмелев, — а до сих пор не написал об этом — Тургенев, Бородин, Логвинов, Козин. Разве эти имена не заслуживают внимания? А тут еще Альянский мост, Лабосынь, Городище. Вот приеду в Орел и скажу нашему президенту Ассесоровой Людмиле Ивановне, чтобы она специальный туристский маршрут организовала. Тут никаких Америк открывать не надо, взял в руки твои «Перелески» и шпарь — все в готовом виде.

— Верно, — поддержал товарища Валерий Часовитин. — Вон стоят указатели: на юге — Орловская, на севере — Тульская области. Поднимаю взгляд и будто читаю твои стихи:

*Грань, между Тулой и Орлом,
Себя в мой край вписала веско.
Она на стыке двух краев
Зовется просто — Перелеска.*

Это же здорово! Здесь в сорок третьем бои шли. Не зря,

как ты пишешь, там у леска три подбитых танка стояли. Или другие строчки:

*Лес близ Альянского моста,
Что трассой лег над Лабосынью.
И всем проезжим те места
Глухими кажутся и ныне.*

Вот наша задача и разбудить эти глухие места, вдохнуть в них жизнь.

— А мне больше нравятся стихи об этой вот, — Елена Гальперина показывает рукою вниз, под мост, — родниковой речушке, где из-за кустов и воды не видно, и еще о дарах природы.

*Здесь при желании нарвешь
Орехов полные карманы,
Опять, волнушек наберешь.
Клубники целые поляны.*

Всегда веселый, не унывающий ни при каких обстоятельствах поэт Альберт Лущенко больше интересовался дорогой в Белев. Он продекламировал:

*Люблю дорогу на Белев:
Её шершавые ладони,
Луга в буденовках стогов,
Оки широкое раздолье.*

Хорошие образы. Удачные. А что, Белев на Оке стоит?

— Да, как и Орел. Только река там уже более полноводная. Пока Орловщину пробежит, сил набирает, клубит и пенится.

— А какое расстояние до города?

— Около тридцати. Мы туда с хлебозаготовками в детстве ездили. И брата на Белевскую автостанцию отвозжу, когда Александр со мною в деревне бывает — путь промерен.

— А от моста до Болхова?

— Верст пятнадцать.

Обозревая окрестности, впечатлительный лирик не сдержал своего восхищения:

— Ландшафт, поистине, живописный! Альянский мост — как это поэтично звучит! Широкая долина, приречный луг, бесчисленные родники. И балка на балке, овраг на овраге. Да ты, Петр, прав, здесь пруды только строить да рыбу разводить.

Мечты и реальность

И вот теперь, как бы продолжая нашу беседу с Альбертом Лущенко на известном мосту, односельчанин Александр Бурдыкин делится с приятелем Василием Бондаревым и мною своею неподдельной радостью:

— Это здорово, как нам повезло! Помимо Васильевского зарыбленного пруда у нас теперь, благодаря дару матушки-природы в виде оползневой плотины, есть еще, где рыбу разводить. Мы уже в естественный прудок — и щук, и карасей с карпами запустили.

— Не было бы счастья, да несчастье помогло, — рассмеялся Василий.

— Волшебство, да и только, — поддержал я восторг земляков, — сбылась моя детская мечта! Хотя...

— Что тебя не устраивает? — насторожились собеседники.

— То, — отвечаю, — что одной низовой и легко размываемой весенними паводками и дождями глиняной плотины здесь недостаточно. Учитывая глубину и всю двенадцати километровую (такая длина Лабосыни) протяженность долины, тут самим богом предначертано создать целый каскад запруд. И, как положено, с железобетонными отливами.

— О, как хватил! Хотя, не плохо бы!

— От Сивково до Репнино, — продолжал развивать мою идею Бондарев, — таких плотин можно было бы с десяток

соорудить. Почитай, что весь район, с его 25 тысячами обитателей — рыбью бы снабдили.

— А деньги, материалы, транспорт? Где брать? У кого? Да еще — сплошное бездорожье. Одна надежда на тракторы да на господа бога, — усомнился Бурдыкин.

— Материальные затраты еще не все, — упорствовал Василий Илларионович, — они, безусловно, нужны. Главная же проблема — другая.

— Какая? Не тяни быка за хвост! — нетерпение Александра Филипповича, казалось, было на исходе.

— Не тяну я, не горячись! И проблему назову, она — в людях!

— Вот еще! Кличбросят — приедут.

— Да нет, тут без коренных не обойтись, — в голосе собеседника слышалась твердая уверенность, и он спросил: «Скажи, Александр, сколько в Сивкове сегодня мужиков?»

— Удружили с вопросом! Да я тебе, как некрасовский «мужичок с ноготок» отвечу:

«Семья-то? Большая! Да два человека!

Всего мужиков-то: кум Вася, да — я!»

Шутка удалась. Бесчисленные кусты-заросли Лабосыни впервые за много лет услышали громогласный хохот трех здоровых мужчин. Отсмеявшись, декламатор продолжал:

— Из 30 дворов пять еще кое-как теплятся — печки из труб дым пускают. В доме моего тестя (речь идет о первом послевоенном председателе колхоза Александре Митрофановиче Новикове), да в хате, Петя, твоего друга Миши Гришина, что где-то, как и ты, в Орле обитает, теперь дачники живут. Из местных остались: кум Василий Федорович Архипов с гражданской женой Марией Николаевной Корневой, она родом из Репнино. Он сошелся с нею после смерти Фроси Бугаевой. В дому над прудом маются две сестры Сергейчевы. Одна из них, Настя, ведь с детства хромает. На самом краю деревни живет «цыганка» Мария Гришина, что за покойным Кузьмичем замужем была. Ну, еще я со своею ненаглядною Любочкой. Вот и весь расклад. Разве еще для тебя персонально, Петр Дмит-

риевич, новость есть — твоя былая соседка Софья Кузина, в Болховский Дом старчества подалась. Да и поделом. С детства плохо было со зрением, а к старости совсем ослепла. Пока за водою к колодцу сходит — не раз упадет: за нею уход нужен. Бывает, летом наведывается из райцентра дочка бывшего заведующего Сивковской начальной школы, Дмитрия Лукича Яшина. Она же тебя тоже учила, Анна Дмитриевна, что замужем за Иваном Гапоновым. И дом мужа проведывает и на огороде что-то сажает. Так-то вот. Подопрел ныне Сивковский куст, как ты пишешь:

*Ни кузницы, ни пасеки, ни школы
И Лукича — учителя уж нет!*

— Да! — тяжело вздыхаю я.

— Точно, не густо! — досадливо вставил свое слово Василий Илларионович. — От такого гнилого куста для нашего дела проку мало. Тут молодые силы нужны!

— Где их взять молодых-то? — Александр Филиппович сокрушенno покачал головою, — когда их пустыми «палочками», да непомерными налогами задавили. Почтай за все платили, разве, как при Петре Великом за дым только еще не брали. Выжили молодежь. Сейчас, как услышу про безработицу — тошно на душе. Ведь забот за край. Земля в запустении. Поля не обрабатываются. Луга на Лабосыни уже десяток лет стоят не кошенными. Сами видите — чернобыл кругом, к ручью не подойти. Как услышу песню: «На дальней станции сойду, трава по пояс», то горько становится от такой неточности. Не по пояс нынче трава, а по самую макушку. Коси, не ленись. Нам с Васею Архиповым не по силам на луга добираться. Возле дома, по полянам на наших коров хватает сена. Последние годы держим. Как только станет не в мочь — сведем и мы с дворов кормилец. Если по уму рассудить, то сейчас пришла самая пора заниматься фермерством, как ты, Илларионыч. Но жилка тонка у молодых. Обленились по городам и столицам. А ведь кто-то из мудрых поэтов сказал, что «чем в столице пыль мести, и этим возгордиться, не лучше б в поле хлеб растить: Москва за стол без хлеба не садится».

— Это строки Вячеслава Богданова, уральского поэта, — заметил я.

— Тебе это виднее о коллегах знать, — продолжал Бурдыкин, — я сейчас о временщиках хочу слово сказать. Приехали к нам месхетинцы, все кладбище наше православное своими лоскутами завесили. Но не в этом суть. Кроме них хватает переселенцев из «ближнего зарубежья». Демографический процент поднимают, а работать на земле не хотят. Бесплатный дом на Щербово получают, кое-как зиму перебираются, все испортят, а то и жилье сожгут. Уехали! Поминай, как звали. Сивково и прочие деревушки по-прежнему считаются бесперспективными.

— Глупее не придумаешь! — взорвался Илларионович. — Мой родовой поселок Калиновский то же к таковым «порочным» причислили, а я его ни на какое Щербово вкупе с Лоханью не сменяю.

— С тобою все понятно, — соглашается собеседник, — ты на «дедовском» корню, где родился, там и сгодился.

— Так и должно быть! — широко улыбается фермер. — Нет для русского крестьянина дороже своего — дома, пруда, леса, поля, луга, речки. Широкого простора. Чистого воздуха. Земли — сколько хочешь. За мною два гектара числится. Только — хозяйствуй, не ленись.

— Получается, что было все колхозное, а теперь — мое, — не без иронии замечает Филиппович.

— Хоть бы и так, а что тебя не устраивает?

— Кормилицу-то нашу скоро буржуи раскупят.

— Всю не съедят, подавятся, — зло отпарировал фермер, — пускай наезжают. Попашут. Помучаются. На земле без пота — не работа! Это не с торговли пенки снимать.

— Да у тебя самого жена 30 лет в торговле проработала.

— Правильно. Об этом я и говорю. Без любви к труду на земле дивидендов не жди. У нас не краснодарские степи, где сунь железный кол в землю и тот прорастет. Все больше не черноземы, а подзолы да суглинки. Я — агроном, а потому знаю цену труда на нашей земле, где по оврагам, не то что на «таchanке-ростовчанке», а и пешком без опаски не пройдешь. Поэтому нам больше нужны не колеса, а лопаты да косы.

— Факт. Бугров хватает, — согласился когда-то бравый шофер Бурдыкин.

— И все равно. Отчая земля — любушка наша! Я ее — кормилицу ни на какие Канары не сменяю, — уверенно и радостно завершил затянувшуюся беседу Василий Илларионович, всей жизнью подтвердившей свое высокое предназначение ее хранителя и возделывателя.

Не вступая в спор приятелей, я любовался ими, их жилистыми руками, натруженными плечами, добрыми взглядами. Верилось, что они были искренними во всем — мыслях, словах и поступках. Пусть отчая земля — не Канары и не Эдем, а все же — родная и благословенная, начало всех начал.

ПАМЯТИ ОТЦА

*По вечерам, когда метельной ряской
Стучался ветер в синее окно,
Отец, как хлебом,
угощал нас сказкой -
И в сумрак приходило волшебство.*

В очерке «Большая звезда» Михаил Пришвин поведал историю о том, как собирались пожилые люди и затеяли что-то вроде игры: каждый по очереди должен был ответить, в каком человеческом возрасте он себя сейчас ощущает. Люди под пятьдесят отвечали, что чувствуют себя 30-летними, за шестьдесят — 20-летними, а когда очередь дошла до него, самого старшего, то он ответил, что бывает по-разному, но в среднем его хорошем состоянии здоровья, чувствует себя мальчиком.

Прав писатель. Мне 65, но когда яобщаюсь с внуками: 15-летним Максимом и 7-летней Настей, то чувствую себя на равных. С десятиклассником Максимом, увлекающимся с раннего детства военными играми, мы ведем исторические исследования и разбираем компьютерные головоломки. Еще в 2002 году нам повезло с ним в течение двух недель лакомиться черникой и рыбачить на озере «Селигер», постоять у истока Волги. Побывали мы и на знаменитом Бородинском поле, где стали свидетелями имитации грандиозного сражения между французскими и русскими войсками, организованного московским губернатором — генералом Громовым по случаю празднования 190-ой годовщины первой Отечественной войны 1812 года.. Набрались массы впечатлений, посещая с экскурсиями военные музеи в Туле и Орле, Саратове и Брянске.

Таким же юным первоклассником, как моя внучка Настя, чувствую себя, когда собираю гербарий в Андриабужском лесу, что под Орлом, невдалеке от нашей дачи, или когда ловлю пескарей на броду мелководной Оптухи. Но чаще всего, когда взволнованно и упоенно читаю с нею чудо-сказки, над вымыслом слезами обливаясь, как некогда юный Пушкин. Подетски радуюсь вместе с начинающей поэтессой сочиненному ею первому стихотворению о лете:

*Прекрасное лето:
Птички поют,
Бабочки порхают -
Нектар пьют.*

Подобное состояние души передал в письме Роллану великий Горький: «Мне 60 лет, но я не чувствую упадка воли к жизни и вкуса к ней». Будучи педагогом, Пришвин наставлял своих учеников: «Лучшее, чем могут почтить молодые люди своих дедов и отцов — это оказать внимание их рассказам о тех временах, когда были они, старые люди, тоже детьми. На этом основано в народе естественное воспитание сказками: деды и отцы рассказывают, а ребяташки — слушают и учатся».

Так было и со мною, как сегодня с моими внуками, отец рассказывал (дедов в живых не было) всевозможные были и небылицы, а я внимал ему и наматывал, как говорят, на ус.

*На память знал он многие легенды
Про давнюю, седую старину.
Вселял в меня счастливые надежды,
Рассказывал, пока я не усну.*

Следуя путем «Багрова внука» — Сергея Тимофеевича Аксакова, я написал для своих наследников, чтобы знали «откуда есть и пошел на русской земле род Козиных», краткую «Семейную хронику». Родоначальником династии, за незнанием предков, я определил отца — Козина Дмитрия Ивановича, что по имени-отчеству был тезкой великому князю Московскому, прозванного Донским.

Родился отец в то время, когда над Россией проносилась первая революционная гроза. В 1905 году. Вести о забастовках в городах, о крестьянских бунтах против помещиков проникали и в Сивково. Приободрились батраки и поденщики, жившие в полуслгнивших избах, ранее за версту снимавшие шапки перед хозяевами, а теперь открыто их поносили, упоминая про известный «Манифест».

Отдавая дань правде, замечу, что предки отца по матери, Мавры Андреевны Бугаевой, моей единственной бабушки, ко-

торую я знал, слыши людьми состоятельными. На их дворе были: кони и коровы, свиньи и овцы, утки и гуси. Благо под избою был пруд. И жили они в добротном кирпичном доме, что стоит целым и невредимым в Сивково. После отъезда бабушки в Серпухов, он перешел в распоряжение ее брата, родного дяди отца — Никиты Андреевича Бугаева, что долгие годы работал колхозным кладовщиком. Если мы голодали, то у него всегда хлебушка про запас. От того сало его свиней — в ладонь. Наши же «крапивные» пороссята не превращались в полноценных хрюшек и давали бекон, что на вкус, к слову сказать, приятнее, слаше.

Первая жена Никиты Андреевича умерла, оставив ему dochь и сына. На Донбассе у него были родственники, а потому, когда дети подросли, то переехали жить к ним, на Украину. Там же Никита и нашел себе новую жену, фронтовичку Ефросинью. Так в Сивково появилась первая хохлушка, которая постоянно перемешивала русскую и украинскую речь. Жаргон получался забавным, а потому Фрося Бугаева, как ее все звали, стала олицетворением любопытства и шуток. Дружбу с нашей семьей не водила, но и агрессии не проявляла, держась особняком.

Но вернемся к биографии отца. После поражения революции 1905—1907 годов, несколько воспрянувшая беднота вновь прикусила языки. Все пошло по старому, даже хуже. За недомики сводили коров и овец. Мужиков стали пороть, а самых бойких отправляли в уездный град Болхов.

Столыпинская реформа расколола крестьянскую общину. Наиболее предпримчивые селяне основали: у Васильевского, Лусошковского, других логов хутора и отрубы. Частью крестьяне переселились — на Голубовский, Шуевский, Архангельский поселки. Отчаянно смелые снялись с родных гнезд и отправились на свободные земли Урала и Сибири, Дальнего Востока и Сахалина, на донецкие шахты.

Детство отца было безоблачным. Он блестяще окончил «церковно-приходскую» четырехлетнюю школу. Прекрасно, по тем временам, писал и считал. Слыл умным и знающим. Любил читать, а за неимением книг, штудировал газеты, прежде чем использовать их на самокрутки. Увлекался политикой,

всегда был в курсе текущих событий. От того и стекались к нему по вечерам земляки. Заглядывал и осторожный на язык дядюшка Никита, но все больше, чтобы «побаловаться в картишки», да ненароком послушать, о чем говорят и думают односельчане.

*Со всех концов деревни приходили
К нему послушать сказки мужики.
И, словно бы в награду, приносили
Ему за то — кто сала, кто муки...*

Природа наградила отца высоким, едва не двухметровым, ростом, силою в руках и мужской статью. Будучи в молодых летах, купался он как-то с ребятами в Рожковском омуте, что под Китаево и заприметил на речном бережку, хотя и низкорослую, но стройную и симпатичную девушку. Познакомился. Спустя некоторое время заслал к ее родителям сватов. Свадьба состоялась в 1922, когда уже и революция 1917 и гражданская война отпылали. Крестьяне, выйдя из общин, наконец, получив землю, зажили, как выражались тогда, по единоличному...

Дед Иван сгинул в лихолетье гражданской войны. За кого он воевал — за «белых» или за красных? Мне неизвестно. Мужиком-то он слыл состоятельным. Бабушка Мавра терпеть не могла «голь перекатную», каковою была моя мать. Её отец, а мой дед Петр, от которого я унаследовал свое имя, безусловно, был «красным» по своему социальному положению бедняка. Женился мой отец в семнадцать. Мать же на два года была старше. В 1925 году родился у них первенец — сын Александр. Всего у родителей было шестеро детей — три сына и три дочери. Вот почему, слушая сказки, многие из которых начинались словами: «Жил-был царь. У него было три сына. Первый — умный был «детина», средний был — и так, и сяк, младший был — совсем дурак», я наивно спрашивал у отца: «У нас что, тоже так?».

— Как? — настораживался он, поворачивая ко мне небритое лицо.

— Как в сказке. Нас трое братьев. Старший Александр, с двадцать пятого, средний Иван, с тридцать седьмого, а я млад-

ший, с сорокового. Вот и выходит: Александр умный, Иван — так и сяк, а я, Петр, получается, совсем дурак.

Озадаченный отец, будто видя в первый раз, с любопытством глядел на меня, затем, уразумев мою мысль, начинал отчаянно смеяться. Не удержался, чтобы потревожить вечно хлопотавшую по дому жену.

— Поля, ты только послушай, — отец свешивал с печи лысую голову, — что наш младшенький придумал?

— Некогда мне ваши сказки слушать. Корове, овцам еще не дадено, поросенок, как оглашенный визжит, куры еще никак на насест не сядут.

— С тобою все ясно, — бросает отец и начинает уразумевать меня, — ты пойми, что в сказках младшим бывает Иванушка-дурачок. И в конце, на поверку, он выходит самым умным. Тебя же Петром зовут. Кто из вас, братьев, окажется умнее, это жизнь покажет. Учись хорошо, чтобы не быть дураком.

*Мы — бедняки!
Об лед, как рыбам, биться
Пришлось нам с мамой -
Богу рассудить...
Тебе ж, сыночек,
Надобно учиться,
Чтоб жизнь свою
Достойнее прожить.*

Эта беседа с отцом состоялась в конце сороковых, а в голодные тридцатые годы двое моих сестер, из «трех царевен» умерли от голода, да мы все, остальные, чудом выжили. Бабушка Мавра Андреевна не только не помогала нам, но и потребовала, чтобы сын покинул ее кирпичный дом и обзавелся своим. Ей докучала детвора.

*Отцу пришлось покинуть отчий кров,
Но выросла избушка возле школы.*

Отец не боялся превратностей судьбы, твердо веря в свои богатырские силы. Вот как об этом я позже писал:

*В трудах отцова молодость была,
Он в одиночку выводил стропила.
Любяясь им, как маковка, цвела
Петрова дочь, родная половина.*

Все бы ничего, но в злопамятном 1937 году, к потрясениям страны от «культы Сталина», пришла в родительский дом — собственная трагедия. Предыстория ее обыдenna и прозаична. В дом к новоселам, в обеденный перерыв как-то заглянула соседка, жившая напротив, рядом с председательским домом Новиковых, некая Гришина Наталья. Она попросила отца: «Дмитрий Иванович! Покрой мне, пожалуйста, двор. Я уже и стропил дубовых, и слег березовых, и соломки свежей сготовила». Отзычивый и добный сердцем, прихватив с собою необходимый инструмент, отец, не мешкая, отправился выполнить просьбу соседки. Приставив лестницу, взобрался на высокую крышу двора и начал работу. Тут-то все и случилось. Старая, гнилая слега, не выдержав груза тела здорового мужчины, с треском обломилась.

*Ерошил ветер черную солому,
Гонял по скатам, ставил на дыбы.
Вдруг треск слеги...
Отец, подобно грому,
Сквозь кровлю провалился на дубы.
На их сухах,
Лицом, к раздетой крыше
В поту горячем корчился отец.
– Расколот позвоночник.
– Еле дышит...
Перекрестились бабы:
– Знать, конец!...*

Разбитый позвоночник привел к параличу ног: доктора не помогли! Так, не достигнув года до возраста Христа, отец превратился из цветущего мужчины, полного добрых надежд и благородных замыслов, в инвалида-калечу. Передвигался он на коленях и руках — ползал на четвереньках.

*И с той поры
И ни врачи, ни слезы
На ноги не поставили отца.
А тут война!
Пылали в небе грозы.
Еще удар! -
Ни дома, ни крыльца.*

Пришла беда — отворяй ворота. В октябре 1941 года в Сивково появились новые хозяева жизни — немцы. И, хотя нас сейчас пытаются убедить, что немцы были плохие, — фашисты и хорошие. Но мы-то, побывавшие в оккупации, знаем, что и хорошие в нас стреляли. И так же мародёрничали, по принципу: «Матка — куру, матка — яйца!». Старшего брата Александра, вместе с другими подростками, скрутили и отправили в Германию на каторжные работы.

Когда в июле-августе сорок третьего разверзлась огненная Орловско-Курская дуга, маму с тремя детьми оккупанты выгнали из родного гнезда и заставили плестись в обозе, используя в качестве живого щита. Гнали через Нарышкино, Хотынец, вплоть до Брянска и далее... Свидетели умерли, а я, поздно спохватившись, не в силах теперь доказать, что как и многие другие земляки, был «узником фашизма».

Возвратившись из ада боев, мы пришли в неописуемый ужас, попав из огня да в полымя — у места отчего дома зияла зловещая воронка! Его напрочь разрушила советская авиационная бомба. Летчики, прилетевшие со стороны Репнино, целили в школу, где размещался немецкий штаб, а спалили нашу избу.

*Прямой наводкой Сивково бомбили.
Отец над пеплом, горя не тая,
Молил судьбу, чтобы его убили,
Чтоб больше с ним не мучилась семья!*

Тринадцатилетняя, 1930 года рождения, единственная из трех, оставшаяся в живых, сестра Мария, шестилетний брат Иван, отец, мама и я, трех лет от роду, оказались на пустыре.

Безо всяких средств существования. Родителей к тому же отягощала мысль о судьбе старшего сына Александра, находящегося в немецкой неволе. Мы стояли не просто у разбитого корыта, а у голодной смерти на краю.

Кто виноват? Что делать? Вечные русские вопросы. Но, если на первый ответ однозначный — фашисты, то на второй могла ответить лишь мать. Вся надежда была на нее — худенькую, хрупкую, сорокалетнюю женщину. Это на ее плечи свалился, поистине, непомерный груз ответственности за жизнь семьи.

*Не каждая снесет такого груза,
Чтоб с четырьмя, без хлеба, без угла.
Я — инвалид! Безногая обуза!
А тут война — жестокая была!*

Так образно и горько станет рассказывать мне, повзрослевшему сыну, о подвиге матери, что сродни воинскому, мой отец.

Да, не каждый мужчина, а не то, что слабая женщина снесет такого груза! Но мать все-таки выдюжила. Она поселила нас в немецком блиндаже, что находился под избою, стоявшей на высокой круче, многодетной семьи Новиковых, напротив дома Зюковых. С морозами, когда сырье попоны под нами, мальчишками, стали покрываться по ночам инеем, выпросилась на постой к бабке Горбатке, что жила над прудом, рядом с хозяйством семьи Михаила Гришина, моего друга детства. Отцу-инвалиду там места не оказалось, и он уехал к своей маме, в Серпухов, куда предприимчивая бабушка перебралась еще до войны.

Только 4 года спустя, в 1947, маме, наконец, удалось каким-то невероятным чудом, не построить, а, как она выражалась, слепить из полусгнивших бревен хатку-мазанку с сенцами из плетня, оштукатуренными свежим навозом.

Узнав об этом, важнейшим для семьи, событии, отец оставил город и возвратился в деревню. Он внял просьбам матери — присмотреть за детьми. Привез с собою инвалидную коляску с блестящими спицами — возделенный предмет нашего с братом Иваном любопытства.

Именно со дня возвращения в Сивково я и стал помнить отца. Это случилось глубокой осенью сорок седьмого. Земля была занесена пущистым снегом, и я уже в салазках из-под снарядных гильз катался с бугра, прямо на пруд. Уставший, но счастливый общению с природой, я возвратился домой. Поставил салазки рядом с необычной для меня и невиданной доселе, коляской, что заняла половину сеней, и открыл дверь хаты. Вшел — отца увидел за столом.

*Он весь пропах ржаным, духмяным хлебом,
А на столе уж суп давно остыл.
Отец его нисколько не отведал.
Он ждал меня. И вот явился сын.*

*Он, плача, обнимал, и я запомнил
Его слова, что душу теребят:
Прости, отца! Любви я не достоин.
Сыночек мой, люби родную мать!*

Об этом меня и не нужно было просить. Я и без того любил ее нежною и трепетною любовью. Она для меня была и навсегда осталась — солнечным светом дня, звездным сиянием ночи, теплым дыханьем весны, золотым очарованьем осени, прелестью снежного утра. Всем-всем, что есть чудесного и прекрасного в этом мире.

Легче ли стало матери с приездом мужа? Односложно ответить не просто, но думаю, что не очень. Прибавился лишний рот. Ведь отцу — ни государство, ни колхоз ничем не помогли. А тут налоги! Их не брали, а как стонала мать, выдириали, без всякого снисхождения на наше малолетство и убогость отца. Кощунственно и бессердечно навязывались нам тогда песни-лизунги:

*За детство счастливое наше
Спасибо, родная страна!...*

Наше детство превратилось в сплошное мытарство. Не жизнь — выживание. Не было дела стране до голодных, сирых и хромых. Впрочем, и сегодня Ельцино-Путинскому пра-

вительству, так же нет по-настоящему никакого дела до 5 миллионов, возвращенных их действиями, так называемыми «демократическими реформами», беспризорников.

Если нас в памятные, сороковые, и спасал кто-то от голодной смерти, так это Природа-мать, что «щавелёк спасительный растила, картошку оставляла про запас». Вот на «тошнотиках», как мы называли блины из перепревшей за зиму в земле картошки, свекольных бураках да крапиве и выжили. Хлеб с мякиною пополам. Запах настоящего ржаного хлеба и его вкус я впервые почувствовал лишь с приездом из Серпухова отца. Он-то и привез с собою несколько «фабричных» буханок. Мать пекла хлеба по ей только известным рецептам. Хорош он или плох, мы не ведали. Теперь можем сравнить. Городской хлеб оказался вкуснее деревенского. Отсюда и возникли у мальчишек легенды о городах, где каждый магазин — бараками увенчен.

Читать и писать я стал рано, как моя внучка Настя, еще до школы. Правда, Настя почему-то предпочитает держать ручку и карандаш в левой руке, чем смутила вначале свою первую учительницу 28-й школы-лицея, где учится, Аллу Павловну Чирикину. Но мы попросили её не переучивать новоявленную «левшу». Вначале она сомневалась в верности нашего решения, но когда увидела творение рук ее: ровно, почти каллиграфические, написанные буквы, цифры, искусно вылепленные из пластилина фигурки зверей и птичек, то не удержалась, чтобы публично похвалить, урезонивая при этом незадачливых учеников.

- Настя Корнеева-Козина пишет и лепит левою рукою лучше, чем многие из ваших ребят правой, — делала она замечания родителям на классном собрании, — обратите внимание на их почерк и помогите им.

Настя же всякие излишние наставления категорически отвергает. Ее трудолюбие до кропотливости, усердие до изнеможения приходится порою даже сдерживать. Уж таковою она родилась — активной и самостоятельной.

Таковым в детстве был и я. Бездо всякой внешней опеки обучался по Иванову букварю. Брат вечерами раскладывал книжки и тетрадки на столе, готовил уроки. Я наблюдал за

ним и молча повторял его действия. Став первоклассником, я удивил своего первого учителя Дмитрия Лукича Яшина своим умением. Будучи опытным педагогом, он тут же нашел выход: давал интересную книгу. За четыре года обучения я перечитал все художественные книжки из его волшебных «библиотечных» шкафов.

Еще в конце войны, в 1945, пятнадцатилетнюю сестру Марию по принудительному, так называемому, организованному набору, отправили в Москву, в школу фабрично-заводского обучения. Став монтером, она работала вначале в Погольске, затем на восстановлении разрушенного Сталинграда. Там познакомилась с молодым формовщиком Ростовского гипсового завода, казаком станицы Нижне-Гниловская Николаем Максимовичем Приходько. В 17 лет сестра вышла за него замуж и уехала на Дон.

В 1951 году брат Иван закончил 7 классов Репнинской средней школы. По настойчивому требованию сестры, родители согласились, чтобы он переехал в Ростов-на-Дону. Здесь, в доме Приходьковых, он стал жить и учиться в горном техникуме.

В этом же году я успешно сдал выпускные экзамены за начальную школу. Они проводились в здании Михневской семилетки. А по осени, забросив котомку за плечи, отправился «грызть гранит науки» в Репнинскую среднюю, где некогда учился мой брат Иван. Отныне отцу никто не был помехой, и он все внимание сосредоточил на моем воспитании.

Родители называли меня: «последышем» или «младшеньким», а потому особенно любили. К тому же, я родился спустя три года, как отец стал увечным. Это накладывало определенный отпечаток. Вот почему они пристально следили за степенью моего физического и нравственного развития.

* * *

Взамен обычных, легких и понятных сказок, которыми отец потчевал нас с братом Иваном в раннем детстве, когда мы лежали с ним на печи у тревожного гудящей под ветром трубы, он плавно переходил к русским былинам и былям. И не только о великом князе Владимире Святом, богатыре Илье Муром-

це и соловье-разбойнике, но и о страшном голоде, разразившемся в тридцать втором году на Украине и в Поволжье. Рассказывал о каннибалах двадцатого века, о коих я имел смутное представление лишь по прочтению романа Дефо «Робинзон Крузо». Потрясали его «были» о зверствах фашистов в окрестных селах, об их местных прислужниках, о колхозных и личных делах и неурядицах. Во всех задушевных, как он выражался, беседах рефреном звучал его, по-ленински лаконичный призыв: учиться, учиться и учиться.

В подтверждение пользы самостоятельного обучения по книгам, он вытаскивал образы то «архангельского мужика», что «по своей и божьей воле стал разумен и велик», то нижегородского мастерового Алеши Пешкова, который и будучи «в людях», мечтал об университете.

Отец знал и любил книги Горького. Ведь и сам он, как и этот великий писатель, поскитался по свету. Добывал торф под Иваново-Вознесенском, где мне позже доведется служить, разгружал вагоны на станции в Серпухове, рыл траншеи и дефирировал на ямщицком облучке в Ленинграде, лечился в Крыму. Постоянно имел дело не только с честными работягами, но и с «дном общества»: лодырями, мошенниками, ворами и другими проходимцами. И все это во имя семьи. В злопамятные тридцатые годы.

*И, чтоб от голода спасти своих детей,
Отец покинул бедную сторонку.
И разгулялся силушкой своей
Среди болот — на торфоразработках.*

*Поднакопив кое-каких деньжат,
Не выдержав обманов при расчетах,
Отец уехал в стольный Ленинград,
Где ящиком усердно поработал.*

*В деревню возвратившись, узнает:
Что обе дочери лежат в могиле,
И старший сын его едва встает;
Он тоже пострадал от дистрофии.*

Мне памятны его рассказы и сегодня, когда наглядно вижу голодных людей, копающихся за поиском съестного в мусорных баках, каждую весну ремонтируя окна и двери, разоренными ворами дачи или подаю мелочь на хлеб кому-либо, промстившемуся на тротуаре или переходному мосту, несчастному бродяге. Понимаю, что время горьковских «Челкашей» не ушло безвозвратно.

Как-то на трамвайной остановке завода Медведева, у киоска «Змиевские продукты», я наблюдал такую картину... В старых валенках с галошами, в грязном, задрипанном пальто, с испачканной сажею бородою, бледнолицый человек лет 50 протянул в окошко киоскера неведомо откуда взявшуюся у него крупную денежную купюру, сказав: «Отвесь круг ливерной колбасы, да столько, чтобы на бутылку осталось».

Пожилая, поднаторевшим взглядом продавщица, определив в покупателе боязка, рассердилась:

— Жрать, видно, нечего. И спал в кочегарке — весь в угле, а, поди, дурак, все туда же, все о водке мысли... Пропойца несчастный! Лучше б работу нашел — не стар еще. Пахать да пахать!...

Бомж, нисколько не смущаясь, с подчеркнутым достоинством сунул колбасную коляску в грязный пакет, при этом небрежно оттолкнул приставшую к нему голодную, как он сам, собаку, развернувшись, звучно продекламировал:

*Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб тебя, не видя, умереть.*

Меня поразило не то, что он читал Есенинские строчки, а как он это делал — артистично, грамотно, с интонацией. Ну, прямо-таки, Дронников! Этот уставший, с небритым, мертвенно-бледным лицом, опустившийся на дно бытия, но, по своему гордый и самолюбивый бич, чувствовалось, сам был поэтом. Мне стало горько и обидно. Наблюдавшая за этой картиной Валентина Алексеевна, моя жена, угадавшая мое душевное состояние, постаралась успокоить:

— Чему удивляешься?! Сколько их — бездомных и безработных интеллигентов наплодило наше демократическое пра-

вительство? Считай, что в каждом городе по легиону! Проходу нет от горьких пропойц, с пути сбившихся. При Советах таких не было. Все работали! За тунеядство судили. Порядок был. Коллективизм. Сейчас живем по звериному закону капитализма: «каждый за себя, один бог — за всех!»

Подумал я тогда и такое. Еще в шестидесятые годы XIX века Чернышевский выступал против жалостливо-сентиментального отношения к «маленькому человеку», ибо исторические условия заставляли не только жалеть «маленьких людей», но и требовать от них активных действий, того, чтобы они перестали быть «маленькими». Разве сейчас, размышляя я, не назрела общественная необходимость и политическая потребность участия трудящихся масс в борьбе за революционное преобразование общества? Конечно, назрела. «Безумство «храбрых» — вот мудрость жизни!» — утверждал Горький. Но, нет сегодня безумно «храбрых» — в этом все дело. Пикеты пенсионеров на автомагистралях в феврале 2005 или выступления в январе 2006 против отмены льгот и реформы ЖКХ, больше напоминают горький, но бессмысленный плач княжны Ярославны, стоящей на городской стене древнего Путивля, по безвозвратно сгинувшему в половецком плену мужу, чем смелую, осознанную борьбу за права человека.

Демократ Владимир Жириновский как-то лицемерно вешал по радио, что дескать, обижают русских: глупыми Иванами зовут, а их вкупе с Ивановыми, только в Москве — сотни тысяч! Полу русский патриот защищал себя от потерявших честь, узурпировавших власть в России «Абрамовичей» и «Абрамов», будучи таковым, наполовину сам. Но все тот же Жириновский инициировал судебный иск к партии «Родина» на выборах в Московскую Думу за «ролик», якобы разжигающий национальную рознь. Отсюда и сомнения в подлинной искренности главного либерального демократа, публично демонстрирующего свою приверженность борьбе против геноцида русского народа.

Ему, безусловно, ведомы слова «железного канцлера» Бисмарка о том, что великие дела парламентскими речами не вершатся. Что касается «железа и крови», в чем поднаторел Ельцин, расстреливая из пушек в памятно-кровавом девяносто-

то третьем, Белый дом, то на это сегодня не способны и самые отчаянные национал-большевики, лимоновцы. Выпады же РНЕ господина Баркашова более смахивают на рядовое хулиганство. Вождь КПРФ Зюганов, клеймя позором европейских деятелей, приравнявших коммунистов к фашистам, горой стоит за честь 22 маршалов-большевиков. Они освобождали ту же неблагодарную Европу от «коричневой чумы, тем не менее, не опечален судьбой вымирающей русской нации, а все также упоенно твердит о «братской дружбе народов», которая и привела ныне к запустению Центральной России.

Чеченцы, выходит, нас так и не научили, что значит быть настоящими национал-патриотами. Русские напрочь забыли горьковские песни о Соколе и Буревестнике.

Мой же отец знал их наизусть. Знал и о том, что путь к богатству всегда лежит через преступление. «Крупная собственность — суть кражи», — справедливо считал Джек Лондон. И только один Ходорковский уяснил для себя, что за кражу гноят в тюрьмах. Остальные миллиардеры, нажившиеся на приватизации, а точнее на «прихватизации» национальных богатств России все еще пребывают в добром здравии. Вывозят отечественный капитал за рубеж. Покупают иностранные футбольные клубы, виллы и яхты. В общем, благоденствуют за народный счет.

«Толку нет в жизни нашей, — возмущался некогда герой одноименного горьковского романа, купец Фома Гордеев, — одни работают, другие только командируют и потеют... а получают за это больше».

Так и сегодня дела обстоят. Как-то оказался я в офисе «Развитие» на приеме обманутых вкладчиков воротилами финансовых пирамид: «Хопер», «Селенг», «Русская недвижимость»... Беседую с одним из бывальных пенсионеров. Он рассказал, что на заводе Приборов замы Генерального директора получают по 140 тысяч рублей в месяц, тогда как рядовые рабочие по одной-две. Еще больший контраст производит зарплата главы РАО ЭС. Она составляет 200 тысяч долларов. Парламентарии попытались уточнить. И что же? Господин Чубайс не подтвердил, но и не опроверг этот факт, сославшись на всевидящее око налоговой службы.

Другой собеседник — ветеран Сталепрокатного завода — поведал такую историю образца 2002 года. Приехал к ним губернатор Строев. Встретили по-царски: девушки, цветы, хлеб-соль... Он и спрашивает одного из рабочих:

- Сколько получаете?
- Пять с половиной тысяч, — заученно отвечает тот.
- Вот и ладненько!

Едва отошел Егор Семенович, товарищи обступили «хвастуна». Потребовали честного признания о заработке.

- Пять с половиной, — стоял на своих цифрах несчастный труженик.

- Это за сколько месяцев?
- За два!..
- Так бы и говорил, а не врал.

Лакировка, приукрашивание, как процветали при социализме, так же пышным цветом, если не более ярко, расцветают и сейчас в нашей «пoreформенной» действительности.

* * *

Нищенское положение семьи постоянно мучило отца. Всю жизнь он старался отвести «злодейку-нужду», но и как другие «оплошавшие» односельчане, не мог добиться этого в силу физических и социальных причин. Еще вместе с братом Иваном мы подталкивали инвалидную коляску, когда отец отправлялся в соседнюю деревню Ушаково за юридической помощью. В 50-е там проживал бывший судья. Он-то и помогал отцу писать «куда след» относительно его «роковой инвалидности». И малых детей — голодных ртов. Просил, чтобы государство ему посочувствовало, помогло, хотя бы налоги «скостили».

Чиновники отвечали, что он — «бытовой инвалид», а не «фронтовой калека», значит, прав на льготы не имеет. В то время, как он рыдал от унижений и собственного бессилия, мы — школьники, задорно пели:

*Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...*

«Давно бы наложил на себя руки от такой «паскудной» жизни, — горько признавался отец, — да мать и вас, детей, жалко».

Но кормиться как-то надо было, вот он и подвизался на посильных подработках: чинил колхозные хомуты и обувку односельчанам, плел лапти, кошелки и сбивал огромные хоботные корзины. Целые возы ивовых прутьев переработал.

*За прутьями лозы, за свежим лыком
Мы ездили с отцом по всем верхам:
С коляской своей он управлялся лихо,
Я только на подъемах помогал.*

*Он весь в поту. Но я не слышу стонов...
Вот ровный путь. Он скажет: «Наконец!» -
Из племени отважных Робинзонов
Пришел в наш мир
Мой первый друг — отец!*

*Все делал сам: копал, строгал и резал...
Огонь своей секирой добывал.
А для ножей — такие делал лезвия! -
На загляденье! Был бы лишь металл!*

И топор, и нож, и лопата не выходили из его крепких рук. Заготавливал на печную топку дрова, стоя на коленях (голени и ступни не подавали признаков жизни) умудрялся копать лопатой и киркою обрабатывать землю. Огород же наш измерялся 36 сотками. Было где помучиться. С него — весь доход и сама жизнь. Для поросят отец рубил листья свеклы и собранную мною крапиву. За все брался — не один километр за день выполняет.

- Митя, — бывало, взмолится мать, — ты бы штаны поберег! Не надоело коленки-то штопать? Ведь, последние дотираешь — дыра на дыре.

- Ничего, Поля, — отвечал отец, — вон кусок брезента еще остался, залатаю. Без дела, сиднем, не насидишься. Как отвезут в «Ёлки», там и отдохнем. Тебе с колхозом да со скотиною хотя бы управиться.

- Горе ты мое! — только и простонет мать.

Однако, не смотря на «горе», отец умел сохранять в себе чувство достоинства человека-труженика, которое он, по мере сил, старался привить и нам, детям, нередко напутствуя:

- До богатства далеко, а голову держи высоко!

В чем же он видел путь нашего будущего преуспевания в жизни. Ясно — в учебе.

*О, сколько нас голодных ребятишек,
Что горе мыкали — босые и в лаптях,
Не знали школ и не читали книжек -
При свете жили, словно бы в потьмах.*

*Вот мама не читала, не писала.
Она совсем неграмотной была.
Меня такая ж участь ожидала,
Когда бы не отцовские слова...*

*Свет проникал сквозь мутные оконца,
Отец привстал и начал говорить:
- Учись, мой сын, иначе век придется,
Как говорят, волам хвосты крутить!*

Отец отлично сознавал, что мы не можем, подобно богатому купцу Фоме Гордееву, гордо заявить: «Пусть голодные учатся — мне не надо...». Мы были голодными, и нам было «надо». Предстояло и мне теперь ходить учиться в Репнино. Не просто, не легко ежедневно совершать на пустой желудок путь туда и сюда в 12 километров. Другой дороги к счастью и достойной жизни у детей бедного и убогого крестьянина не было...

Разве лишь перспектива — волам хвосты крутить. Действительно, скота в колхозе и у деревенских хозяев было так много, а профессиональные пастухи из «засеки» не часто занимались, что мне с ранней весны до поздней осени, в ущерб школьным занятиям, приходилось пасти: то коней в ночном, то буренок в полях, то овец по буграм. Причем КРС было два стада — колхозное и личное. И пасли их по отдельности.

Как справедливо отмечал бывший тамбовский подпасок,

а затем известный крестьянский писатель — тезка Петр Замойский: «Пастушество считалось тогда в среде состоятельных и тяготеющих к ним крестьян чуть ли не позорным явлением, а пастух — последним человеком, достойным, подобно нищему, презрения и насмешек».

Представился случай напомнить, что сам отец был из состоятельной семьи. Это его проклятая инвалидность подкосила. Не то бы ни он сам, ни его семья, а я в этом твердо уверен, ибо отец был умным и сильным, настоящим мастеровым и волевым человеком, не оказались бы в таком нищенском, в таком унизительном положении.

Отец прожил всего 53 года (1905—1958). Умирая, он неизменно повторял: «Учись, сынок!». Его завет имел исторические корни. Ведь в прошлых веках решалось все просто: у кого земля, тот и богат, у кого ее нет, тот — беден! При Советах, когда земля стала общей, стране потребовались специалисты из гущи народной. Для развития индустрии, сельскохозяйственного производства, культуры потребовались образованные кадры. Через знания бедняк получил возможность «выйти в люди». Ведь, как бы ни идеализировали ленинскую «кухарку», а управлять страной могли лишь профессионально подготовленные люди.

Это хорошо понимал мой отец. Уверен был и в том, что на пустых колхозных трудоднях далеко не уедешь, а потому мне, по его разумению, необходимо было обосноваться в городе. Он и сам неоднократно звал нашу мать переехать с детьми в Серпухов, в совхоз, где хотя и не густо, а труд все же оплачивался «живыми» деньгами. Однако, оказалась живучая сила традиций, тяжесть родных корней. Они цепко держали в своих объятиях, ничего не ведавшую о мире, никогда, нигде, кроме Болхова, не бывавшую мою неграмотную мать. Её отсталость, забитость, а может быть любовь, верность отцовским могилам — не позволили ей решиться на перемену мест.

Страх перед неизвестностью оказался сильнее голоса разума. Хотя и мать желала мне всего того, что и отец: выучиться и пановать в городе. Подальше, как она выражалась, от навоза и грязи, от злых людских насмешек.

ДОРОГА В ШКОЛУ

*Хотя порою голодал
И босиком сюда шагал,
Но дорог сердцу все равно
Путь из Сивково — в Репнино.*

Ветreno-снежной зимою и дождливо-хладной осенью, слякотно — весенним бездорожьем и душно — летней порою, в дырявых валенках или в латаных отцом башмаках, а нередко и босиком, я отмеривал едва ли не ежедневно по 5-6 километров от деревни Сивково до села Репнино.

Откуда, спросите вы, такая неопределенность: пять-шесть? Дело в том, какой путь выбираешь? Если удобно — торную дорогу, накатанную колесами телег и машин, что в круговую, слева от Сивково, ведет к школе через населенные пункты Аннино и Алтухово. Или такую же, проезжую дорогу, но уже справа, минуя поселок Архангельский и Татарский лог, то уложишься — в шесть.

Если отправишься к цели напрямую, через дощатый мосток через Лабосынь, а затем луговою тропкой, по ее крутому бережку, то насчитаешь не более пяти верст.

Мы, Сивковские ученики, а с нами ребята окрестных деревень: Аннино, Щербово, Ушаково и поселков: Архангельский, Голубовский, Шуевский, конечно, избирали более короткий путь. Он хотя и вел «через реки, горы и долины», но казался более живописным. Тем более, что на уроках геометрии мы отлично усвоили, что самая большая сторона треугольника всегда меньше суммы двух других его сторон. Нам же делать крюк было ни к чему.

Для кого как, но для меня «моя дорога» была настоящей школой познания природы. Во все времена года.

Багряной осенью я шел холмистой или ровной полевой тропкою, сбивая серебристые паутины с росной травы, и упивался янтарно-чистым воздухом. Любовался «жаркими» кострами светлых рощ и перелесков, коими так богата долина тихой, серебристо-струйной Лабосыни.

*Как ртуть сверкает на траве роса,
Мохнатый шмель в цветок
Свой хобот тычет.
В шелковых платьях светлые леса,
А по полям — веселый гомон птичий.*

Поднимешь голову, глянешь окрест — все существо твое наполняется восторгом. Остановишься на мгновение и взращуешься: журавлиному клину в высоком небе, золотистому живилю, шатрам стогов на склоненном лугу, пестрым стадам коров у ивнякового пруда, хрустальным ключам ручья.

Глубоко вдохнешь ароматную струю чистого воздуха, и до боли понятной станет сгораемая вдохновением душа великого кудесника Пушкина, чудесно опоэтизировавшего осеннюю «прощальную красу», когда поистине «в багрец и золото одетые леса», так таинственно притягательны, так волнуют и манят к себе, что сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет от счастья. Особенно я люблю кленовые листья.

*Как радужно прекрасны листья клёна,
Что так похожи на мою ладонь.
Возьмешь листок — он будто раскаленный,
Огнем горит, и ты его не тронь!*

Но я не только трогал, но и хватал охапками — столько золота, граблями собирая. В каждой книжке — обязательно, в качестве закладки, по кленовому листку.

Моя тропка в школу, словно чуткий хамелеон, часто-часто меняет свою окраску: с зеленою на желтую, с желтой на красную, а поздней осенью становится серебристо-белой.

Первые морозцы сковывают зеленые омыты Лабосыни, и я не могу оставаться равнодушным к прелестям подледного царства. Ложусь на еще хрупкий панцирь и внимательно все рассматриваю. Вот ручейник передвигается, неторопливо таша на себе песочный домик-трубку. Вот мальчики стайками гуляют и, подойдя под меня, быстро снуют и исчезают. А вот и полосатый окунь выдвинулся из водорослей и замер, не шевелясь. Постучал я по льду рукой — никакого внимания. Постоял окунь

еще немного, передвинулся и опять замер. Неподалеку от окуния, у валуна, распустил свои острые колючки, забыв о всякой осторожности, ёрш. Чудо! Нити водорослей, тонкие как паутина, колышутся на воде, поблескивая красно-зелеными лепестками...

Подумалось, как жаль, что я не француз Флобер, который умел живописать картины природы не только словами, но и трехмерным ритмически-музыкальным звучанием: время, краски, запахи. Если же добавить к этому набору еще и сами звуки, то образуется четырехмерная гамма ритмов.

Моя речушка, как мы ранее отмечали, состоит из многочисленных родников. Самые «живые» и бойкие — это ключи Лусошка и Камня. Кристальной прозрачности воду отдают они лесной красавице-речушке, питают её, сохраняя первозданную свежесть и в летнюю жару и в сильные морозы. Уже в конце ноября выпадает легкий, пушистый снег. Наступает зима.

*Зима у нас, как сказка, как виденье -
Ракиты в шляпах, ели в серебре...
Коньки, салазки, лыжи — вот веселье!
Бугры под снегом — радость детворе.*

Не страшен зимний холод тому крестьянину, кто «оделся в тулуp, и в ус не дует», так же, как и лесам, полянам, укатанным сугробами снега. В суровые же морозы, бывает, провалившись в каком-либо логу, а там, под сугробом, — живая вода, и даже листочки зеленые видны.

В школу идем гуськом. Впереди — самые рослые и сильные ребята прокладывают дорогу слабым малышам. Жгучий ветер бодрит, подгоняет, не дает покоя. Но за шутками, смехом все трудности переносятся легче. Обмороженные — редкость, ибо мы следим друг за дружкой. И вовремя успеваем растереть мохнатыми варежками побелевшие щеки.

Мною давно замечено, что деревенские ребята, в отличие от городских подростков, более проворные, находчивые, не уступающие в ловкости детям природы — цыганам, а главное — прямодушные и отзывчивые. Таковыми они стали благодаря постоянному противодействию естественным стихиям: бу-

рям, морозам, ветрам и ливням. При южном, средиземноморском ветре, у нас случаются дожди и оттепели под самый Новый год. Так уж получается, что дорога в школу бывает всегда полна неожиданностей. И среди зимы — в воде искупаясь. Горя хватишь. Радостей все же больше.

Для катания ребята используют большие сани — розвальни. В них набиваются дюжина шустрых мальчишек. Для индивидуальных гонщиков приспособлены узкие санки из-под снарядных гильз, отлично сработанные деревенскими умельцами — самодельные, из клена или бук, лыжи. Коньки привязаны бечевками прямо к валенкам. Берега Сивковского оврага крутые, почти отвесные. Скатаешься с горы, дух захватывает! Ветер в ушах! С крутизны на крутизну выносит. Руки стынут от холодных палок, а щекам горячо. В Репнино, на лыжных соревнованиях в школе, так стараемся пробежать трехкилометровую дистанцию, что невольно открывается, как выражался физрук Василий Никитович, второе дыхание.

Но, как бы ни было хорошо зимою, мы с затаенной надеждою ждем прихода весны. Хотя именно в эту пору и начинаются для нас самые серьезные испытания. Нехитрая обувь быстро намокает. Разваливается от воды и грязи. Мерзнут ноги, а от них и все тело. Начинается время массовых заболеваний: ангиной, гриппом, а то и куриной слепотой. Болезни эти больше от худого житья-бытия: от скверной одежды, несносного питания — пустые щи да забеленная похлебка. Где взять недостающих витаминов, если рыбьего жира, чтобы от «слепоты» избавиться, и того не на что купить?!

Больными же глазами, известно, красоты не разглядеть. Это не то, что бывало с великим земляком нашим Иваном Тургеневым, не зналшим, в отличие от нас, подобных бед и тревог. Не верите? Тогда откройте его книгу «Лесь и степь». Прочтите его описание весны и ощутите разницу.

«Какое наслаждение поехать весной до зари? — пишет он. — Вы выходите на крыльцо. На темно-сером небе кое-где мигают звезды: влажный ветерок изредка набегает легкой волной: слышится сдержанный, неясный шепот в ночи, деревья слабо шумят, облитые тенью. Вот кладут ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ёжатся, фыркают

и щеголевато переступают ногами».

Теперь судите. Кто из нас, деревенских мальчишек, мог о таком подумать? У большинства изб в деревне не было никакого крыльца. В том числе, и у нас. Открываешь двери сеней и... здравствуй улица! Разве лишь под дырявою дверью ногами нашупаешь какой-либо приступок, что в виде отрезка бревна или дикого камня.

Второе. Кому придет в голову образ телеги, крытой ковром. Ковров и на стенах, даже в справных домах, днем с огнем не отыщешь. Телега же в колхозе — роскошь для нужных дел, а не для баловства, вроде предполагаемого путешествия. Что путешествия?! Если замордованные непосильным трудом крестьяне охоту с рыбалкой считали глупою забавой, уделом ленивцев и бездельников.

- Где же ваш Петя? — лукаво спросит соседка мою мать.

- Да вот, «дьявол» его возьми, — гневно ответит та, — взял удочку и пошел на пруд с ребятами.

- Лягушкам глаза колоть, а свёкла не окучена.

- Что поделаешь? Сама пока повожусь.

- Баловать надо меньше! — упрекнет соседка.

Однако вернемся к самовару. Таковых в Сивкове было раз, два и обчелся. И пользовались им только по праздникам. Причем в доме за столом, а не как у Тургенева, на выезде.

О пристяжных конях ни один мальчишка тогда не слышивал. Даже в сказке о Сивке-Бурке, от коей, по моему детскому разумению, и пошло название Сивково, о них нет речи. Коней же мы любили. Знали их по кличкам. И все они — Буланый, Тальма, Венера, Красавчик, Серый — были какими-то возвышенными, романтичными. Смируется однорукий (другую — на фронте оставил) бригадир Федор Павлович Гришин, выделит какую-нибудь «гнедую» огород перепахать — не нарадуемся: с рук кормим последним куском хлеба. Тянет конь-горемыка плуг ли, борону. Потеет, с натугой — не до щеголеватой прыти.

...Выходит, что «Лес и степь» писал не отягощенный нуждою человек, а барин. Описанные им чувства-откровения могут позволить себе лишь «новые русские». Бедняки же, по прежнему, смотрят на мир через пелену «куриной слепоты»,

которая, как и нас, деревенских несчастливцев, мучила в детстве писателя-земляка Евгения Горбова, следуя советам которого я и составляю этот «Протокол одной жизни». В книгах Горбова описание весны, а был он чрезвычайно талантлив, подобного мироощущения, как в приведенном отрывке из повести Ивана Тургенева, не отыщешь. Каждый сверчок да знай свой шесток!

Все это мною говорится не в осуждение гения русской литературы, а лишь констатируется факт, что помогает уяснить социальную сущность суровой действительности.

Но, как бы ни было нам голодно-холодно, детство брало свое. Перефразируя Лермонтова, можно смело утверждать: «Весна! Как много в этом звуке для сердца юного слилось, как много в нем отзывалось!». Отозвалось — песнями птиц в тихих доселе рощах, звоном ручьев, бегущих с высоких круч, треском льдин, разбуженных мощным паводком на Машке. И, конечно, нашим задорным смехом. Глаза — широко открыты зайчикам солнца, душа — нараспашку первому теплу и свежему ветру.

Едва очищаются от снега полянки у хаты, как мы уже, топча заячий помёт (в студеную зиму «косые» прибегают в сады и ометы, чтобы подкормиться), начинаем швырять мяч — играть в лапту. Под упругие струи ручьев ставим водяные мельницы-колеса с лопастями. С восторгом внимаем их быстрому круговороту и треску. К одиноким ракитам, березам и тополям прибиваем скворечники и дуплянки. Ведь мы так обожаем скворцов — первых певчих птиц. С надеждою ждем их — поселенцев наших незатейливых домиков. Загадываем, в чей скорее прилетят?

Стоит крестьянам наладить жерdevый, под Зюковыми (их дом ближе всех к Лабосыни), мосток, как мы уже тут как тут. Переправляемся на левый берег речки и на лугу, у перелеска, именуемого Частым, начинаем свои бесконечные состязания: в мяч, в чижка и городки.

Обязательно разводим большой костер — с ним теплее, а, главное, романтичнее. В него мы нередко бросали найденные в лесах патроны и снаряды. Ведь окрест шли бои, и по нашим верхам укрывались солдаты.

*Была обыденной война:
Снаряды, мины, автоматы.
И разве наша в том вина,
Что мы готовились в солдаты?!*

*Патроны, бомбы — мы в костер,
Беды не ведая, бросали
И прятались за косогор,
Когда разрывы грохотали.*

Мы нисколько не опасались, что загорится трава — отава. Она густая, но низкая. Не то, что нынче — 15 лет луга не кошены. Попробуй только чиркнуть спичкой, горя не оберешься! Сгорит не только трава и сухостойный лес, что полвека стоит нетронутый, но жарким пламенем запылает обезлюдившая деревушка. Ведь от Лабосыни начинаются непроходимые джунгли полыньи и чернобыльника, осота и репейника. Нет, вторая Австралия или Франция образца 2005 нам ни к чему!

Памятны мне свидания с красавицами-березами. С кружками и бутылками мы бегали к ним за соком.

*Стоит она —
Вся в белом, над осокою.
Надрежу ветвь.
Губами к ней прильну -
И напоит меня береза соком,
Что будто мать, в ответе за страну.*

За страну, которая не докормила, не допоила нас, деревенских мальчишек военной поры.

Под Сельской горою, над которой и поныне пламенет посреди высоких тополей и густой акации, красное, кирпичное здание Репнинской школы, струится Машок. У его крутой излучины распласталась, греется под солнцем широкая, заливная луговина. Отступит вода, и она начинает свое буйное цветение. Преображение — стремительное. Казалось, еще вчера утомляла любопытный взор однотонная зелень, а сегодня — зазолотились ромашки, заголубели колокольчики, запестрели одуванчики.

Но, все-таки, Машковский луг созревал медленнее, чем Лабосынский. Причина та, что последний был не заливным, а сухим. Идешь тропкою и кажется, что живая радуга упала с небес к ногам твоим — весь спектр перед тобою. Все семь цветов радуги! Жаль только, что плохо учили ботанике — названия многих трав неизвестны. Это сейчас издают множество щедро иллюстрированных книг. Только не ленись, смотри, сравнивай с луговым оригиналом, изучай! В 50-е, кроме учебника, нигде более о видах и свойствах трав и цветов — не узришь! Однако не стоит на зеркало пенять. Еще мудрый Танеев сказал, что талантливые люди всегда благодарны своим учителям, даже плохим, потому что они и у таких педагогов умудряются выучиться. Понятно, что я не талантлив. Хуже того, я, начиная с отроческих лет, проявлял беспечность по отношению к учебе.

Если начальную школу я окончил на «4» и «5», в Свидетельстве за семилетку уже появились тройки, то, уже начиная с 8 класса, пошло-поехало. Алгебра, тригонометрия, химия и физика — бесконечные пробелы и разочарования. Не тянуло меня к точным наукам. Душа моя их отторгала. Другое дело — история, литература и особенно география.

Эти дисциплины магнитом тянули меня к высоким мечтаниям и голубым далям будущих странствий. Это в видениях золотых, а наяву мои путешествия ограничивались дороговою в школу и вращением вокруг Сельской горы.

*Отрочество — мятежная пора;
Звала — в тайгу, моря и океаны.
Ту тайну знает Сельская гора,
Где я бродил, как в розовом тумане.*

Здесь, под горою, на крутом берегу Машка, в 300 метрах от школы, случалось задерживаться на целый учебный день. Все добросовестные ученики грызут «гранит науки», а наша группа бездельников, собравшись в тесный кружок, азартно состязается «в ножички!». Каждый норовит выглядеть наиболее искусным в незатейливых приемах — воткнуть нож в землю. И не просто так, а с попеременной подачи — с ладони,

локтя, плеча, лба, макушки головы. Фук-фук, тик-тик! Время же летит незаметно. 5-6 часов отдается веселой потехе. В итоге, уроки — по боку!

Спросят девочек обеспокоенные учителя: «Где же ваши ребята?». Те вначале помнутся, стыдно выдавать секрет, да и мести опасаются, затем, осмелев, честно признаются: «В карты да в ножички балуются!». Всполошатся педагоги и посыплются от них, как из рога изобилия, увершевания родителям — записки и письма. Те же девчонки и разнесут их, как худую весть, по окрестным селам и деревням.

Как некогда «всё смешалось в доме Облонских», так начинается настоящий переполох в крестьянских избах. Папы и мамы, дедушки и бабушки всем миром пытаются урезонить разболтанных недорослей. Случается же, что бывает поздно. Многие подростки после седьмого класса бросали учебу. И не только потому, что в старших: 8—10 классах за обучение надо было платить. Хотя и это обстоятельство имело место. Рассчитывались с колхозниками «палочками», а денег на мыло и керосин со спичками не хватало. Оставляли учение больше потому, что ребятам хотелось быть скорее взрослыми, научиться самим зарабатывать себе на жизнь. Поступали в ФЗО и профтехучилища, чтобы скорее вырваться из нищей деревни. На волю, к свету!

Дефицит денег заставлял крестьян вести натуральное хозяйство, где все поставлено на выживание. Выигрывал тот, кто был находчивее и смекалистей. В этой связи интересен опыт отца. Он нашел путь экономии на спичках. Постоянно носил, а вернее, ползая, таскал с собою в кармане ватных штанов самодельную зажигалку. Она представляла собою набор из куска пластинчатой стали, острого обломка кремния и скрученной в шнур ваты. Конец шнура он совмещал с углом кремния и ударял стальною пластиной по камню. Трут, осипаемый искрами, начинал тлеть. Отец старательно дул на него, а когда тот начинал гореть — прикуривал от него цигарку, начиненную ядреным, им же самим выращенным на огороде, табаком. Такое, много раз повторяемое в течение дня, действие было сродни первобытности, но проблему огня решало.

Но вернемся, как говорили древние, к своим барам. К первопричинам апатии подростков, нежеланию их корпеть над

учебниками, когда в мире столько соблазнов. Одна из них кроется (об этом я могу судить на примере внука Максима, который 8 лет учился на 4 и 5, а в 9-ом скатился на тройки), в психологии и физиологии подростков, ступивших в пору полового созревания. Как буря смешивает землю со снегом, так и в их организме начинается процесс беспокойства, вызывающий ломку характеров.

Это сейчас в городе к услугам — и неврологи, и психологи. Тогда на всю округу был один фельдшер Арнаутов Илья Афанасьевич. Он жил за пять верст, в Михнево. К нему не набегаешься! Да и возможности его ограничены. И соответствующих знаний ему не доставало.

В строку заметить, что в те времена психическим состоянием юношей, традиционно, мало интересовались и в школе и дома. К мудрым учителям подойти — совестно, а минутный стыд спросить — вечный стыд не знать... Родителям, после колхозной и домашней каторги, когда у них самих «мальчики кровавые в глазах», было не до сантиментов, некогда разбираться в состоянии тела и души мужавших сынов. Все списывалось однотипно — на дурь.

Бывало, какая-нибудь, обескураженная неадекватным поведением отпрыска, мамаша всплеснет руками:

- Мой-то, сорванец, опять в школу не пошел.
- Почему? — поинтересуется сердобольная соседка.
- Нечего, говорит, ему там делать....
- Как?!
- В ремесленное училище, мол, пойду.
- До армии, может, и окончит.
- Кто его туда отпустит?
- На учебу-то председатель справку даст.
- А если ему там не понравится. Тогда, как?
- Понравится, коль сам просится.
- Уж и не знаю что делать? И в деревне не сладко. И в городе, боюсь, забалует. С хулиганами какими свяжется.
- Горе с ребятами, — вздохнет тяжело подруга, — с девочками проще. Пока учатся, а там — замуж...
- Это у кого как! Бывает и девчонки в 15 лет хвостом крутить начинают.
- От наших пустых щей здорово не забалуешь.

Этот довод обеим кажется убедительным, и собеседницы замолкают, каждая направляясь по своим делам.

Не остались в стороне от этого жгучего вопроса и мои родители. Летом 1955, со Свидетельством о 7-летнем образовании и справкой председателя сельского совета Новикова Семена Павловича (за нею бегал к нему на Зубари), я впервые покинул деревню. Меня сопровождала приехавшая на побывку сестра Мария. А путь наш лежал в Серпухов, где к тому времени в совхозе шофером работал наш старший брат Александр. Родители ему дали строгий наказ: пристроить Петю учиться!

И вот солнечным летним днем направляемся мы пешком на станцию Шарапова — Охота, где размещался мясо-молочный техникум. Я смутно представлял: чему меня там научат? Тем не менее, документы были приняты. Оставалось ждать вызова на экзамены. Сдавать же их не пришлось. Сестра Мария, новоявленная донская казачка, наблюдая за скандалами «старшего» в семье, пришла к выводу, что такое поведение брата не будет способствовать моей нормальной жизни и учебе. И увезла из города обратно в деревню. Сама же, немного погостила, отправилась к мужу и детям — в Ростов.

Так и не познав «прелестей городской жизни», я вновь окунулся в сельские заботы. Став восьмиклассником, я каждое утро просыпался с первыми лучами солнца, что лились в окно с восточного Будинского холма. Название отнюдь не случайное: от слова — будить! Наскоро завтракал, чем бог послал. Чаще всего ел картошку с огурцами. Забросив за плечи холщовую сумку с книгами и тетрадями, я отправлялся в школу. Осень и зиму, а так же раннюю весну я старательно вымерял знакомые до боли версты, а когда наступил ласковый апрель, то вкупе с ровесниками окончательно задурил.

Полтора месяца вместо занятий я проводил время в беспечных играх на зеленых берегах то Лабосыни, то Машка, а чаще всего — за книгами в сельской библиотеке.

*Нет ничего красивей книг на полках:
Тургенев, Пушкин, Лацис и Дюма.
Теплее с ними — отчая сторонка,
Что я любил всем сердцем, без ума!*

*Они меня вели по белу свету,
Спасали от забвенья и тревог.
Без добрых книг — не стал бы я поэтом,
Чего скрывать?
Без них бы жить не смог!*

Поистине, книги для меня были лучом света в «темном царстве» голодного и холодного, жестокого и несправедливого бытия.

Ничего не подозревая о моих проделках, родители спохватились лишь тогда, когда в Сивково нагрянули учителя: тайное стало явным. Отец с матерью гневно отчитали меня за «фарс со школой». Как же, ходил, что-то читал, писал. А на поверку — бездельничал. Втират очки! Но, так как таким «баловнем» оказался не я один, а целая ватага неучей (на мире, известно, и смерть — красна), то все обошлось. Повздыхав и поохав, они примирились с моим второгодничеством. В те времена с двоечниками не церемонились. Пропустил массу уроков, не выучил, не сдал экзамены — оставайся на повторный курс. Раскошеливайся!..

Во всех моих бедах, я полагал, виною была весна. Это она манила меня в зеленую рощицу, где березовые ситцы заслонили белый свет. Где можно было отведать терпкой, сладкой влаги берез или полюбоваться желтыми бабочками, порхающими по жгутикам осины, распускающей пух. До скучной учебы ли тут! Юную душу волнуют больше не зубрежка теорем, а игра света и тени за окном класса. Тут еще черемуха белая что-то с сердцем наделала. Следом же за нею расцвела сирень. Ах, эта белая сирень! Там, за мельницей, по камушкам речка бежит. Одна мелодия сменяет другую. На смену трелям жаворонков зазвенели веселые песни черных скворцов, а там и соловьи подоспели. Ликует весна! Любой, менее впечатлительного и страстного, чем я, сведет с ума. Лишь весна во всем виновата! — твердо убеждаюсь я.

Школа. Уроки. Учебники. Все становится прозой жизни, кроме самой природы — цветущей и животворящей.

Весна незаметно переходит в лето — пору экзаменов. Азартно бьют ночами перепела, скрипят коростели, колдуют ку-

кушки, ухает филин, неумолчно стрекочут у дома бестолковые сороки. По берегам холмов, в логах и перелесках — море грибов и ягод. Зарделась на колючих ветках куманика. Вызрела сочно-красная малина. Луга пахнут медом. Воздух насыщен ароматом молодых, смолистых листов тополей, цветущей ивы и удивительно ярких, завораживающих взгляд, цветов.

*Земля ковром цветов одета,
Трещат кузнечики в траве.
Туманом синим всходит лето,
На луг сзываая косарей.*

Сюда, в луговое раздолье, приходят и мои внуки. Максимка не раз спускался к Лабосыни, опускал в воду руки. Брызгался и радостно смеялся, как когда-то я, в годы невозвратимого детства.

Искупался внук и в Машке, под Сапун-горою, когда мы посетили поселок Архангельский, чтобы попить с бабушкою минеральной водички — из живого ключа.

Но самое радостное событие случилось летом 2005, когда моя прелестная Настя впервые увидела цветущий луг, где в копне душистого сена я и родился 65 лет тому назад. Читала мои стихи-признание:

*Родился я на берегу Машка
Июльскою, покосною порою.
Со трав душистых, с малого стожка,
Весь светлый мир — открылся предо мною.*

Внучка любовалась пестреющей красой цветов, ловила бабочек и весело хохотала. Нетерпеливо спрашивала: «А мы когда-нибудь еще приедем сюда?». «Конечно, приедем, — отвечаю, — ведь рядом с лугом «Ёлки», где покоятся твои предки, а мои родители. Их забывать — не след».

Насте еще не довелось, а вот Максимка побывал со мною и в Репнино. Побегал вокруг школы, куда я много лет приходил за знаниями. Осмотрел сад, большой школьный участок, о котором я опубликовал в «Пионерской правде» заметку, еще будучи учеником.

Спустился он и с Сельской горы. Полюбовался чистою водою Машка. Прошел-пробежался луговою тропкой, что медленно, нередко с трудом, но все же «выводила в люди меня».

ДРУЗЬЯ — ТОВАРИЩИ

*Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь, да как-нибудь.*
А. С. Пушкин.

*Мы о друзьях-товарищах не вправе,
Как и о детстве нашем, забывать.
Мечтали мы о безмятежной славе,
Хоть более нам выпало — страдать.*

В детские годы мой «час ученичества», овладение тайнствами знаний, приносил огромную радость. Это тем более, что рядом со мною за школьными партами сидели ровесники, такие же, как и я, задорные мальчишки и девчонки, что появились на свет в грозовые сороковые.

Война же нас не обошла сторонкой -
Давила страхом, мучила и жгла.
Копались мы, как мышки-землеройки,
Чтоб на столе у нас была свекла.

Или блины, что из гнилой картошки,
К ним хлеб ржаной с мякиной пополам.
Мы с кошкою делились каждой крошкой,
Она, как мы голодною была.

Штаны в заплатах прятали за партой,
Сосали жмых, как сладкий леденец.
Хотя стихи читали мы с азартом,
Чтоб нам сказал учитель: «Молодец!».

Но, как ни трудно нам жилось в ту пору, мы оставались детьми, коим свойственно не умно рассуждать, а просто жить — бегать, прыгать, петь, смеяться. Ведь малые птенчики, сидящие высоко в гнездах, так же веселятся и шалят друг с дружкой, совсем не задумываясь о том, что они невзначай могут упасть на землю и разбиться. То же было и с нами — шустрыми и неугомонными. Мы улыбались солнцу, радовались цветам, любовались животными и птицами, благоговели перед первыми книжками.

О том, как я учился в Сивковской начальной школе у старого фронтовика — старшины роты Дмитрия Лукича Яшина, много, подробно и обстоятельно рассказало в очерке «Первый учитель». Он опубликован в начале семидесятых в «Орловском комсомольце», о чем я уже напоминал читателю. Цитировал так же и посвященное ему стихотворение «Альманах». Поэтому не считаю возможным повторяться. Тем более, что по ходу повествования мы еще не раз встретим имя моего первого учителя. Здесь же моя цель — поразмышлять о друзьях-товарищах, с коими я немало лет торил тропку в направлении Репнино.

...Не везло Сивково на детей. Всего-то два-три десятка ребятишек обучались в школе. Только и выручал плодовитый род матери-героини Марфы Новиковой, подарившей стране шестерых мальчиков и троих девочек. Старший сын в их семье, 1922 года рождения, был тезкой и товарищем моему брату Александру. Фронтовик-орденоносец, мастер «золотые руки», первый колхозный радиостроитель, он поставил поблизости от нас глинобитно-саманную хату. Устроил погреб, двор, сараи. Посадил вишнево-яблоневый сад. Развел пчел. Все бы нечего, но под бременем жестоких налогов — за каждое фруктовое дерево, за каждую колоду пчел, Александр Новиков оставляет все облагороженное его неустанным трудом. Вербуется на Дальний Восток. Но, не найдя счастья на стороне, спустя три года возвращается, но на этот раз обустраивается в Щекино, где уже работали на шахтах двое из его братьев.

Интерес к судьбе этого мужественного человека, воинапатриота не случаен. Дело в том, что в шестидесятые, когда наша избушка, построенная в 1947, мама купила его хату с

прекрасным, радующим взор и сейчас фруктовым садом — рукотворный памятник земледельцу-труженику.

Всякий деревенский мальчишка мог найти себе в большой семье Новиковых сверстника. Я дружил с младшими из братьев — Иваном и Дмитрием. Смелые до отчаяния они удивляли нас, своих товарищей, приверженностью к боевым остаткам войны. Находили и разряжали, не боясь смерти, огромное количество мин, снарядов, капсюлей, патронов. В их просторном деревянном сарае, похожем на обитель «Тимура и его команды», что особенно романтизировало, завораживало, размещался целый склад оружия. Здесь находились: пулеметы, автоматы, винтовки, пистолеты, боевые ножи. Этого вооружения хватило бы на взвод.

Под деревней Лабосынка, неподалеку от истоков нашей речки, они отрыли склад боеприпасов и, совершив несколько походов, а это не менее 5 километров, перетащили его содержимое в свой сарай, стоявший над высоким обрывом. Он стал напоминать теперь настоящий бастион. Диву даюсь, как это он не взлетел на воздух, мы возились там целыми днями. Разбирали и чистили. Отвинчивали головки снарядов и вынимали тол.

На «дары войны» везло и мне. Пойдешь в лес за грибами или орехами, а принесешь то обоймы отливающих медью патронов, то ржавую каску или снаряд. Повадился я как-то бегать и к логу Перелесок. Там, у самого леска, на крутояре, мрачно громоздились три танка. Когда мой брат-танкист приехал со службы из Германии в 49-м в отпуск, то я упросил его сопроводить меня к ним. Александр согласился. И вот мы у заветной цели.

*Здесь в сорок третьем шли бои -
У Болховской шоссейной ветки:
Два средних танка-то свои,
Один — немецкая танкетка.*

*Я забирался в средний танк
И мысленно среди равнины
Снарядом мощным - прямо в трак
Рубил немецкую машину.*

О принадлежности танков, их устройстве и предназначении каждого узла мне поведал тогда мой брат. Недаром же он был отличным водителем. За шесть лет (1945—1951) службы он изучил все марки иностранных и советских боевых машин. Не случайно он, уже будучи на гражданке, в течение короткого времени освоил шоферское ремесло и получил права водителя первого класса. Служба в танковой роте помогла. Рассказывал мне брат и о том, как два года он провел в немецкой неволе. Освободили его американцы, передали русскому командованию. Здесь же, в Германии и призвали на службу.

Я гордился братом. С интересом изучал устройство танка по учебнику, который он мне подарил. И был всегда готовый «рубить немецкие машины» в мечтах, конечно. Наяву же я рубил дрова да крапиву пороснятам. Другие мальчишки занимались такой же работой. Но по дороге в школу и обратно мы вели речь не о дровах и крапиве, а о ратных подвигах. О смелом пионере Володе Дубинине, о находчивом «Сыне полка», о героях Брестской крепости и молодогвардейцах, среди которых выделялся земляк-орловец Сергей Тюленин. О самопожертвовании во имя спасения Родины Александра Матросова и Зое Космодемьянской, чье имя стало сегодня не в почете. Носили и читали на ходу повесть «Васёк Трубачев и его товарищи».

Бесстрашной удали Сергея Тюленина подражали. Особенно Митька Ефимов. Спортивно сложенный, задиристый Митька удивлял окружавших его ребят безрассудной смелостью. Он то с крутоого обрыва, как некогда его кумир, из окна второго этажа школы спрыгнет. А то вдруг неожиданно ловкой кошкой на высоченную березу (дух захватывает!) заберется и, балансируя на зыбко-тонкой её макушке, достигнет земли. Случалось, что со старшими ребятами увязывался на Машок глушить рыбу. На Архангельском поселке, где протекает река, стояла тогда мельничная плотина, а потому рыбы в ней было много.

*Ефимов Митька — забияка
С обрыва прыгать, он — герой!
Хоть не по делу лезет в драку,
Но для приятелей
Он — свой!*

В любой ребячьеи забаве, а то и в драке Митька стремился к первенству, к победе. Веревочка удач возьми и оборвись. Злой дух подстерег смельчака. Зимою, катаясь с гор, мальчишки по обыкновению устроили большую возню. Кто-то нечаянно попал ему острием лыжной палки, да прямо в глаз — возникло белмо. После очередной операции незадачливый Митя все более терял зрение. Бросил учебу. Родственники забрали его с собою в город — поближе к больнице. Дальнейшая личная жизнь не задалась.

Его старший брат Федор Федорович Ефимов, пытаясь избавиться от нищеты, переехал жить в приокский совхоз, что неподалеку от Серпухова. Я бывал у него в гостях со своим братом. Федор работал механизатором, жена — дояркой. Обзавелись хозяйством. Довольны. О деревне вспоминают с горечью. В исправительной колонии Серпухова прапорщиком служит сын Николая Новикова. Сюрпризом и довольно приятным, при встрече было то, что он продекламировал мне некоторые из моих стихов об отчем kraе. Интересовался жизнью односельчан.

С младшим из Новиковых, также Дмитрием, как и первый мой приятель, я разговаривал больше об оружии. В этом деле он был дока: мог развинтить любой снаряд или мину. Дарил мне желтые, похожие на куски мыла, кирпичики тола, трубчатый порох, бикфордов шнур. Когда один из его старших братьев взрывам капсюля покалечил руку и остался без двух пальцев, Дмитрий стал несколько осторожным, но опасных увлечений не оставил.

*Был Дмитрий Новиков искусственным
И даровитым пареньком.
Возился с техникой без устали,
Слыл в ратном деле — знатоком.*

После школы он направился к братьям в Щекино и след затерялся. Осеню 2005 сосед Архипов рассказал мне, что он приезжал в Сивково, но с огорчением уехал. Было от чего расстроиться. От его сгоревшего дома остались одни головешки.

Михаил Гришин

Третий мой приятель, Михаил Гришин, отличался от обоих Дмитриев — Ефимова и Новикова, нарочитой (себе на уме!) хитростью и осторожностью. Возможно, что и гибкостью ума, просто сивковский Талейран. У него не было боеприпасов. Он не играл, подобно нам, в карты или в «простенок», под деньги. Не участвовал в драках. Был, что называется, воспитанным мальчиком. Рос он вместе с сестрою Тоней под строгим материнским надзором. Мать Елена Алексеевна Гришина была из тех холодных, знающих себе цену деревенских красавиц, у которой не то, что дети, но и поклонники ходили по одной верёвочке. Заведующий Сивковской школой Дмитрий Лукич Яшин, гвардии старшина, орденоносец, слыл честолюбивым, сильным человеком, а и то не устоял перед молодою вдовой — ушел к ней в примаки, поклонялся словно королеве.

Родной отец Миши, балтийский моряк, погиб на фронте. Он оставил сыну тельняшку, которую тот носил с подчеркнутой гордостью.

Нас связывала с Мишней любовь к книгам. Прочли мы с ним «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара (этую книгу мы с внуком Максимом одолели в течение одного дня). И что же? В подражание героям повести установили между собою сигнальную связь. Голь, как говорят, на выдумки хитра! За неимением свободного сарая, где можно было установить штурвальное колесо, соединив его веревками с певучими банками-склянками, мы нашли иной выход. В качестве сигналов стали использовать свистки. Их, как и надувные шары с дудочками, нам удалось приобрести у оfenей — мелких торговцев. Они часто с возом всякого добра и хлама наведывались в деревню. Как сейчас слышу их зазывные голоса:

- Тряпки-хворябки, шубные клоки —
Все сюда волоки!...

И мы несли. В основном — негодные тряпки и кости. Случилось, что на берегу Лабосыни я обнаружил захоронение падшей лошади. Накопал уйму старых костей. В обмен на них получил у оfenей горсть конфет, тетрадку и несколько цветных карандашей. Но самым ценным приобретением оказались

причудливых форм свистки. Такие же были и у моего приятеля.

Наши жилища стояли наискосок друг другу, через овраг. Гришины — не чета нам, беднякам. Они жили в добротном кирпичном доме, основательно обустроенным неугомонным «мотылем», так в Сивково звали учителя Яшина за недюжинную энергию и проворность.

Система игры была такова: три свистка означало, что товарищ зовет к себе. Один в ответ подтверждал, что сигнал услышан. Два коротких — не отпускает мать.

Михаил часто бывал у меня. По-взрослому беседовал с отцом. Больше говорил, чем слушал. Подобно токующему глухарю, пел, не слыша самого себя. Таковым уж разговорчивым уродился мой приятель. На протяжении десятилетий, встречаясь с ним, я чаще всего довольствуюсь его монологом. Главная тема — застолья. Коли речь о рыбалке, то опять же с вином под уху. Он всерьез никогда не интересуется жизнью друзей. На первом плане у него — собственная судьба, личный интерес. Сказалось воспитание мамы, которая, подобно отцу Чичикова, наставляла детей: «Берегите копейку! Ей — все пропадешь! Деньги — надежнее друзей!».

Тоне Гришиной я посвятил такие строки:

*Мы родились с тобой
Среди рощ и полей.
В деревушке одной,
Всех на свете милей.*

*Помню хаты ее,
Два зеленых пруда.
Конный двор и омёт.
И вода из ключа.*

*Школа. Старый букварь.
Гулкий бас Лукича.
Керосин, грязь и гарь.
Лай собак по ночам.*

Михаил после школы уехал в Орел. Стал строителем. В 1959 году по направлению военкомата я прибыл в областную больницу. Здесь мне предстояла хирургическая операция — удаление гland. Вечные простуды привели к хронической ангине. И вот сюрприз! Встречаю приятеля. Он был занят вязкой арматурой строящегося круглого зала Дома Советов, где, спустя годы, секретарем-машинисткой станет работать его жена Валентина.

Детей у них нет. Все заботы о племяннике, сыне Антонины. Наставления мамы пошли впрок. Михаил Семенович Гришин дошел до степеней известных — в последние годы работал главным инженером управления строительства.

Михаил принял участие в праздновании моего юбилея. Вдоволь насладился беседой с моим братом. Мечтал о поездке в деревню. Признавался: «Она мне по ночам сниться». Я предложил ему свою машину, хотя его собственная «Нива» в гараже без дела простоявает. Обещал, но так и не пришел. Не поехал. Видимо, сон был не в руку. Пришлось отправляться в Сивково одному. Его дом, который он продал болховчанам под дачу, недавно сгорел. Стены целы, крыша в углях.

*Хоть мой приятель Михаил,
Казалось бы, неплохо жил.
И будто родину любил,
Но вот дорогу к ней — забыл.*

Волею судьбы наши дома с Михаилом в Орле, как и в Сивково, почти рядом. С балконов докричаться можно. Позывные же свистка, наверняка будут услышаны. Да только угас у товарища моего дух романтика.

* * *

Родственники — два Василия (Сергейчев и Ефимов) были старше меня. В Репнино со мною вместе не ходили, а вот в Щербовский клуб, что в 3-4 верстах от Сивкова, наведывались часто. Дорожные беседы вертелись в основном вокруг особ прекрасного пола. Но слышен был только их диалог. Сексуальные проблемы меня в ту пору не волновали. Я был книжником-романтиком.

*Сергейчев и Ефимов — два Василия,
Сгорали не на шутку от любви...
Мне ж их подружки не казались милыми -
Мои еще молчали соловьи.*

Любовь в моем воображении представлялась бесплотным, духовным, а не физиологическим чувством. Вообще до окончания службы в армии я стеснялся девчонок, даже побаивался их.

Еще бы! Сивковские хорошистки Маша Ефимова и Лида Новикова, а вкупе с ними Аннинские отличницы Мария Харитонова и Таня Панкратова смотрели на меня, двоечника, с высоты своих успехов. Они истязали мое самолюбие своими сентенциями и нравоучениями на пионерских сборах, а потом на комсомольских собраниях. Постоянно отчитывали за низкую успеваемость и плохое поведение. Их удивляло только, почему авторитетная завуч школы (она же и преподаватель литературы) Анна Андреевна Севастьянова, каждый раз на уроках читает мои классные сочинения и хвалит стихи, помещенные в общешкольной стенгазете?

- Такая умная, такая красивая учительница! — недоумевали они, — а хвалит нерадивого ученика. Что она хорошего в нем нашла? У него же по математике с физикой — одни хвосты!

Когда они об этом говорили ей вслух, та, обаятельно улыбаясь, отвечала:

- Что «хвосты»!? Их можно подтянуть. А вот уметь образно мыслить, быть искренним и правдивым — дано не каждому! У Петра же это не плохо получается. И не вина его, что по природе, он — гуманитарий.

Севастьянова слыла в районе талантливым педагогом. Не случайно в неполные тридцать лет её назначили завучем в такую большую школу, каковою была Репнинская средняя. Такая поддержка меня вдохновляла. Мудрый Тютчев сказал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Её же слово в моем сердце отзывалось новыми творческими удачами.

Так уж случилось, что среди Сивковских ребят и девчат не было никого, кто зарекомендовал бы себя способным и эруди-

дированным. Но вот двое Аннинских парней — Иванкин и Панкратов — окончили школу с золотой медалью. Их же одноклассник Шуев Иван с одноименного поселка тоже получил медаль, но серебряную. Готовились к экзаменам они втроем, всю дорогу в школу и обратно попеременно экзаменовали друг друга в знании алгебраических формул или химических законов. Меня особенно поражало то, хотя они и были года на 4 старше меня, как это им удается прочесть все огромные тома Льва Толстого «Война и мир»? Не только прочитать, но и изучить, писать по этому роману сочинения? Да еще на отлично! Уму непостижимо. Сам я взялся читать, да и бросил. Меня утомляли длинные предложения, высокий стиль. Подумалось, что печатай он его сегодня, то хлопот не оббрался бы. Изобретенный дельцами США компьютер перечеркал бы все его образы и длинноты многоцветными черточками — так мал введенный ими в код словарный запас. Русский язык, не английский, а как верно отметил Тургенев — великий и могучий, как гениальный талант Толстого. Это я оценил позже, а пока довольствовался творчеством Некрасова и Гайдара. С ними — интересней и проще.

Правда, повесть Толстого «Кавказский пленник», его рассказы и сказки для детей мне очень понравились. До понимания же всего великолепия художественного мастерства, которым обладал «Яснополянский граф» я дорос, дотянулся лишь будучи студентом университета.

Но вернемся в пятидесятые. Напомню, что большинство сивковских ребят не заканчивали Репнинской школы. Бросали учебу нередко посреди года или исключались за неуспеваемость и аморальное поведение. Директор Тимохинставил перед строем хулиганов и двоечников. Зачитывался приказ. Выдавались документы, и — прощай наука! Пути разные. Кто выйдет замуж. Кто уедет в город, а кто и остается до армии в колхозе. Такая уж сложилась традиция. Вот почему мать и соседи, пожимая плечами, не могли понять: как это мне — баловнику и нерадивому ученику удалось получить Аттестат зрелости!? Ведь еще в пору детства они как-то говорили обо мне:

- Видать, головка у Пети твоего не глупая, — скажет тетя Катя, мамина кума и соседка, — в детстве все ребяташки ху-

лиганят. По чужим садам лазают. Леночка-то Алёшкина, поди не пожалела Петину пилотку, что ему брат из армии привез — в клочья разорвала. Что мало у нее в саду яблок? Ну и пусть бы полакомился ребенок. Злая баба — отыгралась на бедняге! Очерствела, загордилась за Лукичем! Ничего, не пропадет. С годами и твой сын посеръезнеет.

- Беззащитные мы, кума, — всплеснет руками мать, — мужик-калека! Что он может? Вздумала бы Леночка Ефимовых ребят обидеть? Сразу сдачи бы получила! Их богатых и сильных — не тронь. Пилотку яблок сын в саду набрал. Велик ли проступок? Правду говоришь, кума, посеръезнеет. Он у меня понятливый. Учится и по дому помогает.

Добрая мать и соседка. Они верили в меня. Но откуда было взяться «серьезности», если со мною рядом, за школьной партой, сидел самый смешливый и самый необыкновенный мальчишка.

Павел Фирсов

Павлик жил в деревне Ушаково, что в трех verstах к западу от Сивково, потому его путь в Репнино был на это расстояние длиннее. Мы учились с ним в обеих школах. Подружились с первого класса. Еще у Лукича на уроках состязались — кто больше всего выучит и выразительнее продекламирует (теперь так поступает моя внучка Настя) стихов детских поэтов? Успех был попеременным. Но, если мне приходилось попотеть за зубрежкой, то Павлу с его феноменальной памятью все удавалось легко и просто — играючи. Уже в Репнинской школе я наблюдал, как он брал в руки любой учебник, будь то математика или физика, история или география, и подобно великому Наполеону пробегал глазами сверху вниз страницу за страницей. Казалось, он не читал, а фотографировал, так это он быстро проделывал, при этом запоминая наизусть содержание прочитанного им текста.

Эта его изумительная способность, которую я неоднократно проверял, приводила меня в величайший восторг. Я по добро-

му, искренне завидовал Павлу: «Мне бы так!». Но рожденный ползать — летать не может. Мой же приятель мог не только летать, но и высоко парить. И не в заоблачных далях, а в реальной жизни. С такими недюжинными способностями, как я полагал, он мог бы достичь головокружительной карьеры.

Павлик же, этот неутомимый хохотун и забияка, нисколько, как полагал я тогда, в годы отрочества, не зазнавался. Он будто был лишен всякого честолюбия. Вел себя с товарищами просто и непринужденно. Был доступным, как медный пятак и ясным, как золотой червонец, который всем нравится. Еще бы! Ради ложной дружбы он мог иногда даже пожертвовать своим благополучием. В своих публикациях о нем я приводил факт, как Павел добровольно остался в 7 классе на второй год — просто не пошел на экзамены. Тогда он учился в Михневской школе. И ему надо было подождать ребят, что на год опаздывали в учебе, чтобы вместе, а не одному ходить в Репнино. Чувствовалось, что у Павла еще в юные годы проявлялись волевые черты.

С прекрасным Аттестатом Павел поступил не в институт, где по моему разумению, ему и надлежало учиться, а в скромный Орловский железнодорожный техникум. Напрашивается — почему? Знал ли он цену своему таланту? Или я его просто идеализировал?!

Из-за заметки в газете «Орловский комсомолец», в которой я критиковал Павла за невыполненное обещание — писать письма, у нас произошла размолвка. Наши пути разошлись. От его брата Константина, работающего механизатором в поселке Щербовский, я узнал, что после службы в армии Павел окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. И к тому же успел обзавестись семьей.

Летом 2001 мой зять Бондарев доставил мне визитную карточку друга детства и передал его устную просьбу — черкнуть пару строк. Подумалось: «Знать, прошла обида или с годами — мудрее стал!?». Читаю: Фирсов Павел Семенович, главный специалист Центрального конструкторского бюро морской техники «Рубин». Ниже — его Санкт-Петербургский адрес, телефон и факс.

«Главный специалист, конструктор, — размышлял я, — а почему не профессор, не академик? С его-то талантом!?».

Ответ на эти, мучившие меня вопросы, я неожиданно для себя нашел в книге Дмитрия и Надежды Зима «Имя и судьбы».

Оговорюсь сразу, что я никогда всерьез не воспринимал колдунов и предсказателей, магов и чародеев, хотя с одним из волшебников-экстрасенсов, а именно с народным артистом России Эмилем КИО, я знаком, а так же имею его личный автограф. В своем архиве храню и сегодня несколько совместных с ним фотографий. Об актерском искусстве КИО я опубликовал статью в одной из ростовских газет еще в 1967 году.

Но ни КИО, ни колдуны и пророки из нашумевшего в конце 2005 фильма «Мастер и Маргарита» не убедили меня в реальности существования потусторонних сил. Однако знатоки гороскопов и талисманов с необычной фамилией — Зима — меня порадовали. Раскрываю их творение. Нахожу наши с другом имена. И... стоп! Эврика!

Еще в школе нас называли старшими апостолами Христа. Петр с греческого — камень, скала. Павел с латинского — «малый». Себя, я признаюсь, твердокаменным не считал, но ростом, действительно, выше Павла, он же, поистине, копия Наполеона! И по невысокому росту и по феноменальной способности, не читать, а фотографировать текст.

*Как два апостола Христа:
Я — Петр, он — Павел,
Бродили вместе по цветам,
По красноталам.*

*Читали книги и стихи,
Играли в карты.
И за одною, у двери,
Сидели партой.*

*Он остроумный, как Шекспир,
Шутник забавный.
Он и волшебник и кумир -
Приятель славный!*

*Он текст читал, как Бонапарт -
Феноменально!
Не память, а волшебный сад,
Святая тайна.*

Таковым мне представлялся образ Павла в юные лета. А каковы мы по гороскопу? В разделе «Энергетика и карма» известные авторы Зима пишут: «Уменьшительное имя Петр — склоняет его к проявлению доверчивости, мягкости, к излишней нежности, тем больше ему будет при столкновении с грубостью и бессердечием».

Тут уж, не в бровь, как говорят, а в глаз. О моей доверчивости, о простоте, что известно, хуже воровства, слагаются легенды. Поэт Виктор Рассохин как-то в беседе с журналистом Иваном Закаблуком назвали меня «прямым, как плакат», что иначе — правдив, как слеза.

- У Козина — детская, нараспашку, душа. Что думает, то и говорит, — в сердцах, сказал Виктор, — тайны у него не задерживаются.

- Согласен с тобою, — кивает головою Иван, — давно знаю Петра, по его сотрудничеству в «Орловской правде» — искренен, до наивности. Всему и всем верит. От того часто и попадает впросак.

Как ни горько признаваться в слабостях, но коллеги мои правы. Хотя бы в истории дружбы с Павлом! Мог ли я предполагать, что из-за пустяшной статейки в газете он пренебрежет более чем 10-летней дружбой, причем самой чистой и бескорыстной — детскую. Обидиться и на 40 долгих лет уйдет в забвенье? Выходит, что я плохо знаю людей.

Но, если верить исследователям «Кармы», то и сам я склонен к обидчивости. «В конфликтных ситуациях, — утверждают они, — в силу болезненности восприятия, скорее всего, будет помнить обиду очень долго».

В «Энергетике и Карме» о Павликах читаем: «В имени проявляется уравновешенное спокойствие, флегматичность. В детстве Павлик любит игры, дома и в школе он обычно довольно покладист и общителен, хотя особой усидчивостью не отличается. Он склонен к лености, нет страха перед будущим,

которое кажется очень далеким. Если увлечь Павла, рассказав ему несколько забавных или романтических историй о научных курьезах, то с интересом у него пропадет и лень. Таков был Ломоносов».

Здорово! Всё так! Именно второго Ломоносова хотел я видеть в лице моего друга. Павел же не стал им из-за лености. Печально, что ни я, пересказывающий ему по пути в Репнино только что прочитанные книги Жюль Верна: «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров», ни учителя не возбудили в нем вечной тяги к познанию. А, может, я и ошибаюсь? Для уважаемого читателя мною подготовлен приятный сюрприз — письмо Павла.

Вот, что он пишет в ответ на исполненную мною его просьбу — черкнуть пару строк с берегов Невы.

«Петр Дмитриевич, здравствуй!

Благодарю тебя за приятную неожиданность, хотя в 63 года трудно чем-нибудь удивить, но тем не менее.

О себе. Практически после окончания института в 1969 году, начал трудиться, работаю и по сей день в «Рубине». Занимался проектированием, сопровождая изготовление, проводил испытания атомных подводных ракетоносцев. В поездах и самолетах искалесил весь Советский Союз. Много времени провел под водою и льдом в Северном Ледовитом и Тихом океанах.

Имею правительственные награды. С сентября 1996 переведен во вновь созданное подразделение по разработке и созданию высокоскоростного электропоезда — до 350 км в час, на должность зама Главного конструктора. В трёх тысячном коллективе только мы, двое, оказались железнодорожниками.

А вот результат нашей работы. 30 апреля 2002 года закончены испытания движения на постоянном токе до скорости 250 км в час. Путь от Санкт-Петербурга до Москвы преодолеваем за 3,5 часа. Быстрее в России просто негде ездить. Такова краткая трудовая справка.

Бытовая сторона. Женат единственный раз. Супруга — коренная питерская — Маргарита Васильевна. Всё нормально. Машины нет, но есть у дочери. Собственноручно с женой построили дачу, где можно жить и зимою. Здоров пока. Пить

стараюсь качественные изделия. Меру, считаю, надо уменьшать. После того, как «бросили на поезд», в отпусках бываю максимум неделю-полторы, а остальное время — в россыпь.

На родину езжу, в основном, на машине по маршруту: Тула — Одоев — Белёв — Ушаково, а потому в Орле уже порядочно не был. Жаловаться на жизнь оснований нет, да и не зачем. Ну, вроде бы всё выболтал.

Жду ответа или телефонного звонка.

Павел Фирсов.

12 января 2003 года.»

Вместе с письмом Павел прислал две детские фотографии и цветной календарь с изображением высокоскоростного электропоезда «Сокол-250». В приписке было сказано: «Это — мое последнее творение!».

Теперь остается читателю судить: «Состоялся ли из Павла второй Ломоносов?». Мое мнение, что в какой-то мере, да! В любом случае, его жизнь прошла не зря. Он — творец, конструктор, изобретатель! Он — хозяин своего дела, а не «Белый раб», одноименную книгу он пересказывал мне по дороге в школу. И — путешественником, в отличие от меня, он оказался настоящим. И, прошедший «80 тысяч лье под водой», ему бы позавидовал в том сам капитан Немо!

* * *

Безусловно, что не обошли бы его своим вниманием наши общие товарищи. Такие, как неугомонные шутники и заводилы, неизменные участники всех ребячих проказ: Сергей Леонов из скромной деревушки Аннино, или Анисим с Голубовского поселка. Как-то, вернувшись из отлучки, я принял из рук жены, в квартире, короткую записку: «Петр Дмитриевич! Добрый вечер! Хотелось с тобою встретиться, но тебя не оказалось дома. Я на железнодорожном вокзале буду до 22 часов. Был в деревне. Еду к себе, в Архангельск. Будет время и желание, то черкани пару слов. Сергей Леонов». Подумалось: «Помнят еще старые друзья-товарищи и детские годы, и бы-

лую дружбу. Не забывают родные пенаты. Приезжают. Наведываются, чтобы взглянуть уставшим, но еще зорким взглядом на родную сторонушку, на разливы ручьев и перелесков. Предаются, как и я, своим желанным и непреходящим воспоминаниям.

*Люблю леса, птиц щебетанье,
Ручьи в лугах, красу полей.
Люблю свои воспоминанья
О череде ушедших дней.*

*И о друзьях, с кем коротали
Рассветный час и вечера.
Как собирались в школьном зале
Учителя и детвора.*

*И пели радостные песни
О славной Родине своей.
Когда с товарищами вместе -
Казался нам и мир светлей!*

СЕЛЬКОР

«Нет, мы не писатели. В лучшем случае — литераторы, то есть люди, умеющие правильно объяснить свои мысли, не более. Писательство же есть таинство».

Ярослав Голованов.

*Когда наветы на Отчизну
Воспринимаешь, как укор,
И ты, во имя правды жизни,
Идешь на бой! —
То ты — Селькор!*

Прав публицист Голованов. Писательство — это езда в волшебный мир художественных образов, это тайна за семью печатями, овладеть которой могут лишь люди, обладающие даром божьим. Он же дается избранным. Не все, издающие книги, настоящие писатели.

Выше сказанное — аксиома. На заре же туманной юности, в журнале «Рабочий и крестьянский корреспондент», читая: «Рабселькоры — это писатели малых форм». Тогда мне это льстило. Ведь сам я в 15 лет стал селькором «Болховской коммуны». Теперь понимаю что этот «аванс начинающим» был скрытым призывом к сочинительству. Страна нуждалась в информаторах. Из нас, молодых, готовили новых Павликов Морозовых и Корчагиных с их неизменным девизом: «Раньше думай о Родине, а потом о себе».

И мы яркой палитрой рисовали «светлое будущее», лакируя, приукрашивая настоящее, живя в удивительно-романтичном книжном мире. Тщетно пытались оторваться, подобно Икару, от земли и возвыситься над бедностью, что посещала наш стол пустым свекольником и щавелем, тошнотиками и жмыхом — конопляным и соевым, от которого волокна наматывались на зубы. Мы, тем не менее, до слез жалели несчастных американских негров в Гарлеме, которых преследовали расисты.

На многочисленных, похожих как капля воды один на другой пионерских и комсомольских сборах, мы клялись быть

верными продолжателями великого дела Ленина-Стилина.

Когда в марте 1953 года умер вождь всех народов, большинство девчонок плакали, растроганные траурной речью учительницы истории Анны Ивановны Глотовой. Полагали, что теперь на нашу землю, как в злопамятном 41-м году, из всех нор и щелей полезут враги. «Начнется война, — твердо решили ребята, — сидеть в школе не будем, уйдем в партизаны!».

*Зачем учиться, если враг опять
Придет родные хутора сжигать.
Как юные, лихие атаманы
И мы пойдем сражаться — в партизаны!*

В горячих головах рисовались образы сверстников — юных героев гражданской и Великой Отечественной войн. Все это было. И становится не по себе, когда «ребята с Арбата» пишут о якобы существовавших анти сталинских кружках и подпольных ячейках. Все врут календари! Не случайно ярый антикоммунист Збигнев Бжезинский окрестил социалистическую систему тоталитарной: фискальное дело в стране было поставлено таким образом, что не только коллективная крамола, а и мысли каждого индивида просвечивались будто рентгеном. Раскрыть заговорщика считалось делом чести, доблести и геройства. Шпиономания была нормой существования.

Теперь, желая выдать мечту за реальность, дабы набрать политические очки, многие мнят себя Прометеями. Как бы не так! Нынешние Прометеи — суть воры. Однако их жертвой стали не Боги, а простые смертные россияне. Они в одно мгновение лишили их кровных, положенных «про черный день» вкладов и сбережений, затем, якобы приватизируя, присвоили их национальные богатства. А через финансовые пирамиды окончательно облагодетельствовали народ полной нищетой.

Так отчаянно смелыми кажутся лживые герои сегодня. В далекие же 50 годы, они, как и я, жили иначе. Нашей общей целью было участие в приближении коммунизма. Подобно молодому крестьянину села Орехово Курской области поэту Василию Кубаневу, я считал, что «коммунизм — это, прежде

всего, чистота во всем — в человеческих отношениях, мыслях, делах». Мне, как и ему, хотелось «сделать жизнь яркой и неповторимой, чтобы она была костром, дающим всем свет и тепло».

В 15-17 лет, строча одну за другой заметки в «районку», я успел познать ни с чем не сравнимую радость творчества, сопричастность к огромному общему и в то же время испытать горечь первых разочарований, сомнений, неуверенности в своих силах и замыслах.

Но, как же и с чего все началось? Об этом и будет мой рассказ.

Отмечу сразу, что первым уделом моего творчества были стихи, а не заметки. Стремление говорить и писать в рифму возникло у меня от чтения стихов и прибауток отца. Это было своеобразной игрой, а затем стало потребностью. Об образах, иных художественных деталях я тогда не думал, тем более, что в деревне всякое сочинительство считалось баловством и даже вредным занятием. Но за длинную дорогу в школу мне приходилось часто менять темп ходьбы. И к каждому из них я рифмовал строчки. Так было легче идти. Как чукчи поют обо всем, что их окружает, так и я сочинял о том, что видел окрест — о луговой тропинке, о ручьях, о снеге и траве, о солнце и звездах. Отцу свои вирши показывать стеснялся, а мать была неграмотной. Вот и копились мои строчки до срока, пока не попали в школьные стенгазеты. Похвала старших давала стимул к продолжению занятий. Как-то я осмелился послать свои стихи и короткие рассказы в «Пионерскую правду». Эта газета постоянно вывешивалась в коридоре школы, и я был ее добросовестным читателем. И что же? Из редакции пришел критический ответ и совет писать не о вымышленных героях, а о конкретных товарищах и об имевших место событиях. Я понял тогда, что до всесоюзной газеты я еще не дорос.

Искра

Публикации районной газеты были понятнее и ближе. Встретив знакомую фамилию, я приходил в восторг: печатное слово имело магическую силу. Мы верили в истину каждой строчки. Мне нравился запах типографской краски, художественное оформление страниц. Все, что было связано с книгами и газетами, имело для меня особо торжественный смысл. Волновало и бередило мою юную душу. Это легко объяснимо.

Деревенская глупь затмняла сознание. Ни электрического света, ни радио, тем более, как сейчас — телевизоров и компьютеров — не было и в помине. За столом — свечи огарок или коптилка из патронной гильзы. Семилинейная лампа появилась лишь в конце пятидесятых. Долгими зимними вечерами одна радость — чтение. Вот почему книги и газеты были для меня, как бы лучом света, окном в большую жизнь. И сопричастность с ними вселяло надежду и веру.

Когда в памятном 1955-ом году колхозники, замешкавшись с уборкой зерновых, позабыли об овощах, а тут уже и снег выпал... меня потянуло написать стихи о кучах неубранной капусты на берегу Лабосыни, что из-за сильных морозов стала гнить.

*Родилась капуста хорошая ныне —
Большие кочаны, бела и тверда...
Срубили её и сложили в низине:
Осталась лежать она там навсегда.*

Робко запечатал я бумагу со своими виршами в конверт и отправил по почте в «Болховскую коммуну» — так изначально называлась газета. Недели через две я увидел на одной из страниц карикатуру, изображающую предколхоза имени Чкалова Александра Митрофановича Новикова, падающим в пустую силосную яму. Внизу, за моей подписью, все необходимые пояснения к рисунку. Так, если раньше детей находили в капусте, то на этот раз — открыли селькора. Вот как об этом я пишу сегодня в одноименном стихотворении:

*Газетной строчке, типографской краске,
Что ели терпким запахом сродни,
Я поклонялся, как волшебной сказке —
В те давние, но памятные дни.*

*Давила глушь — ни радио, ни света.
В избе горит огарок от свечи.
И доброй гостью — свежая газета,
Где заголовки — острые мечи.*

*Они разят лентяев, бракоделов,
Что нам мешают строить коммунизм.
— Какие журналисты — люди смелые!
Вот мне бы так — не тление, а жизнь!*

*Моим восторгам не было предела
И я готов был взяться за перо.
И то же, как они — сражаться смело,
И сеять свет, и приносить добро.*

*Страх — страшный грех,
От времени Пилата
И заяц тоже — самый страшный зверь!
Как видно в том: природа виновата?
Но человек! Он — властелин, не червь!*

*Он может все. Он должен. Он обязан
Идти, как богатырь на бой со злом!
По зову духа, а не по приказу,
Я сел за стол и взялся за перо.*

*И рассказал, как от мороза — гнилью
Капуста стала, что лежит с тех пор,
Когда, её, срубив, убрать забыли...
Заметку дали! Родился — Селькор!*

Публикация произвела настоящий фурор. Из искры возгорелось пламя! Автора искали. Полагали, что «Колячку»

написал однофамилец-агроном. Тот открешивался. Наконец, кто-то подсказал обескураженному председателю Новикову, что нагрепшил сын инвалида-калеки Дмитрия Ивановича Козина. Объяснили, что это — его Петя, он в Репнинской школе учится. Ругать в глаза не стали; что взять с желтогорого мальчугана? Да еще с наследника убогого?! Быть может, и боялись негативно проявить себя. Но на заметку взяли.

Редактор

Не ведая страха, я продолжал сотрудничать с газетой. Хотелось увидеть настоящих журналистов, познакомиться с ними. Особенно мне нравились стихи Анатолия Гладких. Как сейчас помню его стихотворение «Бабье лето», где поэтично описывались серебряные росы на поблекшей траве и тягучая паутина, срывающаяся и улетающая под ветром с пестрых макушек луговых цветов. «Вот мне бы так научиться писать», — мечтал я, отмеривая быстрыми шагами все шесть верст полевой проселочной дороги по пути в школу.

Мечта о встрече с «живым» поэтом состоялась. Вот я нахожусь на Земляной горе — тихом заветном уголке древнего Болхова, у двухэтажного здания, что примостилось вблизи собора над крутым берегом невидимой речушки Болховки. Ведь именно здесь, в этом волшебном домике с певуче-деревянной лестницей размещается с давних пор редакция районной газеты, трижды за последние годы сменившая свое название. Она-то и является моей первой творческой колыбелью.

Анатолий Сергеевич Гладких, который в ту пору был заместителем редактора, встретил меня тепло. Повел в секретариат. Его возглавлял Владимир Николаевич Анисимов. Затем они представили меня шефу — редактору Михаилу Михайловичу Беликову.

...За «Т»-образным столом сидел средних лет мужчина и читал «Правду». Увидев нас, отложил в сторону газету и, сняв очки, протянул руку.

— Ну, здравствуй, селькор! — сказал он, — рассказывай, как дела в школе, в колхозе?

— Вот принес заметку о лыжных соревнованиях, — сбивчиво начал я объяснять цель визита.

Быстро пробежав глазами протянутый тетрадочный лист, он улыбнулся:

— Хорошо. Оставь. Напечатаем. Ты расскажи, как твои родители — мама, папа, сегодня, живут?

— Мама работает по нарядам. Отец — инвалид.

— Пенсию получает?

— Нет.

— Плохо, — вздохнул редактор, — ты почаше нам и в другие газеты пиши. Гонорар не пустяк. Все для родителей помочь.

— Буду стараться.

— Вот и молодец! А как будешь в городе, обязательно заходи.

Получаемый гонорар здорово выручал меня. Осенью 1957 года на районном слете рабселькоров меня поощрили денежной премией. Так Беликов заботился о молодых авторах, старался поддержать их.

Первому редактору я посвятил очерк «Немеркнувший свет» и поэму «Селькор». Вот маленький отрывок из нее:

«Здороваюсь,
Редактор мне с укором, —
Что не заходишь? — мягко говорит, —
У нас всегда
Для дорогих селькоров
Один в дверях —
Зеленый свет горит.
И расцветет лучистою улыбкой:
— Просматривал вчера твои «грехи»,
Дадим, подправив кое-где ошибки,
Твои в газету первые стихи».

Таким добрым и мудрым, «с лучистой улыбкой» навсегда остался в моей памяти Михаил Михайлович Беликов. Редактор и Человек.

Гонорар

Прав был редактор, что гонорар — не пустяк. Он был не только символом признания, но и каким-то образом помогал латать зияющие дыры в семейном бюджете. На полученные из редакции деньги я приобретал книги и тетради, краски и карандаши. И непременно старался порадовать родителей свежей булкой хлеба, пряниками и конфетами. Однажды, будучи в Болхове, купил в городском магазине новые брюки — старые штаны давно порвались. Новым счастливым приобретением для меня стал факт выписки только что, с 1-го июля 1956 года, начавшей выходить в свет газеты «Советская Россия». На её страницах публиковались рапорты побед социализма в освоении целины и космоса, введения в строй новых заводов и электростанций. Это расширяло мой горизонт знания мира. Утоляло информативный голод моего любознательного отца.

Мне было 16, когда мартовским днем 1957 года я отправился в поселок Щербовский — центральную, после укрупнения, усадьбу колхоза, чтобы посмотреть кинофильм. А в сельском клубе, как оказалось, вместо фильма решили провести собрание.

Председатель артели Новиков, герой моего фельетона о капусте, фронтовик, односельчанин, увидев меня, окликнул:

— А, селькор, хорошо, что пришел, за секретаря побудешь. Вы не против будете, мужики?

Мужики были согласны. Побывал я в роли секретаря, а, возвратившись домой, пока было все свежо в памяти, написал отчет о собрании и решил его послать не в районную, а, вспомнив совет редактора Беликова, в областную газету. Был чрезвычайно обрадован, увидев через неделю свою заметку. Так началось мое сотрудничество с «Орловской правдой», затянувшееся на целые десятилетия. Гонорар меня удивил. Он был больше, чем подобного размера материал в районной газете, в три раза.

Через год, после публикации моего письма «Прав ли, Павел?», началось мое сотрудничество с «Орловским комсомольцем». Оно, правда, из-за конфликтной ситуации прекра-

тилось на десять лет, но затем возобновилось с новой силой. В 70 годы я стал работать заведующим нештатным отделом этой молодежной газеты.

Когда же, наконец, была пробита брешь непризнания, и «Пионерская правда» опубликовала мой материал о награждении Репнинской средней за образцовое состояние пришкольного участка, струнным оркестром, я стал знаменитым не только в селе, но и в районном масштабе. Полученный мною гонорар в сумме 80 рублей был передан маме. Его хватило за уплату моего обучения в течение полугодия. Для родителей, считающих каждую копейку, это не было мелочью. Мама тепло говорила: «Богу спасибо, что тебе, нищему да безответному, разум светлый даден. Чует моё сердце, что гордиться тобою буду. Я и сейчас горжусь! Люди тебя хвалят. За все. И что школу не бросаешь и по дому помогаешь, и отца уважаешь. Гостицы приносишь. И, конечно, за то, что в газетах пропечатываешь кого надо».

*Деньги — товар,
То постулат от Маркса,
Его и ныне забывать не след.
Мой гонорар!
Опорой был, не фарсом
Звал к творчеству
И пополнял бюджет.*

Сегодня с победою, так называемой демократии, когда газеты и журналы перешли на профессиональную основу, гонорар перестали платить. Больше того, от авторов требуют деньги за право публикации. Лишив селькоров материального стимула, газеты перестали быть, как прежде, столь популярными. Лишившись поддержки масс, они уже не выполняют предписанную им ранее функцию — коллективных организаторов, пропагандистов и агитаторов. Пресса ныне стала чужою, превратившись в предметы торга и упрочения власти представителей денежного капитала. И теперь я бы не смог ответить на вопрос: состоялся бы из меня селькор, если бы мне не уплачивали гонорар? А ведь я еще был рабкором и

нештатным автором. Если и пишу, печатаюсь сейчас, то лишь, по неистребимой жажде творчества, привитой с детства печатной строкой.

Расплата

Некоторые полагают, что «гнать строчки» — занятие пустое и доступное каждому грамотному школьнику. Отнюдь. И заковырка тут не в отсутствие способностей, без коих, разумеется, дело на лад также не пойдет, а в гражданской смелости авторов. За удовольствие быть таковым надо платить. Еще со времен Иоганна Гутенберга известно, что печатная строчка — колюча. Она может не только ранить, но и убить! Тому мы тьму примеров отыщем. Откройте советскую периодику 20-30 годов прошлого столетия! В редком номере не встретишь сведений о расправах над активистами и селькорами.

Селькор двадцатых, юный Петр Зевалкин, с которого я брал пример, не был жалован сельчанами за свои сочинения в газету. И не только ими. Уже став писателем Петром Замойским, он вспоминал:

Мать сказала: «Больше, чтоб этого не было, слышишь? А то запорю!». Её поддержал набожный родственник Семён: «Взбучку ему задай, Арина. А то, не дай господи, нынче пишет, а завтра по чужим садам лазать начнет».

Биограф Замойского, известный критик Николай Стравинский отмечал: «Осмеяние тех или иных «достойных» лиц обличалось для него худо. Юного сочинителя не раз трепали на улице, пытались «угостить» камнем из-за угла. А некий Афиноген чуть было не пришиб его оглоблей».

Но, если у автора нашумевшего в свое время романа «Лапти» Петра Замойского всё закончилось благополучно, то безвременная гибель селькора и поэта Сергея Чекмарева до сих пор осталась тайной. Как бы предвидя свою смерть, он написал:

*Его погубили кулацкие пули,
Его засосали уральские степи.*

Разве только его? Разве не за «острое слово» отдали свои жизни журналисты наших дней — Дмитрий Холодов и Владислав Листвьев?!

Угрозам и остракизму неоднократно подвергался и я. В канун призыва в Армию районная газета в своей редакционной статье «Об этом нельзя умолчать» написала о том, как односельчане, некие Ефимовы, гнались за селькором Петром Козиным с косою и вилами в руках, угрожая расправой только за то, что он «светлым лучом правды осветил их подленький быт».

Предыстория такова. Как-то в один из престольных праздников, на гулянье, я попытался разнять двух дерущихся деревенских мужиков: Федора Ефимова и Василия Бугаева. Они неведомо по какой причине устроили между собою кровопускание. С рыцарским мужеством я встал между недругами. Но не зря гласит пословица: «Свои собаки дерутся, чужие не влезай!». Я пренебрег этой истиной, влез, и мне разбили губы.

На следующий день мать осыпала соседа и родственника упреками: «Зачем же вы невинного Петю избили? Он же добра вам хотел!». Василий Бугаев, как и мой отец, племянник дядюшки Никиты, извиняясь, недоумленно развел руками: «Прости, тетка Поль! Честное слово, не помню, как все получилось. Федор и я пьяными были. Сцепились и не заметили, как Петя подошел...».

После этого памятного случая, когда в стране началась очередная компания по борьбе с самогоноварением, я и опубликовал в газете заметку «Дымят трубы», выводя в ней «на свет» злостных самогонщиков. Кто-то из «героев» молча принял критику к сведению, а отец и сын Ефимовы, будучи со мною на покосе у Жарновского верха решили посчитаться с селькором, бросившись на меня с косою и вилами. Когда об этом эпизоде стало известно в районе, в Сивково приехал сам Беликов. Он не только встретился с хулиганами, но и провёл беседу с руководством колхоза и сельсовета на предмет защиты чести и достоинства корреспондента.

Кроме редактора этим делом занималась и милиция. Как были наказаны виновные, я не в курсе. Прибыв со службы в отпуск, узнаю, что Ефимовы уехали из деревни.

За критику в областной печати руководства района, уже в 1970 году, я был освобожден от обязанностей директора Сурьянинской школы, в которую меня рекомендовал все тот же мужественный и честный редактор и коммунист Беликов. Секретарь Болховского райкома партии Баланичев, не кривя душой, прямо заявил: «Нам нужен директор, а не журналист!».

Верность мечте

Еще в марте 1970 я опубликовал в «Орловском комсомольце» статью «Становление», в которой искренне признавался, что в школе я не отличался дисциплинированностью. Хорошо помню, как разгневанная моей очередной выходкой учительница математики Зинаида Васильевна привела меня в учительскую. Здесь на меня смотрели много пытливых и порою недобрых глаз. Особенно не по себе было выслушивать директора школы Георгия Гавриловича Тимохина: «А, вот сам, наверное, учителем не захочешь быть?».

— Почему? — осмелился я на вопрос.

— Трудно, скажешь, воспитывать!

— А может, и захочу! Может быть и не трудно! — запальчиво ответил я и густо покраснел. Мне было стыдно перед Георгием Гавриловичем, красивым и стройным офицером запаса. Его мы уважали за отличные способности в математике и справедливость. Любли и побаивались.

По дороге из школы я долго обдумывал свои слова. Тогда я учился в 9 классе. Писал корявые, неумелые стихи. Строчил заметки в газеты, мечтая стать журналистом. Но вот о профессии учителя впервые стал размышлять после этого случая. Мне очень не хотелось оказаться болтуном перед моими учителями.

Скажу откровенно. Природа наделила меня четырьмя качествами познания мира: прямолинейностью, честностью, сме-

лостью и правдивостью. Никогда в жизни своей я никого не обманывал, придерживаясь пословицы: «Лучше шутя говорить о серьезном, чем серьезно — молоть чепуху!». Как тогда в учительской. Сказал, что буду учителем, вроде шутя, а на деле стал дипломированным историком и 30 лет проработал в школе, в том числе и директором. И не плохим! Об этом убедительно свидетельствуют отзывы коллег-учителей и моих учеников. Мечтал стать журналистом и добился осуществления мечты — с отличием окончил Газетное отделение университета. Получил специальность — литературный сотрудник. В 1974 году по рекомендациям писателей Анатолия Яновского и Василия Катанова, журналистки Светланы Дьячкиной был принят в Союз журналистов.

Прошел творческий путь от селькора пятидесятых до редактора областной туристской газеты «Орловские родники» в 2002 году.

*Я не бросал напрасно слов на ветер,
А смело шел к желаемой мечте.
И победил!
Не зря так ценят дети —
Не красоту во лжи, а правду в простоте.*

Завуч Репнинской школы, физик Серафим Михайлович Минаев, каждый год свои первые уроки предварял цитатой Карла Маркса о том, что в науке нет широкой столбовой дороги, и что лишь тот достигнет её сияющих вершин, кто не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам! И Карл Маркс и он были правы. Путь к вершинам — тернист и долгий. И как радовался мой старый учитель, когда я подарил ему свой второй поэтический сборник «Перелески», в котором есть стихотворение «Репнино», ему посвященное. «Хотя ты числился в озорниках, — честно признавался он, — но я верил в твои способности, верность слову и долгу!». Такая вера — прибавляет силы.

* * *

Селькоры начинают свой поход в большую литературу, если, конечно, такое случается, с освоения малых жанров — заметки, информации, статьи. Пока они, как справедливо отмечал Ярослав Голованов, лишь литераторы, способные правильно объяснить свои мысли. Но если газетчики, обретя мастерство и опираясь на фундамент знаний, оказались способными овладеть мудростью «художественного слова», то они могут стать подлинными писателями. Тому примером Петр Замойский, что прошел тернистый путь от селькора до руководителя Союза крестьянских писателей.

Писателями, как и солдатами, не рождаются. Ими становятся. Уповать только на «божью искру» — занятие неблагодарное. Нужен труд! Не зря же в народе говорят, что терпение и труд — все перетрут. Хотеть, значит — мочь! Сегодняшним селькорам не следует отчаиваться. Ибо еще великий Горький сказал, что каждый грамотный человек может написать хотя бы одну книгу — о самом себе.

РОДНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ

*Никогда счастье не ставило человека
на такую высоту, чтобы он не нуждался
в других.*

Сенека.

*Вдохновение — труд,
Но не только.
Выраженьем его может быть:
Тихий пруд,
Что возник от воронки.
Величавость отцовских ракит.
Сладкий запах весенних черемух,
Тех, что скромно стоят
У плетня.
Вдохновением служит — подсолнух,
И цветы на лугах и поля.*

Но, помимо природы, красивыми могут быть и люди, которые тебя повседневно окружают и неизбывное чувство Родины, твоей личной ответственности за ее судьбу. Родниками вдохновения, несомненно, являются умные книги, что сокращают нам опыты быстротекущей жизни. Без них мы вечно бы изобретали один и тот же велосипед.

Об истоках, о родниках моего поэтического вдохновения и будет мой рассказ.

Моя Отчизна

*От Кирил до Балтийского моря,
От Таймыра до башен Кремля.
Тундра, реки, равнины и горы,
То навеки — Отчизна моя!*

В пятидесятые под выражением «Моя Отчизна» мы понимали не Россию, в ее нынешних границах, а весь необозримый

«Союз нерушимых...». Энтузиасты-комсомольцы, неутомимо созидающие стройки двадцатого века: Днепрогэс, Кузбасс, Комсомольск на Амуре, Самотлор, Норильск, БАМ, Атоммаш, гордо утверждали:

*Наш адрес — не дом и не улица,
Наш адрес — Советский Союз.*

В канун нового, 2006 года, коммунистическая газета «Орловская искра» опубликовала патриотическую статью кандидата философских наук В. Буровина «Мы помним: наша Родина — СССР». В ней напоминается, как 30 декабря 1922 года, в Большом театре собрались 2215 делегатов на свой съезд Советов, где они рассмотрели и утвердили исторические документы — Декларацию и Договор об образовании Советского Союза.

СССР не только стал полноправным субъектом международного права, но и явился инициатором создания ООН, и созыва Хельсинкского совещания, заложивших основы мирного существования стран с различными социальными системами. Разрушение СССР явилось составной частью буржуазной контрреволюции, осуществленной силами внутренней и внешней реакции, руками предателей Горбачева-Ельцина, Кравчука-Шушкевича.

Установившийся после серии государственных переворотов 1991-1993 годов буржуазный режим оказался не только компрадорским, но и русофобским, антипатриотическим. И дело не только в том, что олигархические кланы и их власть персонально состоят, как правило, из ненавистников России. Сама природа ельцино-путинского режима антипатриотична, так как его социальной опорой выступают лишь две ветви капитала — экспортно-сырьевой и банковско-спекулятивный. Но они в силу своих экономических интересов ориентируются не на Россию, а на заграницу, на вывоз наших национальных богатств за рубеж. Судьба Отечества им безразлична».

Нам, русским патриотам, такой поворот событий не безразличен. Нам и сегодня дороги наши светлые воспоминания о великой Родине, которой мы, голодные и сирые, восхищенно гордились.

* * *

Какое юное сердце не содрогнется от счастья, когда увидит под крылом самолета — зеленое море тайги, а из иллюминатора космического корабля — огромнейшую территорию, покрытую густой сетью железных и автомобильных дорог, нефтяными вышками и линиями ЛЭП, аэродромами и ракетными площадками. И все это бескрайнее пространство, на котором могли разместиться десятки громадных и культурных государств и есть — моя Отчизна.

Наша Родина поистине страна чудес. Разве не удивительно, что в течение одного поколения в ней появились: радио и телевидение, атомные ледоколы и электростанции, ЭВМ и компьютеры, сверхзвуковые самолеты и космические корабли, лазеры и термоядерные реакторы. Обо всем этом известно теперь, но в 50 уровень знаний был гораздо уже, а возможности обучения ограничивались мелом, классной доскою, учебниками да плакатами.

Жажда новых познаний вела к книжным полкам. Я был записан сразу в трех библиотеках — в школе и двух сельских: Щербовской и Репнинской. Набрав труды классиков географической науки: Семенова Тань-Шанского, Пржевальского, Козлова, Обручева, Ферсмана и Берга, я взялся за их исследование. Заочно вместе с ними путешествовал по Кольскому полуострову и Средней Азии, по Байкалу и Амуру.

Далекая «Чукотка» с ее поселком Уэленом казалась понятной и близкой после знакомства с одноименной повестью, а также с книгами: «На севере дальнем» и «Алитет уходит в горы». Свежим ветром Заполярья дохнули на меня романы: «Метательница гарпиона» и «Сон в начале тумана» Юрия Рытхэу, «Быстрононгий олень» и «Белый шаман» Николая Шундика. Это ли не яркое доказательство высокого прогресса в образовании и культуре некогда первобытного народа, добывающего хлеб свой в условиях вечной мерзлоты, в постоянном противоборстве с суровой природой. Свои впечатления я облек в стихи.

*Зима. Сугробы по колено.
Под тусклым солнцем снег сверкал.
Я шел с мечтой об Уэлене,
Когда «Чукотку» прочитал.*

*Представил белые просторы,
Собак в упряжке, буривой.
Вот «Алитет уходит в горы»
Искать неведомый покой.*

*Вот в тундре кормятся олени,
Под снегом ягель отыскав,
А в море — жирные тюлени,
Моржи, прилегшие у скал.*

*Снуют средь айсбергов вельботы,
Гарпун у чукчей неспроста —
Бьет в бубен, славя их работу,
Шаман на празднике «Кита».*

Загадочная «Земля Санникова» и ледовый «Путь на Грумант» долго и неотступно волновали моё воображение. Да и можно ли оставаться равнодушным, встретившись, благодаря изумительному таланту писателя Арсеньева, с мудрым следопытом, хозяином Уссурийской тайги «Дерсу Узала»? Родину Василия Шукшина и Михаила Евдокимова — Алтай открыл для меня их земляк Ефим Пермитин. Один за другим я «проглотил» повести и романы «Когти», «Капкан», «Враг», «Горные орлы». После знакомства с его чудесною «Поэмой о лесах», мне отчаянно захотелось стать лесником, чтобы жить и любоваться чарующей красотой Алтайской тайги.

*«Без цели нет подвига жизни, —
Волнуясь, Пермитин сказал, —
Хочу, чтоб на землях Отчизны
Кедровые зрели леса.*

*И чтоб человек не пустыню
Вослед за собой оставлял,*

*А — ели, березы, рябины...
Чтоб яблони больше сажал!*

Об этносе народов Сибири, Урала, Средней Азии, Казахстана много поучительного, наряду с дневниками географов, я узнал благодаря знакомству с великолепной трилогией Василия Яна «Чингисхан», «Батый», «К последнему морю». А так как герои его романов оставили глубокий след не только в судьбе Евразии, но и отчего края, я выразил свое к ним отношение в стихах.

*Зло сеял Чингисхан —
Воитель дерзновенный!
Он так Европу с Азией потряс,
Так замешал народонаселение,
Что очень трудно разобрать сейчас:
Кто русский? Кто татарин? Кто китаец?
А кто монгол и прочий басурман?!
Неистов зов великих Курултаев —
Крушить и жечь!
Низать на ятаган!*

*БАТЫЙ на Русь
Орду гнал за Ордою.
Пылали села, города в ночи!
Не защититься — пикой и стрелою,
Коль в стены бьют
Пороки и пращи!*

*На 300 лет
Нависла тьма над Русью.
И не случайно
Из-за той беды:
И в письменной,
И в нашей речи устной
Везде найдем
Татарские следы —*

*В названьях рек
И населенных пунктов,
В фамилиях славянских,
В именах.
Попробуй разобраться
В этой смуте,
Коль за одной
Приходит вновь —
Война!*

*И вместо Ивановых —
Ляхи Блынские,
Взамен Петровых —
Козины чредой.
Не разобрать:
Кому паны — столь близкие?
Кто дворянин,
С крестьянскою судьбой?!*

Произведения Яна убеждают нас, что чужого горя не бывает. И мы должны внимательно изучать историю, чтобы знать суть настоящего. А в нем будто смешилась ось Земли. Азия воспрянула! Названия городов в тундре или тайге, предгорьях Алтая или на Байкале, в Якутии или у Карского моря звучали для меня так же привычно, как: Москва, Орёл, Болхов. И все это результат влияния творчества писателя-сибиряка Георгия Маркова. Могучему, сказочному краю он посвятил свои романы: «Строговы», «Соль земли», «Отец и сын», «Сибирь». Большое место в них занимает пейзаж. Тайга с высокими до неба кедрами, непроходимыми чащобами, светлыми, как праздники полянками, с охотничими, приветливыми избушками. Полноводные реки с ледяными до времени — заберегами. Золотистое жнивье на полях, бесконечно долгие — от села к селу — дороги.

Дикую красоту гор Кавказа, быт самолюбивых горцев донесли до нас: Лев Толстой, Михаил Лермонтов, Бестужев-Марлинский. Искрометные повести последнего писателя так обильно насыщены художественными образами, что в свое

время привели в подлинное замешательство великого критика Белинского. Оставляя лавры первенства за Пушкиным и Лермонтовым, он вынужден был признать и высокую одаренность их товарища по перу: «Марлинский, безусловно, талантлив, но его талант — чисто внешний».

Как бы не так! Открыв Марлинского для себя, я выписал из его рыцарских повестей такое количество «крылатых фраз», которые не уступают по остроумию грибоедовским, что их хватило для наполнения общей тетради. Так я был им восхищен. Шутка ли, но на эту же удочку, что и я, попался и Маршал Победы! Судите сами. Уже после войны историки распространяли версию о том, что Георгий Жуков, будучи в сердцах, высказался о Сталине цитатой из Бестужева-Марлинского: «Да, он, штафирка и стрелять-то не умеет!». Вывод очевиден: опальный Маршал читал произведения так же, как и он, опального офицера-декабриста. Общие судьбы, родственные души! По этому поводу я позволил себе некоторый юмор.

*В военном деле был —
«Штафиркой!» —
Возможно, наш великий вождь.
Но то — опасная пластинка,
Всye её ты не тревожь!*

Об опасности сатиры, направленной против «сильных мира сего», предостерегал авторов и граф А. К. Толстой. Он писал:

*Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.*

«Переяславская рада» поведала мне о единстве народов: России, Белоруссии и Украины. Как приятно, что сегодня мы дружим с Белоруссией, а вот с братской Украиной затеяли настоящую «газовую войну». А впереди еще маячит перспектива борьбы за Севастополь и Черноморский флот. Хуже всего, что в современной моей Отчизне — России порядка нет,

как его не было и во времена вышеупомянутого графа, горестными словами которого я и хочу завершить этот очерк:

*Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.*

Семья и школа

*Лучшее наслаждение, самая
высокая радость в жизни —
чувствовать себя нужным и
близким людям.*

Максим Горький.

*Семья и школа —
В неразрывной связи:
Они дитя,
Как деревце растят.
Пусть будешь ты
Ослушник и проказник —
Тебя поймут, исправят
И простят.*

Радостное чувство любви к самым близким и дорогим людям, их ответное чувство, взаимопонимание и сопереживание — вот основные побудительные мотивы творчества. Оно, безусловно, должно основываться на уважении и доверии. Семья и школа, родители и учителя — главная опора для всех детей. Но особенно в их внимании и поддержке нуждаются те из них, кто призван самой природой, — творить, выдумывать, пробовать.

*Без опоры
Всюду горе —*

*Сохнет лес, мелеет море.
Как ни бейся, не помогут
Даже сильные дожди.
Без опоры —
Рухнут горы.
Что там горы?
Сгинь опора,
Как бывает после ссоры,
Непременно, — горя жди.*

*Если ж ты нашел опору,
То свернуть сумеешь горы
И водой наполнить море,
Лес усохший увлажнить.
Значит, людям на планете,
От рассвета до рассвета
Надо, как сказали б дети:
— В дружбе жить
И добрым быть!*

Родители мои были трудовыми и добрыми людьми. Об их любви к «последышу» я уже писал. Важнейшей для меня опорой была гражданская позиция отца, заключающаяся в не-примириности ко всякой лжи. Он знал свою крестьянскую правду, что была у него с кулаками. Он своим личным примером учил меня идти за нее в бой. Отец не боялся сказать в лицо своему дядюшке Никите, что он подчищает колхозные амбары, попросту ворует зерно. Он неоднократно уличал налогового сборщика Ефимова, который за взятку освобождает своих родственников от налогов, проставляет в ведомостях меньшее количество скота, птицы, фруктовых деревьев и другое. Он ставил на место однорукого бригадира Федора Павловича Гришина, который за бутылку самогона выделяет дополнительные подводы и места для индивидуальных покосов. Когда я стал селькором, он не стал осуждать меня за это. Но, сам никогда не понуждая меня к критиканству, он не знал и нарочито не интересовался тем, что я пишу.

— Сынок, ты уже комсомолец, — говорил отец, — все должен понимать сам. Есть желание, — сочиняй, развивайся. Может, и толк будет. И Горький, и тезка твой — Замойский, все с газет начинали. Но помни, чтобы совесть не жгла, не мучила, как говорил Островский, будь честным и правдивым.

Такая позиция моего отца, пользующегося у односельчан авторитетом, спасала меня до поры от наветов со стороны сельских начальников, которые отыгрывались на семье. То маме во время коня вспахать огород не дадут и она, бедная, надрывается так, что, распарившись, падала отдохнуть на холодную землю. В результате слегла в больницу с воспалением легких. То, все тот же бригадир Гришин подождет у нее за спиной вязанку сена, якобы, взятое без разрешения.

Вот почему мать не могла одобрять моё увлечение сочинительством.

*Случалось мать, слезу смахнув украдкой,
За «дело» поругает и простит.
Или попросит: «Подожди с тетрадкой,
Вот те газета новая, — прочти!..*

*Возможно, сам в ней что-то пропечатал?
Мне любопытно первою узнать.
А то на конном будут кто балакать,
Мне за тебя придется отвечать.*

*Хоть ты, сынок, и нынче в комсомоле,
Годочкими ж еще пока не зрел.
Печататься опасно!
Лучше б в школе
С уроками побольше преуспел.*

Такое сдержанное, в сравнении с непременной угрозой: «Запорю!» мамы Петра Замойского, отношение моей родительницы объяснялось влиянием отца. Он говорил ей: «Не мешай сыну! Он не глупый и сам поймет, что хорошо, что плохо. Пусть мужчиной растет и учится за себя постоять».

Но не бывает печалей без радости. Настало время, и я заслужил от мамы первую серьезную похвалу, ставшую пред-

метом моей гордости. Дело в том, что по причине её неграмотности и вечно грязных рук отца, постоянно ползающего по земляному полу, от их имени я писал письма братьям и сестре. Вот родители сажают меня за стол, предварительно смахнув с него мусор чистой тряпкой. И я начинаю под их диктовку строчить весточки из деревни. Часто вызывали у меня досаду их скучные, длинные вступления, вроде: «Во первых строках нашего письма спешим сообщить...». Как-то, осмелившись ослушатьсяся, я сочинил брату Александру в Серпухов самосто-ятельное, без излишних пустых фраз, эпистолярное послание. Родители выслушали его содержание. Покачали головами. Весело переглянулись, — одобрили.

— В кого Петя у нас такой выдался? — спрашивала у отца мать, — все с лету хватает.

— Да в деда Ивана! — серьезно говорил отец, — батюшка мой, а его дедушка, которого он и увидеть не успел, не раз смущал свою серьезную супругу, а мою мать Мавру Андреевну, своими лихими прибаутками. Сочинитель был. Анекдотами, как охотники на привале, так и сыпал.

— Ну и ну, — горестно вздохнула мама, — деда Ивана не вернешь с того света, а у нас теперь есть свой сочинитель. Будет кому дочери и другим сынам письма писать.

*Бывало мама по дому хлопочет,
Но часто-часто смотрит на окно.
— Кого ты ждешь? — спрошу
Ответит: «Почту! —
От дочки что-то писем нет давно.*

*Как там Иван?
Как внуки — Вова, Миша?
Хотя б подали весточку одну!
Душа болит! Пусть правду мне опишет:
Как ей живется — на святом Дону?*

*Хотя сама я знаю, что не сладко.
Ей, Машеньке моей, с тремя одной.
Она привыкла к строгому порядку,
А Коля пьет! Видать, казак лихой!*

*От Шурика, из Серпухова, то же
Которую неделю нет вестей!
Как Нина там? Её ругать негоже.
Она — невестка, а душа милей!*

*Приветлива всегда и деловита.
У них — две дочки, скоро будет сын.
Когда мой старший заворчит сердито,
Одной улыбкой гасит его пыл.*

*Тут стук в дверях!
Мать выбегает к свету:
«Вот легок на помине ты, Илья!
Чего принес?»
Он ей в ответ: «Газету!
А писем нет — знать, пишут сыновья!»*

*Когда Илья уходит торопливо —
У письмоносца — множество забот.
Рассстроенной и явно несчастливой,
Ко мне мать с просьбой тихо подойдет:*

*«Сынок! Возьми, лист вырви из тетрадки.
Да всем ребятам письма отпиши.
Что, мол, у нас в колхозе все в порядке
И по дому нет трудностей больших.*

*Что Петя учится. Все живы и здоровы.
Пока корова поит молоком.
Зерна и сена припасли до новин,
Хоть сделать это было нелегко.*

*Что лишь о них её сегодня мысли
И чтоб с отцом зря не пришлось страдать.
Пусть чаще шлют свои в деревню письма.
Родителям всегда их трудно ждать».*

И как радовалась мать, когда с берега тихого Дона, наконец, приходила долгожданная весточка от любимой дочери. В

конверте, как правило, был положен трех или пятирублевого достоинства, банкнот. Она чем только могла, всегда старалась помочь семье.

Мария была поистине золотою, доброю и внимательною сестрой. Всю войну она таскала меня на руках, укрывала в окопах от осколков авиабомб. Делилась лучшим сухарем, выпрошенным у добрых людей. Приезжая из Москвы или Сталинграда, где работала после окончания ФЗО, непременно привозила гостинцы. Поступала так, как мы сегодня это делаем с внучкой Настей, как самой младшей, а, следовательно, самой любимой.

Когда я учился в Сивковской начальной, она привезла мне в подарок новые, красивые, первые в моей жизни, настоящие ботинки. Я их так берег и жалел, что обувал лишь только в исключительных случаях — когда шел в школу. Перед глазами за первые годы учебы прошла целая вереница худеньких, но бойких мальчишек, моих товарищей, обутых в чуни, лапти, а летом так и вовсе босых.

*Два года в школу в лаптях я ходил,
При этом не испытывал смущенья.
А чтобы чистый пол не «заследить» —
От двери к партам ползал на коленях.*

Совсем, как это делал, по несчастью, мой отец. По поводу «ползания на коленях» между учителем Яшиным, матерью братьев Новиковых (таких же «лапотников», как и я), а также моей мамой произошел, как она выражалась, «серёзный разговор». Как он протекал, не знаю, но только после него Дмитрий Лукич уже не принуждал нас к опусканию на корточки. При этом какою бы грязною ни была наша с ребятами липовая обувка, сработанная ловкими руками отца.

По осени, придя первый раз в ботинках, отсидев в школе положенное время, после уроков я направился с ребятами сажать деревья, что ныне превратились в широкую и могучую белоствольную рощу. Не желая «коверкать» новые ботинки лопатой, я предусмотрительно снял их и положил у края ямы. Закончив дело, опрометью побежал огородами к дому, забыв об оставленной обуви. Первой спохватилась мать: «Где же твои

— сестрины ботинки?». От такого вопроса меня охватила жуть. После сбивчивых объяснений мы с мамою отправились на поиски. Осмотрели свежую яму, но от ботинок и след простыл.

Подозревали, что их взял живший по соседству со школой Братухин Иван. Мама побывала у него дома. Поспрашивала, «постыдила». Однако все было напрасно: Братухины в краже не сознались. Не пойманный — не вор. Так что и в 3-ий год мне пришлось обойтись лапотками.

Сестра Мария, узнав о нашем несчастье, вновь оторвала от своих детей необходимую сумму денег. По приезду из Ростова в деревню вручила мне долгожданную обувь — крепкие туфли.

*Сестра Мария — стройною былинкой,
Собою украшала отчий кров.
Мне привозила новые ботинки,
А вместе с ними — ласку и любовь.*

Палочка-выручалочка, моя добрая сестрица, в порыве нежности так расцеловывала меня, что я при встречах с нею стеснительно краснел. И как это делает сегодня мой 15-летний внук Максим, старался держаться на расстоянии — не маленький уже!...

Сестра о моих селькоровских делах мало что знала, относилась ко мне с уважением. Благодарила за умные, как она считала, письма. За помощь родителям. За то, что умею радоваться и радовать. За это качество мены позже станет благодарить и мой первый редактор Михаил Михайлович Беликов, верный друг нашей семьи.

* * *

Репнинские учителя к моему творчеству, как и родители, относились положительно. Военрук Тарасов снабжал материалами прошедших соревнований. Руководитель драмкружка Вера Михайловна предоставляла репертуар проводимых концертов. Литератор и завуч школы Севастьянова помещала мои стихи в общешкольной газете.

Даже, если бы все было не так, ни что не остановило бы меня перед выбором пути. Как некогда Петра Замойского.

Сила печатной строки всесильна. А тут не только поддержка родителей, в отличие от мамы известного писателя, поощрение со стороны педагогов, но, к моему удовлетворению, появились еще доброжелатели со стороны взрослых односельчан. О них и будет мой следующий рассказ.

Фёдор Лукахин

*Счастлив тот, кто действует радостно,
и — радуется сделанному.*

Гёте.

*Лукахин Фёдор — сверстник брата,
Студентом вечным слыл в селе.
Его окраинная хата
Сияла звездочкой во мгле.*

*К себе манила светлым садом,
Медовым запахом вощин.
Где за столом
Всегда вам рады —
И чай, и мёд, и калачи.*

Но больше всего радовался моему визиту сам хозяин избы пяти стенки Федор Иванович Гришин. Всегда веселый, добродушный, улыбчивый. Он форсировал беседы. Порою, ни о чем конкретном. Любил угождать медом. Большая пасека в саду — наследство деда. Он умел радоваться. Всему, что его окружает — земле и небу, восходам и закатам, полям и рощам. Неутомимый путешественник, он исходил пешком всю округу. На проезд, как всегда, не было денег. Чаще всего бродил по селам Белевского уезда — Борково, Алтухово, Дольцы. Здесь его не знали, а потому не могли обвинить в праздности, в безделье, лени, как это бывало в родной стороне. Тут он мог встречаться с интересными людьми, дискутировать на различные темы, предаваться своим грезам и мечтаниям.

*Его устами Змей Горыныч,
И том прощен был за разор!
Он, как тургеневский Калиныч, —
Неисправимый фантазер.*

*И прямодушен, как Манилов,
Из чудаков расширил круг.
Но, чтоб о нём ни говорили,
Лукахин Фёдор — добрый друг.*

*Мы с ним все рощи исходили.
По перелескам и верхам:
То слеги на сарай рубили,
То отдавали дань — грибам.*

В наших лесах преобладает орешник. Частый, Кленок, Лусочек — почти сплошь из этих кустов. Сегодня орешник высокий, и чтобы собрать орехи, нужно гнуть деревья. После войны и до середины 50-х годов лесу не давали вырасти, так как вся деревня топилась им. За долгую русскую зиму его вырубали нещадно, а он становился все гуще, и орехов каждый год было много. Ходили ватагами в лес, а было нам тогда от пяти до четырнадцати, а оттуда с вязанками дров на спине, с отыхами и рассказами во время остановок.

Мой приятель, поэт Николай Круглов вспоминал, как попугивал их некогда лесничий, человек не злой, который если и отбирал у кого топор, то приносил сам его владельцу, родителям, конечно, штрафуя их бутылкой самогона, которую и распивал вместе с отцом провинившегося. Время такое было, а закон и гуманность во все времена одни.

Ныне Лабосынь я называю — лесною, так она заросла. Ранее она вся подчищалась от кустарника. Его складывали кучами, делили по хозяевам и вывозили, а то и на себе переносили к домам. Напротив каждой избы лежали целые возы. Когда он подсыхал, то его рубили и складывали стопами под стены сарая на зиму. Мать моя, чаще всего, перевязывала хворост, пучками было легче переносить его к печи.

Так как лесу не давали вырасти, то найти в наших верхах слегу или столб было проблемой. Вот решением таковых про-

блем мы и занимались с Федором Гришиным. Лукахиним его звали по деду. Потому, чтобы не путаться с его однофамильцами, мы впредь так и будем его называть. Что касается грибов и орехов, то это попутное, не основное занятие.

Наши с ним походы за дубками в Городище, где мы часто находили свежие кости животных, имели особый смысл. Это явление объясняется тем, что близ известного Альянского моста, на стыке перелесков, заезжие цыгане устанавливали палатки. Их таборы, пользуясь удачным местоположением, подолгу задерживались здесь на стыке трех областей. Цыганки разбредались по окрестным селениям с гаданиями и песнями. При случае уносили с собою кур и уток. Приводили заблудших овец, а то и коней. Нередко животных разделывали в гуще леса. Мы же все списывали на волков и лисиц.

Бывали эпизоды, когда группа сивковских мужиков садилась на коней и врывалась в табор, откуда, как некогда с Дона беглых крестьян, выдачи не было. Удавалось иногда отбить коней, но мелкая живность пропадала бесследно.

Писатель Анатолий Калинин, с кем я встречался в Ростове, нарисовал нам образ цыгана-гуманиста Бадулая. Это — исключение из правил. В основе своей, цыгане были и есть — мошенники. Две цыганки, пользуясь ветхостью матери колхозного бригадира Федора Павловича, украли из его дома ценные вещи и деньги. И догнать предприимчивых гадалок ему так и не удалось. Таких эпизодов можно низвать бесконечно, как бусы на нитку.

Сейчас цыгане сменили коня на автомобиль. Я часто вижу их снующими окрест Сивкова и других, ставших глухими и почти безжизненными, деревень. Был случай. Поднимаясь на Сивковскую гору. Не далеко от «Ёлок» мою «Оку», вдруг, обогнали «Жигули». Отъехав на определенное расстояние, они остановились и преградили мне путь. Вот из «Жигулей» вылез огромный, толстый цыган, подошел к моему автомобилю и протягивает мне руку. На среднем пальце её я увидел массивный золотой перстень: «Не купишь?», — предложил он. «Нет, — отвечаю, — у меня, пенсионера и на бензин-то в обрез денег». «Как хочешь, — не обиделся цыган, — я бы дешево отдал». Внук Максимка, сидевший рядом, когда незадачли-

вый купец отошел, спросил: «Что он хотел?». «Одно, — отвечаю, — проверить: есть ли у меня деньги. Вот, смотри, и на усмотай».

Позже я узнал, что в наших краях орудовала целая банда дикого народа, обирая дома беззащитных пенсионеров.

Это — ремарка к объяснению того, почему Городище, не лес, а загадка. И почему всем проезжим наши места поныне кажутся суровыми и глухими.

Хотя и с опаской, но мы с Федором наведывались сюда часто. Со срубленными деревьями на плечах, через пни и овраги, с отдыхом и бесконечными разговорами, мы возвращались к родным гнездам.

* * *

Федор Лукахин — ровесник Александру. Оба они с 1925 года. Вместе учились в Сивковской, а затем окончили Михневскую семилетку.

Однако по паспорту Федор числится с двадцать седьмого. Так ему определили дату рождения родители, чтобы случаем немцы не угнали его, как это они сделали с моим братом, в Германию. От фашистской каторги спасались, кто как мог. Если мой брат после семилетки поступил учиться в Серпуховской текстильный техникум, где полгода проучившись, но не имея средств для продолжения занятий, вновь вернулся в деревню, то Федор никуда не поступал. Семья его была состоятельной. Забот никаких. И у него еще было время для определения своей судьбы. Однако война смешала все планы. А когда закончилась, то Федор оказался в переростках. Тем не менее, с перерывами, заочно, но он таки закончил среднюю школу. Надо было приобретать специальность. Тут-то и прилипла к Лукахину обидная кличка — вечный студент.

Дело в том, что Федор много раз поступал то в техникум, то в институт. Но, едва заканчивался первый семестр, бросал учебу. Военный разор. Безотцовщина — дала о себе знать. То не было денег на оплату квартирной хозяйке, то долги Вузу. Его мать, мамина кума, тетя Катя, старалась приобщить сына к пчеловодству. Несколько ульев достались по наследству от деда Лукахи, некогда известному мастеру. Федор, однако, не

оказался достойным продолжателем дела своего предка. Каждый год количество ульев сокращалось.

С трудом, но Федору удалось-таки закончить Глазуновский сельскохозяйственный техникум и стать зоотехником. Написал брошюру по животноводству. Пытался издать, но тщетно.

Нас роднило с Федором склонность к гуманитарным наукам, к сочинительству. Всякий художник, по убеждению Максима Горького, особенно нуждается в друге. Вот почему нас взаимно тянуло. Тут и ништета роднила. Федор оказался первым человеком, который всерьез воспринимал моё творчество. Это для юноши, 15 годами моложе, дорогостоящего стоит. Причем, сосед не поучал, не давал советы, а как бы сам пытался чему-то у меня научиться. Это подкупало.

Он спрашивал: «Ты когда пишешь, придумываешь — что?». «Ничего, кроме правды!», — как на суде отвечал я. Федор не соглашался: «Ну, нет. Без выдумки не обойтись! Хороший факт — только зернышко образа. Разглядеть у него росток, понять, куда он потягнется? Вот в чем соль. Тут — фантазия нужна».

Сам же он был настоящим фантазёром. По крайней мере, таковым его считали односельчане. Я же видел в нем образованного человека. Ну, кто у нас в деревне, да и в школе, мог знать, что секретарем уездного комитета работал писатель Панферов, Шолохов был продармейцем, а Федор Гладков — большевистским редактором?

Лукаhin все это знал. Знал потому, что, как и я, страстно любил литературу, книги. Он часто бывал у отца. Проводил громкие читки художественных произведений. В его интерпретации я впервые познакомился с романом писателя-комиссара Дмитрия Фурманова «Чапаев». Максим Горький говорил об авторе: «О, это будет великий писатель, увидите!». Безумно жаль, что ранняя смерть помешала сбыться этому предсказанию.

В конце 80-х, будучи в гостях у недавно скончавшейся тещи, вдовы фронтовика Веры Андреевны Цыбаковой, проживающей тогда в городе Фурманов, я побывал в музее писателя. Фурманов — бывшее село Середа, что означает середину

пути между Москвой и Нижним Новгородом — родина несостоявшегося гения.

Рассматривая в музее его имени портреты бойцов и командиров легендарной 25-ой Чапаевской дивизии, я невольно вспомнил были-небыли Фёдора Лукахина о Василии Ивановиче, Петьке и Анке. Эти образы обросли домыслами и анекдотами. Убедился, что в художественном фильме не совсем точна была воспроизведена историческая роль ряда героев. Например, Петька служил не ординарцем комдива, а был его заместителем.

Поразило и то, что среди «чапаевцев» было много прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Генерал Панфилов командовал ротой Саратовского полка. Дважды Герой, партизан Ковпак служил в штабе Чапаевской дивизии.

Так судьбе угодно, но Дмитрий Фурманов стал частицей моей собственной судьбы. В 1962-1963 годах мне довелось обучаться на истфаке Ивановского пединститута, который носил его имя.

Поистине, жизнь протянется, всего достанется.

Кроме романа «Чапаев», Фёдор читал нам с отцом и знаменитый роман бывшего бойца Первой Конной Буденного, писателя Николая Островского «Как закалялась сталь». Слушать страстный, сопереживающий голос друга, что мед в его доме пить. Двоякое чувство вызвал у меня тогда эпизод, когда отчаянный Павка Корчагин незаметно подсыпал в поповское тесто горсть едкой махорки. В ту пору воинствующего атеизма данный факт подавался, как доблесьть. Уверен, что нынешний редактор его бы избежал. Сменились эпохи. Орловские писатели и те профанировано взялись за библейские мотивы.

Общение с Федором было не только приятным, но и полезным. Но он, как и я, жил больше не реальными, а книжными идеями. Личная жизнь его сложилась обыденно и прозаично. Где-то в Алтухове он отыскал к 40 годам спутницу жизни. Привел на жительство молодую, веснушчатую девушку Лиду, которая подарит ему наследника. Получая небольшую пенсию по инвалидности, он станет переезжать с места на место в поисках лучшего житья-бытья. Последнее его при-

бежище где-то под Тулой. Одно время поработал учителем биологии в Бориловской средней школе. Педагогом оказался слабым, не требовательным. И ребята звали его, не иначе, как чудаком. Когда он возвращался с работы, то хулиганы, пользуясь темнотой, камни бросали в него. Больше в шутку, чем всерьез. Жестокий мир не принимает открытые, светлые души.

Он песню о Соколе радостно пел,
Сам гордою птицею стать не сумел.
Хоть в Сивкове помнят его до сих пор,
Зовут не иначе — большой фантазер!

Сердце Андрея

*Здоровое сердце,
Не слышно, как бьётся.
Д. Блынский.*

*Андрей Алайкин — сердце золотое.
Шахтер и гармонист.
Душой — поэт.
Когда шагал он тропкой полевою,
Заря, как нимб,
Над ним струила свет.*

Ровесник моего старшего брата и соседа Федора, односельчанин Андрей Алайкин выгодно отличался от обоих своих товарищей. Внешней красотою — его русые, пышные кудри и голубые, как небо глаза были предметом вздохания местных красавиц. Физической силой и сноровкой. Он не раз устанавливал рекорды пахоты и считался лучшим в деревне косарем. Недюжинной памятью, что служило основой его успехов в школе.

Если Лукахин никогда не брался за плуг, косу или вилы. Не стоговал сено, не укладывал скирды. Потому и прослыл

бездельником. Нездоровье односельчане не брали в расчет. Андрей, напротив, пахал и сеял, молотил и скирдовал, как будто на гармони играл, весело и непринужденно.

Если Александр и Фёдор были шумливы и говорливы, как горный ручей, то Андрей удивлял всех своей тихой, ми-норной формой общения. Здоровое сердце, поистине, не слышно, как бьётся. И не стучит кулаком себе в грудь. Ему не надо было доказывать свое превосходство. Оно было налицо. Если его приятели, порою, как зайцы во хмелью, спешили заявить о своих победах, то Андрей, напротив, был всегда скромным и разумным. У него не было опоры в семье, так как рос круглым сиротою — без отца и матери. Безвременno потерял он и своего старшего брата Ивана, офицера-фронтовика.

Иван Алайкин, а это я хорошо помню, вернулся с войны — вся грудь в орденах, но с подорванным здоровьем. Женился на красавице Анюте, что родом из Репнино. Жить да радоваться. Дом кирпичный. Все обустроено. На месте — погреба и сараи. Каждую весною розово цветли яблони в саду. Сирень и черемуха благоухали под окнами. Подвела героя русская традиция — увлечение зеленым змием. На одном из престольных праздников, по осени, он перепил самогону и на наших с Андреем глазах умер. Не вынеся горя и одиночества, молодой и сильный, полный романтических надежд, Андрей покинул деревню и уехал в Донбасс. Там не мало оседало в ту пору моих земляков. В этом я смог убедиться, когда в 70-х побывал в Донецке. На каждом шагу встречался с болховчанами. Случайно ли, что герои труда Стаханов и Изотов — это цвет орловской земли.

Гирлянду славных горных забойщиков и проходчиков пополнил собою и сивковский парень Андрей. Родные корни, однако, не отпускали, звали к себе. Каждое лето, по просьбе репнинских учителей, готовящих выпускной бал, и односельчан, он брал отпуск и возвращался в родные края. Здесь прославленного гармониста — Андрей и являлся подлинно таким — с нетерпением ждала сельская молодежь. Он был их настоящим кумиром, как, впрочем, и моим.

Когда я слушаю песню Желтовского-Красикова «Льняные волосы» в исполнении ансамбля «Акварели», мне кажется

ся, что это все о нем. Хотя волосы у Андрея не льняные, а темно-русые, кудрявые. И глаза не синие, как у героя песни, а светло-голубые. Сходство их — в искусстве влиять своим инструментом, чисто русским, не хитрым, на сердца и души окружающих.

*Талант, как луч, мир озаряет светом.
Он, как родник — и чист, и свеж, и мил.
Его гармони звон будил рассветы
И юные сердца тоской томил.*

Молодой, кудрявый гармонист своей красотою и удалью покорил не одну «девчонку робкую с косой до пояса» своим филигранным искусством.

*Гармошку гладил он по крышке лаковой
И пальцы вскидывал наверняка.
Гармошка старая, смеялась — плакала,
Смеялась — плакала в его руках.*

С ним не то, что «на край села», но и в соседние толпою ходили ребята и девчата, чтобы всю летнюю «воробышку» ночь провести с песнями и частушками на росистом Машковском лугу — моей первой колыбели.

Чудесная ночь. Звонко стрекочут кузнечики. В темной воде речки отражаются янтарно-красные звёзды. Золотится рыжим подсолнухом луна. Дрожат на легкой зыби отсветы костра. Плавно колышутся под легким ветерком кусты приречного лозняка. Дивное очарование теплой июньской ночи дополняет певуче-сладкая мелодия песни:

*Горят костры далёкие,
Луна в реке купается.*

Едва окончится мелодраматичная, трогательно-ласковая песня, как её сменяет уже веселая, задорная частушка:

*У милашки, у моей,
Кудри вьются до бровей.*

*Ухажеров у неё много,
Только мало — трудодней.*

Мы веселились здесь, на зеленом лугу, что под Сапун-горою, из которой бьёт святой родник. Из него брали воду, чтобы обмыть меня, впервые появившегося на свет, 1 июля 1940 года. Где мне, лежащему в копне свежего, душистого сена, Бабка-повитуха обрезала пуповину. Здесь, где моя мама занималась уборкой сена, уже будучи на сносях. В этом живописнейшем уголке природы, на буйном гулянье молодежь, по примеру старших, не забывала о хлебе насущном, о трудоднях. Такова правда жизни.

Симпатичная, статная, «коса до пояса» девушка, дочка зама председателя колхоза Тимохина с грузинским именем Тамара, не уставала петь одну частушку за другую. Она знала их сотни. Так начнет ими сыпать, — только горсти подставляй. Я и «на улицу», и в Щербовский клуб ходил больше для того, чтобы послушать ее песни и частушки. Великолепная исполнительница! Как-то осмелевшись, попросил её записать несколько для меня. Собою я ничего не представлял, но красавица Тамара выполнила, как она выражалась, просьбу корреспондента. Вручила целую общую тетрадь с перлами народного творчества. Жаль, что она, спустя некоторое время, пропала, как и мои рукописи с первыми стихами. С ними — все газетные вырезки. Чему удивляться? В нашей халупе-хатке размером три на четыре метра не было места ни для письменного стола, ни для шкафа. Матушка-спасительница печь занимала пол избы. Собирать, хранить книги и рукописи было не где. Огорчению не было границ. И это то же — святая правда.

*А кто-то неустанно повторял,
Что рукописи, будто, не горят.
На это хитро улыбнулась печь
«Такая у меня работа — жечь!»*

* * *

Андрей, как и Федор, любил «покурить», то есть: побеседовать, пообщаться с моим отцом — признанным деревенским

сказочником. Отец сказку, Андрей в ответ — былину. Федор какой-нибудь анекдот к месту ввернет. И пойдёт соревнование, словно у тургеневских «Певцов». Только те пели. Отец же с друзьями волшебной прозой, как хлебом делился. Как мы отмечали, у Андрея была чудесная память. Не фотографическая, как у Павла Фирсова, моего одноклассника, а крепкая, долгая. Он первым познакомил нас со многими романами Александра Дюма-отца. В том числе — «Граф Монте-Кристо», «Тремя мушкетерами», «Железной маской».

Слушая его зернистую, образную речь, я подумал: «Не сочиняет ли он сам?». Осмелился, спросил. Ответ озадачил: «Нет. Стихов не пишу. Читать люблю. Покажи свои!».

Читал внимательно, с интересом, затем обронил: «В тебе что-то есть. Свежо. Искренне. Пиши. Развивайся. Книг больше читай. По себе знаю. Попадется хорошая книга, увлечешься, и обо всей мерзости жизни забываешь. Книги — это чудо! Прав Горький!».

С Федором Лукахиным мы излазили верхи и рощи, с Андреем, любителем рыбалки, проходили вентерьями пол Машка. Ставили их по ночам на каменистых бродах. Рыба попадалась крупная. Радуясь, мама с горечью говорила: «Андрей — хороший парень. Дурному не научит. Бессовестные люди его добротою пользуются. Заставляют на свадьбах, выпускных балах, на гуляньях ночами играть. Денег не дают. Есть ему за гармошкой некогда. Пить — самогон. Боюсь, как брат, с пути бы не сился! Если б женился, да остепенился. Они с Федором, видно, век в холостяках проходят. За книжками и о девчатах забыли. Те же за ними, особенно, за Андреем — табуном. Еще бы! Красивый, что — принц! А гармонист — лучший во всей округе. Заслушаешься, а то и наплачешься вволю».

Действительно. За сердце берет Андреева музыка. Соловьиная. Я так и стихотворение озаглавил: «Андрей и соловьи».

*Когда идет росистой тропкой
Он у красавиц на виду,
То с первым «ля» его гармошки
Смолкают соловьи в саду.*

*Дивятся серенькие птицы:
«Откуда взялся чародей?»
Возьмет аккорд —
Огонь искрится:
Хоть песню пой,
Хоть — дроби бей!*

*Восток проклонул позолотой.
Пора бы возвестить рассвет,
А гармонист за нотой — ноту,
Да, на него управы нет!*

*И соловьи не устояли.
Андрей, в ответ их до, ля-ля,
Спросил: «Вы рядом ночевали?
А что же вас не слышал я?»*

*Да потому, что он искусней
И разудалых соловьёв:
— Как без Андрея нынче грустно:
Ну, с кем еще мы так споем?*

Права оказалась мама. За любовь к искусству Андрею пришлось дорого заплатить. В очерке «Сердце Андрея», еще так и не опубликованном, я рассказал о том, как зеленый змий подточил золотое сердце талантливого музыканта. Андрея не стало еще в молодом возрасте. Но до сегодняшнего дня не угасает моя благодарная память о нем. Это они с Федором Луканиным окрылили мою юношескую душу, терзаемую сомнениями. Будучи сами творческими людьми, они подарили мне радость общения.

*За то, что вы душу мою окрылили,
Хотя не слагали сонетов венки,
За то, что край Отчий
Всем сердцем любили.
Примите — спасибо! —
Друзья-земляки!*

Огни Лабосыни

*Лабосынь. Луг в цветах.
По долине — огни!
Здесь, в «ночном»,
У костра,
Мы беседы вели.*

Нет ничего более торжественного и романтичного для впечатлительной детской души, чем побывать в «ночном». Посидеть с друзьями у большого костра, разбрызгивающего факелом искры. Высоко-высоко. Прямо в бездонное звездное небо. Любопытно отыскать на небосводе, среди мириады звезд, ковш не только Большой, но и Малой Медведицы. Кроме этих созвездий, мы знали еще местоположение Млечного пути и Полярной звезды, что, непременно, на севере. Кому-то удавалось отыскать Стокары или кольцо Юпитера. Это редко. Зато всем одинаково понятно светила чистая и холодная Луна. В 50-е еще не совершились космические полеты, а потому мы и предполагать не могли, что в недалеком будущем американский астронавт Амстронг первым исследует эту близлежащую, но все-таки загадочную планету. А ранее его, русский парень Юрий Гагарин, окажется, вообще, — наипервейшим покорителем Вселенной. Это сейчас представляется реальным высадка человека, на Марсе или Венера. Тогда Венерою — «вещью в себя», у нас была только самая любимая, в звездочках, пегая лошадь.

Кроме Венеры за ними были закреплены: Гнедая и Буланая, Красавчик и Звездочка, Тальма и Серый. А распределял коней между мальчишками-коноводами наш верховный наездник и предводитель, колхозный конюх, мой однофамилец, а может и дальний родственник Козин Иван Степанович. Сам он разъезжал на горячем, красном жеребце по имени Пламя. Придет время, когда я напишу одноименный рассказ и посвящу его ветерану Великой Отечественной, кавалеристу армии генерала Белова, нашему любимому конюху и его своимравному, но удивительно красивому, отлично им вышколенному жеребцу. Он являлся гордостью хозяина, был племенным. Иван

Степанович же занимался селекционной работой, поставлял для 15-го конезавода выращенных им прекрасных стригунков — молодых коней. За это неоднократно награждался Дипломами и денежными премиями. В его доме стопками лежали журналы по коневодству. Под влиянием отца старшая дочь коневода, Мария Ивановна, окончит ветеринарную академию. Она продолжит его эксперименты уже на базе Репнинского колхоза, где станет заведовать ветеринарным пунктом.

Поистине, были люди в наше время! И, кто сказал, что колхозники — сплошь пьяницы и лежебоки. И живут, дескать, одним днем, без перспективы. Не знаю, где как, но в нашей артели, что не мужик, то личность!

Александр Новиков — первый радиост. Однорукий бригадир, фронтовик Федор Гришин — первый косарь. Василий Архипов — первоклассный мастер плотницкого дела. Григорий Ефимов — отличный охотник-зверолов. Ему я посвятил рассказ «Петля». Дед Арсен — непревзойденный умелец-каменщик. Учитель Яшин — искусный садовод. Дмитрий Иванович Козин, мой отец — чудесный специалист по изготовлению корзин и севалок. Илья Кузьмич Гришин — превосходный кузнец.

Да, что мужчины, если были героями женщины. Настя Гришина, например, превратила в ручного огромного быка — производителя, а её тезка, Настя Гапонова, ухажерка моего брата, не сходила с районной Доски почёта, как животновод-селекционер.

Об Иване Степановиче Козине, нашем кумире, ходили легенды. Во время боя боевому кавалеристу отрубили шашкой большой палец правой руки. А он и четырьмя пальцами так искусно шил хомута, чинил седла, так налаживал телеги, что на болховском базаре, по лоснящимся, откормленным коням и ухоженному транспорту, по конской сбруе, сразу определяли, что это — чкаловцы! Вот с таким человеком, добрым, трудолюбивым и мудрым, мы в летнюю пору каникул бывали в «ночном».

* * *

В течение всей темени у родниковых логов — Камня и Лусопшка, не погасало пламя детской радости. Ведь костер не только согревал, веселил наши, полные романтических грёз, души, но и отводил от нас суеверный страх перед хищными волками. Об их охоте на коней, когда они удерживают бегущую лошадь за хвост, а, затем, резко отпуская, хватают падающее животное за горло, мы узнали от Ивана Степановича. Все взрослые звали его по имени, отчеству, мы чаще всего просто — дядя Ваня.

С ним мы ничего не боялись. Мы верили в его защиту. Ведь не зря по праздникам мы видели на его пиджаке боевые награды, что даются, а мы это знали, за мужество и храбрость.

Это ребятам с тургеневского «Бежина луга» было боязливо одним. Вот они и дрожали перед водяными и лешими. У нас они будто тоже водились. Русалки — в буках Лабосыни, а деды-лесовики и лешие — в перелесках. Но, что нам до них, когда сам дядя Ваня смеётся над призрачными страхами. Волки действительно, порою, пробегали по верхам. Я сам их видел в Жарновском логу, когда поздно возвращался из Щербовского клуба. Но их стая из пяти-шести особей так стремительно промчалось вдоль опушки леса, что я испугаться не успел. Когда же пришел страх, волки уже скрылись под покровом ночи. На Лабосынском лугу бог миловал встречаться с «серыми хищниками».

В благодарность за науку верховой езды, за внимание к нам, бедным и обойденным заботой страны, но мечтающим о доблести и славе, мальчишкам, я посвятил добруму дяде Ване эти строки:

*Он конюх-селекционер!
Такую выходил породу,
Что ставили его в пример —
Ученые конезавода.*

*Всех ребятишек обучил
С конями смело обращаться,*

*Чтоб каждый мог по мере сил
В седле уверенно держаться.*

*Не просто по полю скакать:
Аллюром или тихой рысью,
А, чтоб умели запрягать,
Телегой править и пахать,
А в трудный час и приласкать,
Угадывать животных мысли.*

*Когда коней он собирал,
Чтобы отправиться в ночное,
Мальчишка каждый умолял,
Чтоб конюх взял его с собою.*

К слову заметить, не всегда наши соревнования мчаться наперегонки — кто быстрее! — заканчивались благополучно. Однажды Иван Новиков, тринадцатилетний подросток, упал с коня. И, разгоряченный быстрым бегом, конь Буланый наступил кованым копытом на ногу смельчака-наездника у самого паха. Как мы шутили, едва без наследства не оставил. Дядя Ваня смазал ему рану креолином. Выздоровел Иван и в шахтеры вышел. Приехал я как-то в деревню, узнаю, что умер Иван Степанович. Грустно стало.

*Нет конюха. И нет коней!
Как нет телег, плугов и сошек.
На малой родине моей
Остались — память и Лусошек.*

* * *

Бывая на Лабосыни, я взбираюсь на холм, оглядываюсь окрест и невольно вспоминаю откровения тургеневского Касьяна: «Там у нас, на Красивой-то на Мечи, взойдешь ты на холм — и, господи боже мой, что это? И река-то, и луга, и лес, церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. Вот как далеко видно. Смотришь, смотришь, ах ты право!».

Встрепенется сердце. Так это же устами Касьяна пращу-

ры о моей земле рассказывают. И чему удивляться? Бугры-то, что на Красивой Мече, что над Лабосынью — те же!

Особенно хорошо у нас бывает весной. В сердце так дрожит песня Михаила Исаковского «Катюша», что невольно хочется быть созвучным словам поэта:

«Расцветали яблони и груши» —
Эти строки знаем с детских лет,
Только ныне
Больше входит в душу,
Не «Катюша», —
Яблоневый свет!

Тут я имею в виду, что ныне более популярна песня Юрия Мартынова «Яблони в цвету» — какое чудо! Действительно, цветущий сад — это незабываемое, радостное зрелище. Но и поэзия Исаковского изумительна:

И такой на небе месяц,
Хоть иголки собирай.

Как удивительно редкостно! Все чувствуют, а сказать об этом так проникновенно дано только ему. Или, как это Пушкину, его — очей очарованье.

Если у нас не было яблоневого сада, а позже мать обзаведется «Новиковским», то за хатою росли десятки вишен впремежку со сливыми. Цветение их весною не менее упоительно, чем яблоневое, или «в России вечера». Прибежишь на зорьке к деревцам, а они росно-свежие, ароматные. Изучали мы в школе стихотворение Исаковского «Вишня», где рассказывалось о желании старика посадить у дороги, на радость людям, вишню:

Путники в тени её прилягут,
Отдохнут в прохладе, тишине,
И отведав сочных, спелых ягод,
Может, статься, вспомнят обо мне.

Такая у него была мечта. Отзывчивое детское сердце подсказывало, что и я могу сделать «добро». Не мешкая, взял во

дворе лопату и вырыл в зарослях три вишни. И посадил деревца вдоль огородной межи. Пришла с работы мама. Заглянула в огород, чтобы зеленого лучка сорвать. Увидела творение рук моих и ахнула: «Что же ты, прилик тебя возьми, наделал?! Итак, когда пашешь, с лошадью не развернешься, Софья соседка, сколько уже раз за искривленную межу отчитывала! А ты, чертенок, надумал диких вишен натыкать!».

— Петя же хотел, как лучше, — заступился все понимающий отец, — их в школе учат деревья любить. Вон сколько они всего понасадили: у Лукича целый сад развели, ёлки на Щербовском погосте, лесополосы на полях. Все их работа!

— Митька, хоть, ты-то не встревай! — рассердилась не на шутку мать. — Знать, забыл, с чего мы кормимся? А-а? То-то и оно! Не с колхозных лесопосадок, а с родного огорода. Не зачем его, чем зря захламливать!

— Вишня — не хлам! — обиделся я, — сам поэт Исаковский призывает их сажать.

Но лучше бы я молчал. Мама в гневе бросилась к деревцам. С корнями выдернула их и бросила, насколько было сил, за плетень. Продолжала отчитывать:

— Вот до чего книжки доводят. Зачитались оба с отцом. Жизни не понимаете. Заучились! — это звучало почти по-Фамусову: «Ученье — вот чума! Ученость — вот причина!».

Мне было так горько за неудавшееся «добро», за погубленные деревца и не осуществленную мечту, что я заплакал. Прошли годы, а былое началось сызнова. Только в образе обидчицы оказалась, в этот раз, горячо любимая матерью младшая невестка — моя жена Валентина Алексеевна.

На нашей пригородной даче, что у Андиабужского леса, цвели вишни. Все бы, как блин по маслу, да глина подвела. Вишням, ставшим уже большими, не стало хватать питательных веществ. Они засохли. Супруга моя не долго терпела, — вырыла их. Которые деревца не удалось взять лопатой, срубила топором. Когда весной появились молодые побеги, я, как в детстве, взял и рассадил их вдоль забора. Увидев такое самоуправство, жена не на шутку осерчала и безжалостно, как некогда мать, выдернула их с корнями. «Что ты мелочишься, — упрекнула она меня, — не у нас одних, у всех соседей посок-

ли. Глина проклятая! Здесь, кроме картошки, и сажать-то ничего нельзя».

Соглашаясь со своей половиной умом, я не мог совладать со своим сердцем. Ведь вишни для меня — не меньшая радость, чем моё детство. Вот почему стихами «Свет Лабосыни» я попытаюсь взять реванш и уравновесить очарованье яблонями, любовью к вишням:

*Заглянув весеннею порою
В милые отцовские края,
Залюбуюсь, стоя над горою,
Речкой в бело-розовых огнях!*

*Жаворонок в поднебесной сини
Звонкой песней славит красоту:
Это ж чудо!
По над Лабосынью —
Яблони купаются «в цвету».*

*Их медовый аромат неслышно
Проникает в хаты и дворы.
Яблони в цвету, а рядом вишни
Зажигают белые костры.*

*И теплом повеяло от детства.
Я прошу: «Ты, помни, Лабосынь!
Без огней твоих, мне как без сердца.
Обограй меня, ведь я — твой сын!».*

Лабосынь, как солнце, что сначала ослепляет, а потом глаза неожиданно прозревают. Увидев её во всем блеске, я уже не в силах обладать единолично своею радостью и спешу поделиться ею с любимыми внуками — Максимкой и Настей, наследниками отчей красоты.

Лабосынь, с её неповторимыми рощами, родниками и перелесками — неиссякаемый источник моего вдохновения. Примерно такой же, как для Расула Гамзатова — Дагестан. Поэт писал: «Моя тема — Родина. Мне не надо её искать и выби-

рать. Мы не выбираем себе Родину, но Родина с самого начала выбрала нас. Не может быть Орла без неба, горного Тура без скалы, форели без быстрой и чистой реки, самолета без аэродрома. Так не может быть писателя без Родины».

Хорошо сказал аварец Расул. Сказал, что печать поставил!

* * *

На этом мы и завершим главу «Истоки вдохновения», хотя всех тем, что могут вдохновлять поэта, перечислить невозможно, как невозможно познать мир во всех его бесконечных проявлениях. Природа, поистине, торовата, как и сама жизнь.

КНИГИ И ЖИЗНЬ

«Нельзя человеку отказывать в двух вещах — в хлебе и в книге».

«Познание — инстинкт, такой же, как любовь и голод».

Максим Горький.

«Как серебряно звучит книга, — писал Горький писателю Алексею Толстому, прочтя его роман «Петр Первый», — какое изумительное обилие тонких, мудрых деталей и ни единой лишней! Восхищаюсь, — завидую!».

Такое же, или подобное ему, чувство испытываю и я при встрече с интересной книгой. Каждая из них — волшебный кладезь. Проникнуть в его святая святых дано не каждому. Очень талантлив мой друг Павел Фирсов, но книги он проглатывает кусками, не разжевав, не ощутив их вкуса, красок сюжетов, светлых образов, музыки слов.

Для юношей, как я убедился, те книги имеют ценность, которые полны приключений, динамики действий, захватывающих сюжетов. Их горячие головы и души будоражит океан страстей. Чтоб все было мощно, круто, смело. Чтобы, как у Горького — аж дух захватывало: «Безумству, храбрых — поем мы песню!». Или — «О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью. Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!».

Поступок

«Не думай о мгновениях свысока...»

P. Рождественский.

*Порой метель кружится много суток,
Но, стихнет лишь, — забудут говорить.
Бывает,
Что единственный поступок,
В спираль всю жизнь
Способен закрутить!*

Отважным Соколом мне представляется образ друга студенческих лет, Александра Борисова. Красивый, как греческий бог, шатен с аквамариновыми, как море, глазами, он разбил не одно сердце юных прелестниц. Его отец, Михаил Ильич, настройщик роялей в Ростове, родом из старинного города Новосиль, родины бесстрашного Сергея Тюленина. Скромный и тихий, в неизменных очках, он и представить не мог, что таким смелым, как его земляк, окажется и сын Александр.

Старшему поколению памятны пражские события 1968. Командир танка, двадцатилетний старший сержант Александр Борисов едет на своем железном коне по улице «революционной» Праги. Чтобы остановить машину пражане кладут перед гусеницами танка спеленатого младенца. У водителя срабатывает естественная реакция сострадания. Он останавливается. Башенный стрелок открывает верхний люк, пытается выбраться из машины, чтобы убрать от гусениц ребенка. В это время из окна многоэтажного здания раздается автоматный выстрел. Стрелок сваливается обратно в люк, но уже мертвым. Обрызганный кровью погибшего товарища, командир принимает решение. Жерло пушки разворачивается в сторону зафиксированного им окна. Ответный орудийный выстрел заставил содрогнуться и тех, кто был в доме, и тех, кто маршировал в колоннах по улице злато – Праги.

*Помнит Прага Александра
И те дни,*

*Когда гибли парни в форме,
Без вины.
Его выстрел! —
Будут помнить долго здесь —
За державу! За товарища!
За — честь!*

За такое действие, а на войне, как на войне, старший сержант Борисов был разжалован в рядовые и помещен, по обычаям режима эпохи Брежнева, в психиатрическую больницу.

Летом 1969 я оказался близ Туапсе, на Черноморском побережье, где он проходил врачебную реабилитацию. Потребовалось время, чтобы Александр окончательно избавился от давящих кошмаров случившегося с ним психологического срыва.

Квалифицированный инженер, сегодня он, по его же выражению, осваивает профессию охранника господского добра и по прежнему борется с «ветряными мельницами».

Прислав мне поздравления с начавшимся 1996 годом от Дона батюшки и друзей-выпускников Ростовского госуниверситета, который я окончил в 1968 году, он настаивает на моем к нему визите. Неугомонный романтик и путешественник, Александр Борисов сообщил о своем морском походе в прошедшем году на ладью «Надежда». А таких походов числится за ним не мало.

По своему интеллекту, жизнелюбию, вдохновенному патриотизму, жажде добра и справедливости, он напоминает сегодня моего давнего друга Сергея Ивановича Шмелева, сына героя-фронтовика. Они оба — инженеры и реальные путешественники. С той лишь разницей, что Александр Михайлович, будучи поклонником «Морского волка» Джека Лондона (в далеком, 1964 году, я впервые познакомился с 16-летним Александром, застав его дома за чтением именно этой книги), покоряет просторы вод с морским биноклем в руках. А кандидат в мастера спорта по горному туризму Сергей с рюкзаком за плечами штурмует вершины Памира и Кавказских гор. Оба — Сергей, отдавший свое сердце туристке Людмиле, и Александр, женатый на красавице-киевлянке Ольге, моложе меня. Воз-

раст, однако, не помеха для дружбы, родственных по духу и мышлению земляков.

* * *

В 50-е мы полагали, что Буревестник, Сокол, Данко — это герои, коих нужно было взять за образец. Но они казались нам — не реальными, аллегорическими. Не то, что отважный Том Сойер и хитроумный Гекльберри Фин, «Принц и нищий» Марка Твена. Сметливый «Джон Ячменное зерно» и честный «Робин» Роберта Бернса. Никого не оставили равнодушными «Ромео и Джульетта», «Гамлет» и «Отелло» великого Шекспира.

«Орлеанская девственница» Вольтера, «Орлеанская дева» Шиллера, «Жан Кристоф» Роллана, «Госпожа Бовари» Флобера, «Пан Тадеуш» Мицкевича могут не спешить оказаться в портфеле. Они подождут своей очереди и будут прочитаны позже, как: «Гобсек» и «Тридцатилетняя женщина» де Бальзака. Юности подавай романтику! И мы зачитывались «15-летним капитаном», «Вокруг света за 80 дней» Жюля Верна, «Приключениями Оливера Твиста» и Дэвидом Копперфильдом» Чарльза Диккенса.

Прочтя «Дэвида Копперфильда», я впервые взялся за карандаш. Перерисовал в тетрадь книжные иллюстрации. Литератор Севастьянова с улыбкою богини рассмотрела их, одобрила и посоветовала: «Рисуй. Старайся. Но знай, что Пушкин, Лермонтов, Тургенев и другие писатели проектировали на бумагу образы собственных героев. Ты же просто срисовываешь. Будь оригинальным. Изобрети сюжет. Найди своего героя. Верю, — у тебя получится!».

«Ах! Какая же она умная, эта Анна Андреевна, — про себя похвалил я любимую учительницу, — но того не понимает, что и срисовывать-то не просто — в полуночника превратился. Все мучился, краски подбирал. Своих героев у меня еще не было».

«Дон Жуан» и «Тартюф» кудрявого красавца Мольера плохо воспринимались. «Фауст» и «Страдания молодого Вертера» мудро-строгого Гете, «Собор Парижской Богоматери» и «Отверженные» сурово-мрачного Гюго пока еще не затронули

струны моего сердца, хотя я и прочел их книги. «Нет, иностранная литература не по мне, — решил я, — другая эпоха, чужие традиции и мораль. Мысление, язык — все не русское. Однако, удивительно, что такие чужеземцы, как Омар Хайям со своими «Рубаи» и Мухтар Ауэзов, автор «Абая» оказались понятнее. То ли потому, что Восток ближе Европы, а может по причине того, что мы евразийцы. Но, скорее всего потому, что восточные авторы писали о понятных вещах — голоде и нищете. И что, несмотря на бедность, герои-поэты находили в себе силы бороться с несправедливостью. Это подкупало. Я помнил слова Горького, что человека создает его сопротивление окружающей среде.

Поэт и бедность

*Бедность — не порок.
(Пословица)*

Непреложна истина: бытие определяет сознание. Это подтверждает и сам властитель мудрости Омар Хайям:

*«Богатством, — слова нет, — не заменить ума,
Но неимущему и рай земной — тюрьма.
Фиалка нищая склоняет лик, а роза
Смеется: золотом полна ее сума.*

Честный, но холодный человек способен на безрассудные поступки. «Иногда я, — вспоминал Горький, — не находя работы, добывал кусок хлеба, нарушая священный принцип мещанства — принцип собственности: выкапывал картофель на полях, овощи в огородах, питался горохом, случалось свернуть голову курице». Спасли юношу от скользкого преступного пути хорошие книги, которые возбуждали стремление к интересной и содержательной жизни. И хорошие люди, которых он знал.

Бедность унижает, давит. В свою очередь непосильный, каторжный труд моряка, рабочего, крестьянина превращается в рабство. Одурманивает. Отупляет человека. «Будучи выручным животным, светлых высот не достигнешь никогда!», — с болью в сердце говорил, сам на себе испытавший всю мерзость подневольного труда, Джек Лондон.

Бедняк не сможет стать писателем. В этом я, прочтя сотни умных книг, был уверен. Единичные случаи, это, когда «дождинка еще не дождь, а одна снежинка — ещё не снег». Обратимся к литературе XVIII-XIX веков. Отыщем ли мы в ней писателей, вышедших из нищеты? Нет и нет. Налицо — синдром Маугли. Если до 4-х лет, когда ребенок набирается впечатлений, его глаза застланы слезами отчаяния от невнимания и недоедания, то из него уже никогда не вырастет интеллектуальная личность. Проверено жизнью и судьбой детей пьяниц или просто забитых и нищих.

*Цветок не может вырасти без света,
Без рыхлой почвы, влаги дождевой,
Как и не может нищий стать поэтом,
Коль от рожденья тащится — с сумой!*

Это — мои стихи, моё кредо! Кто-то усомнится: «А Михаил Ломоносов, Иван Никитин, Алексей Кольцов, Сергей Есенин? Все они из народа вышли!».

Крылатое: «Вышли мы все из народа» уже в 60-е годы осмысливалось фразой: «Как нам вернуться в него?!».

Народ — толпа, масса. Явление аморфное, безликовое. Мы же говорим — о писателях. Никто, из ранее названных поэтов, не был паупером. Вот доказательство.

Иван Савич Никитин, хотя и писал: «Бедная молодость, дни невеселые, сердцу тяжелые», сам приходится сыном торговца. Прасолом — продавцом скота, был и отец Алексея Васильевича Кольцова. У владельца морского судна, отче Ломоносова — рыбная, а у отца Есенина — мясная, были лавки в Москве. Какие они бедняки?!

Устами актера Сергея Безрукова, Сергей Есенин, в одноименном фильме не раз-два, а постоянно взрывался, когда его

называли крестьянским поэтом. Оставим дань патриотизму в стороне. Он, ожесточась, заявлял: «Я — русский, а не крестьянский поэт». Словно забыл, что писал: «У меня отец — крестьянин, да и я — крестьянский сын!». Понятие «крестьянин» — относительное. Хорь, герой Тургенева — даже крепостной крестьянин. Но по материальному положению напоминал сельского буржуа. То же сопоставимо и с родителем великого поэта. Хотя Есенин — мой бог и кумир, но истина дороже. Бедность не равнозначна. Есть бедный помещик или крестьянин, а есть просто — раб.

Малинка

*Моё детство хрупкою лозинкой
Гнулось под холодным ветерком.
Нас поила черная Малинка,
Словно сахар, белым молоком.*

В нашем полусгнившем плетневом дворике, среди едкожидкого навоза, под полураздетой соломенной крышей стояла черная, как смоль, но почему-то имеющая яркую кличку «Малинка», худая корова. Куплена она была теленочком на деньги, вырученные матерью после продажи ручных часов, бритвы, иголок и мыла, что присыпал в посылках из Германии, где проходил воинскую службу, брат Александр. На то, что не удалось конфисковать налоговым сборщикам за непонятные «пенья» — долги.

Малинка была радостью в доме, хотя молока давала на уровне козы: пять-шесть литров в день. «Зачем нам такую малопродуктивную держать? — спрашивала маму, — только напрасно корм переводить». «А на какие же барыши я другую, породистую куплю? — отвечала она, — если в дырявом кармане лишь один ветер гуляет». Сама при этом как бы сжалась в комок. Видимо, от пережитого унижения безысходной нищетою. Затем вновь повторила рассказ, как сыновы посып-

ки прямо на почте за недоимки отбирали. А с тою посылкою ей повезло, — не тронули. Как «цыганка», Малинка из теленочка выходила на травке, хаботье и свекле в корову. Правда, маловато-то молочка даёт, а все лучше, чем ничего. Часть в колхоз на поставки сдаст, а часть похлебку забелить нам с отцом оставит. Чаще всего в доме обратом обходится. Что мы не попьем, то поросятам достанется.

Такова грустная история о Малинке. Уже, когда я буду служить в армии, мама купит другую кормилицу. Но детская память цепко держится за эту черную или, как говорила мама, мышастую корову.

*Вот тревожно сердце замирает,
Гулко бьётся жилка у виска —
О тебе я, мама, вспоминаю,
О твоих заботливых руках.
Что меня поили полной кринкой
Пенообразной влагою густой,
Молоком от нашей
От Малинки,
Что была нам матерью —
Второй!*

Корова в деревне, поистине, вторая мать — поилица и кормилица. На ней все хозяйство держится. Не только взрослые и дети. Также — телята и поросята, ягнята и котята. Без коровы у селян пропадает стимул к жизни, как это случилось сегодня с моей сестрою Антониной Ивановной Бондаревой. Продала она свою красавицу-буренку на Дольцы летом 2005, и сама задумалась о переезде на жительство к детям в город.

Корова, как живой корень, выдернешь, подорвешь весть куст крестьянского хозяйства. Ведь не только худо без молока, но и без коровьего навоза задохнется лишенный полезных витаминов и соков огород. Не даст урожая. Сорняком зарастет.

Кони и власть

*К себе меня манили кони с детства.
«Но почему? — я размышлял всерьёз,
Мне не дано владеть,
Хоть по наследству,
Конём,
Как этот — умный Карагёз?!».*

Когда я прочел «Героя нашего времени» Лермонтова, то места себе не находил. Меня мало трогал самовлюбленный Печорин, не волновали красавицы-княжны, а вот образ лихого и, главное, умного коня с романтическим именем — Карагёз, надолго врезался в память. Мне хотелось иметь такого же быстрого, смелого и преданного хозяину. Мечты, мечты, где ваша сладость?!

В детских грёзах я видел рядом с собою маленького жеребёночка, которого кормлю, лелею, холю. Проходит время и он вырастает в настоящего Сивку-Бурку. Как я завидовал, прочитав «Тихий Дон» Шолохова, его отважному георгиевскому кавалеру Григорию Мелехову, который при всех регалиях, с лихой шашкой в руках мчался на полнокровном коне по степям вольного Дона! Но на то он и казак! Не нашим хозяевам жизни — чета!

В чём распоряжении были у нас кони? У секретарей райкома и председателей райисполкома. У председателей сельского совета и колхоза. У военкомов, ветеринаров и лесников. При необходимости ими пользовались агрономы, зоотехники и бригадиры. В общем, у местных патрициев. Плебеи-крестьяне, вроде моего отца, никакого вида транспорта, кроме инвалидной коляски, не имели. Велосипед — редкость. А когда шахтер Стрюков из Ушаково привозил в школу на горбатом «Запорожце» свою симпатичную дочь, позже ставшую комсомольской чиновницей, то это было сенсацией. Все мальчишки сбегались любоваться чудо-автомобилем.

Мне не до железного коня. Иметь бы, хотя свою трудовую лошадь, чтобы на ней пахать свой огород, когда это нужно. За

колхозной «гнедой» в очереди настоишься, пока получишь. А доведется заполучить коня, так стараемся его подкормить, что хлеба не жалеем.

Никто мне в детстве не объяснил, — почему нельзя иметь лошадь? Нечем кормить? Так я бы для неё все верхи облазил, — травки на зиму бы заготовил. Овсяной соломки, за отсутствием овса, с поля натаскал бы.

Наивность светлая души! Попробуй, сорви травки без спросу? Заверни за хаботьем в поле? Сразу узнаешь, как крепка советская власть! Аннинского мужика Илью Харитонова за картуз конопли, нашмыганной на коноплянике, в тюрьму на 3 года законопатили. На престольном празднике в Сивково, на оседланном коне появился милиционер. Зачем он тут? Оказывается, приехал Илью арестовывать. Он с нашими мужиками хоровод водил. Слез с коня милиционер, огляделся, а Илюшин и след простыл. Завидев беду, он, прячясь за спины гуляющих, низиной, по Лабосынскому мелколесью пустился наутек в родовое Аннино. До нее от Сивкова полторы версты всего. Но разве где скроешься от нашей родимой власти. Тут и магнит земной не поможет. Нашли беднягу. Скрутили. Увезли на скрипучих дорогах в Болхов. От сумы да тюрьмы, известно, не зарекайся. А я лошадкой задумал владеть. Тоже Илья Муромец! Вон, Илья Харитонов, на что крепкий и здоровый и тот не богатырем, а скорее, зайцем, оказался. Ну, чтобы ему не сразиться с худеньким, невзрачного вида, милиционером? Не то, что богатырской палицей, его и лозиною можно было перешить. Схватка не состоялась. Погоны старшины, пистолет в кобуре, из которого он стрелял по убегающему правонарушителю, позволяли ему чувствовать себя Бергамотом из рассказа Леонида Андреева. После этого случая, ни в чем неповинная дочь Ильи, отличница Маша, померкла в моих глазах. Это ложь, что дети за родителей не отвечают. Еще Фамусов сказал: «У нас так исстари ведется, что по отцу и сыну — честь». В данном случае — дочери.

*Бежал Илья от милиционера,
Над ним смеялся даже воробей,
Что коноплю клевал на поле смело
И не порхал напрасно, как плебей.*

Став студентом, я понял, что лошадь для крестьянина, как трактор и комбайн для фермера — суть независимости от власти. Ей же, любой, советской или демократической, нужны рабы. Раб же не человек вовсе, еще в древней истории отмечалось, а говорящие орудия. И живет он, больше повинуясь животному инстинкту, чем мышлению.

Но такое было в Египте, Греции, Риме. У нас же были провозглашены — равенство и свобода. Оно так и есть: равенство в нищете (на это ума много не надо) и свобода от всякой собственности. У каждой птицы имеется свое гнездо, у каждого зверя — своя нора, у каждого Орла — своя скала. Наших же современников до сего дня продолжают селить по общежитиям и коммунаркам.

Коням в конюшнях живется сытнее и вольготнее. Не зря я любил заходить сюда, чтобы полюбоваться их красивыми, умымыми головами. Погладить по загривку и стукнуть по холке. Мне нравилось их кормить из рук. Губы у них мягкие и прохладные. Глаза добрые и все понимающие. Так и хочется воскланять: «Где ж вы, кони мои кони, кони резвые мои!».

Житье-бытье

*Говорила баба-побируха:
«Ты мне, Поля, молочка налей,
Без него мое мутится брюхо
От пустой похлебки и от щей!».*

Как унизительно — бесправие и нищета. В детстве мне было стыдно дружить с ребятами, которые жили справнее нас. С теми же — Мишкою Гришиным или Василием Ефимовым. Дома у них добротные, каменные. Дворы у них — дубовые и тесовые. Крыши — под железом и шифером.

Что же у нас? Хатка с сенями — на подпорках. Через прогнивший потолок брат Иван, будучи в гостях по приезду с Дона, провалился, как некогда отец с крыши соседского сарая. Но батя упал на дубы, а Иван, с шумом и грохотом, пры-

мо — на чугуны и ведра, стоявшие посреди избы. Благо низко — легким ушибом отдался. Пару досок, чтобы дыру в потолке заделать, еле-еле у соседа-плотника Василия Архипова за бутылку выпросили. После того случая на потолок боялись лазать. Как бы самим не грохнуться!

Соломенную крышу, считай, каждый год чинили. Я сам научился ее снопами править. И все потому, что в случае бескормицы, по весне, солому с крыши на корм исхудавшей за зиму Малинке скармливали.

Приезжая на побывку, старший брат Александр горько шутил: «Не жизнь у Вас, а житуха! Поедем ко мне в Серпухов, хоть пшеничного хлеба вдоволь поедите». Мать встрепенется: «Как же корень бросать? Уж как-нибудь с отцом думчаемся и в Ёлки сыграем. Жили бы вы хорошо!».

Осознавая это, можно ли было стать поэтом? Мудрый сын Дагестана Расул Гамзатов по этому поводу сказал: «Не тот песню поёт, кто арбу тянет, а тот песню поет, кто на арбе сидит!»

Вот и я, напеввшись песен на голодный желудок, возвращаюсь из Репнино домой. Поесть толком, кроме опротивевшей похлебки, ничего нет. Заморишь червячка хлебцем с кислым обраотом и не за книгу, что властно зовёт к себе, а за постылую работу. Поросятам крапива нужна, — иду рвать: горят руки! Печь требует дров, а отец приболел, — отправляюсь рубить сам. Подгнил столб под крышей скотного двора — бегу в лес за новой подпоркой. Окончился хворост для отцовских корзин — тороплюсь за лозняком на Лабосынь.

Наступает долгожданный вечер. На столе — коптилка, от коей в носу, ушах, глазах — черная копоть. Позже её сменит семилинейная лампа: света побольше, а гари — поменьше. Раскладываю перед собою, насколько позволяет место, книги с тетрадями и ручку с чернилами. Выполняю, что и как могу домашние задания. Наконец, открываю любимого «Подпаска» — первую часть трилогии Петра Замойского. Обо всём забываю. Читаю. Сопереживаю. Плачу.

Матери не спится. У неё кружится голова от «чада» — отец, по обыкновению, нещадно смолил самосад. Сижу, словно сурок, тихо. Боюсь пошевелиться. Уж больно интересно

обо всем мой тезка пишет. И про бедных крестьян, как мы. И про злыдней-богачей, как наш Никита Бугаев — кладовщик и хапуга, и про попов, лицемерных святоши. Больше всего притягивает к книге — судьба самого подпаска Пети. Как он голодным и оборванным, подобно мне, коров пас, как в школу ходил и, наконец, как сам стал стихи-басни сочинять. А это мои сочувственные стихи о нем:

*Как тяжело полгода быть подпаском,
Стеречь коров под проливным дождем.
Родителями не был ты обласкан.
Одной мечтой твой освещался дом.*

Незаметно летит время. Лампа все коптит и коптит. С печи раздается обеспокоенный голос матери: «Митька! Встань, посмотри, что там Петя читает? Опять, наверное, библиотечную книжку. Вон, как носом уткнулся, — не оторвешь. Уроки он так не делает, все кувырком. Зря, что ли репнинские учителья жалуются! Раз-два полистает, попишет и в сумку. Митька, глянь, не поленись!».

Отцу не хочется выползать из своего «Кремля», — так он называл угол между стеной и печью, где ему была из палок и горбылей устроена постель, крытая попонами, старыми клоками одеял и фуфаек, чтобы мягче было спать. На печь он забирался лишь в сильные морозы, ибо такое действие для инвалида — занятие не из легких.

Отец, недовольный, что его потревожили, глухо кашлянув (сигнал для меня, что он встает), мягко пробурчит: «Начинается, так сам ляжет». Мать опять: «Когда ложиться-то? Не слышишь, что ли? Уже первые петухи пропели! И Васьки Бугаева — его горластый, сизый, у Соньки — её рябенький. И наш петушок, краснoperый, тоже хорохорился!».

Диалог прекращает отец. Он строго приказывает: «Петя! Пора спать. Завтра в школу!».

С родителем моим не поспоришь, это не то, что с матерью, которая словом воздействует, с ним не забалуешь. Хворосту возле печной загнетки много. Найдется, коль не подчинюсь, лозина и для меня.

Откладываю в сторону «Подпаска». Решил, — дочитаю дорогой. Возьму в библиотеке другие замойковские — «Молодость» и «Восход». Они продолжают историю жизни моего тезки. Хотел его роман «Лапти» прочесть, да в библиотеках не оказалось.

Вот таково было мое житье-бытие. Удивительно другое. Как бы не бедно мы жили, а мама гордилась, что она имеет свой дом и сама себе голова. Любила, при случае, угостить бабу-побируху Романиху, у которой и гнезда своего не было. Кочевала из одного села в другое. Чаще всего, зная доброту, наведывалась к матери. Она же для неё ни молочка, ни творожку из обрата не пожалеет. Чистым хлебушком угостит. Когда я буду служить в армии, так она, в память о сыне, соберет ребят. Сделает им яичницу с салом и винца нальёт. Потчует и любуется ими, шепча: «И Петя мой такой же смышленый да веселый был. Вот только вина не пил и не курил. Не то, что эти ребята. Воля она тоже губит детей. Господи, как ему там служится — в дальней сторонушке?». Погрустит и поплачет. Она же — мать.

Роковое заблуждение

*Я полагал, живя в глухи
С ружьём и удочкою вместе,
Я, как Тургенев, для души
Начну слагать стихи и песни.*

*Но, оказалось, все не так;
Захаров — не было же рядом!
Диплом не спас,
Я, как батрак,
Чтоб жить, трудился до упаду!*

Моё восхищение Замойским не проходило долго. Он даже не Горький! У Максима Пешкова дед был состоятельным. Петр же — нищий крестьянский сын. Даже я счастливее его, —

сколько лет в школу хожу! Зевалкин всего-то две зимы, а через рабфак, курсы — вышел в писатели. Я же смогу и в Университет поступить, — журналистом стать. Приблизительно так размышлял я, сам того не подозревая, что мой тезка, хотя и круглый бедняк, вроде меня, но голова у него — куда крепче моей. Он, например, в юности понимал больше в реальной жизни, чем я. Прекрасно разбирался в классовой сущности предмета. Для него Толстой и Тургенев не просто писатели, а, прежде всего, — богатые помещики, господа. Они не беспокоились, подобно нам, о хлебе наущном.

В 1852 году Тургенев жил в имении — Спасском. Он составлял для своей французской любовницы, Полины Виардо, дневниковый отчет. Ему был предложен чудесный заголовок: «Пишется хорошо, только живя в русской деревне». Вот и сам дневник. Тургенев пишет: «Чем я заполняю день? Встаю в 8 часов. Завтракаю до 9-ти. Затем гуляю около часа. С 10 до двух читаю или пишу письма. В два часа бутерброд и снова небольшая прогулка. Потом работаю до половины пятого. Обед в 5 часов в доме с семейством Тютчевых. Провожу с ними время до 10 часов. Читаю до 11-ти. Потом ложусь и тотчас засыпаю».

И так изо дня в день. Такую жизнь писатель называл работой. На творчество у него уходило 4-5 часов. Что это дело трудное, стало понятно лишь теперь, когда я пишу эти строчки. Прежде это было увлечением, сопоставимым с баухальством. Если бы, сочиняя заметки в газеты, я обмолвился, что работаю, — меня просто бы осмеяли.

В отличие от нас с Замойским, Тургенев не пахал, не сеял, не косил, не молотил. Не пас скот, не копал лопатою огород, не строил дома и дворы. Не заготавливал дрова и сено на зиму. Если такой необходимой работы Иван Сергеевич не выполнял, то кто же за него это делал? Этим занимались его многочисленные «Захары». За ним числились 3 тысячи душ.

Странно, но как долго я этого не понимал. Ни в школе, ни в армии, ни в университете. Хотя работал и учился. Директор гипсового завода, где я трудился мастером смены, поставив на учет, официально пообещал, что через год я получу квартиру. В ответ я заявил, что она мне не нужна, так как я

собираюсь после Университета ехать в деревню. Там буду жить и работать учителем. Я считал своим долгом обеспечить матери достойную старость.

Моя святая наивность граничила с обыденной глупостью. Это я осознал позже. А пока я мечтал о работе в сельской глуши, поблизости от реки и леса. И, как Тургенев, стануходить с ружьем и собакою на охоту. Или, как знаменитый «Багров внук», автор записок об ужении рыбы Сергей Аксаков с удочкою в руках буду посиживать над омуточками. Буду добывать себе на ушицу серебристых плотвичек с полосатыми окуньками.

Попутно давать ребятам в школе уроки. Писать стихи и статьи в газету. Настоящая программа действий для русского интеллигента. Я бы добавил — для наивного мечтателя, запутавшегося в трех соснах.

Разочарование пришло сразу, как родилась дочь. Директорство в школе. Хлопоты по дому. Общественно-колхозные заботы. Возня в огороде. Плюс к тому — помощь матери. Одна заготовка сена выматывала — косьба, просушка, копнение, перевозка за 30 верст. Ездил же я к маме не в Тургеневской карете и даже не на мотоцикле, как это делал Михаил Гришин, ковбойским способом, ловко совершивший рейсы по маршруту «Орел — Сивково». Его ИЖ — подарок Яшина, его отчима. Моим уделом стал мопед.

Бедная мама выговаривала мне:

*Ведь надо мной потешатся соседи:
«Мол, Петя твой, — директор али нет?!
Мужчина видный! 28 лет,
А все юнцом гоняет на мопеде.
Посмотришь в Болхове,
Все там директора —
На настоящих бариньёв похожи!
Да и тебе, мой сын, давно пора
Приобрести хотя бы «Запорожец».*

Упрек принимаю без обид. Но, что поделать, если даже на мотоцикл моей директорской зарплаты не хватало. Когда

же мама узнала, что «Запорожец» стоит 6 таких, как её новая, более продуктивная, корова по имени Милка, то сама же отбросила идею приобретения автомобиля.

Действительно, детство у меня затянулось до 30 лет. Прав Гамзатов, когда писал:

*Вершина далекая кажется близкою.
С подножья посмотришь — рукою подать.
Но снегом глубоким, тропой каменистою
Идешь и идешь, а конца не видать.*

Наши с Замойским тропы оказались каменистыми. Но, если он все же сумел достичь «сияющих вершин» и стал знаменитым писателем, то мне они оказались не подвластны. Я застрял где-то на половине пути.

Обаяние словом

*Я не был в море, не бродил по дюнам
И на Алтай не завела судьба.
Но был, как он —
Мечтателем безумным.
И к цели общей нас вела —
Борьба!*

Творчество латышского писателя Вилиса Лациса вдохновляло и радовало меня. Подкупало простотою и искренностью. Образ главного героя, а им был сам автор, виделся романтичным и обаятельным. Читать его толстые по объему страницы романы было легко и приятно. Все ясно и понятно. И природа и любовь. И задачи и цели. Воплощенные мечты и надежды.

Чем отпугивал даже такой умный художник слова, как Горький? Сложнейшими умозаключениями. Длинными рассуждениями. Да простит меня Алексей Максимович, но его «Мешкане», «Фома Гордеев», «Достигаев и другие», так и остались недочитанными. Скука разъедала.

Другое дело — Вилис Лацис. Я не прочел, буквально про-

глатывал один за другим его творения: «Буря», «К новому берегу», «Сын рыбака», «Птицы без крыльев». Но больше всего мне оказался по душе его фолиант — роман «Семья Зитаров». История старого моряцкого гнезда, из которого вылетел будущий народный писатель Латвии, была захватывающей. Светлая юность. Поэзия первой любви. Творческие искания своего «Я». Схватки с невежеством и самодурством. Победа добра над злом. Это все не оставило равнодушным мое юное сердце. У нас было много общего в целях и мечтах. Потому я считал Вилиса своим другом, как и Петра Замойского.

Яркие зарисовки и наиболее удачные выражения автора я заносил в общую тетрадь, — учился у него искусству художественного слова. Да и разве не поразительно, что молодой кочегар парохода, обливающийся потом невольник перед адской топкой, неся свою вахту, крепя силы, едва добирался до койки. И вот при таких «мерзостях жизни» Лацис намечает для себя цель — стать писателем. Мечта на грани безумия. На такие смелые решения отваживаются лишь в ранней юности, когда сердце еще полно восторга и отваги (говорят, что пишет каждый в 18 лет!), когда живешь без оглядки и на каждом шагу не прислушиваешься к тому, что шепчет чувство действительности.

Какие только упреки не сыпались в адрес Лациса! Его обвиняли в чрезмерном увлечении сюжетом и слепой однобокости, в нагнетании грубых страстей, в наивном романтизме, поверхностной описательностью, подмене психологических мотивировок публицистикой.

На все это мне было наплевать и забыть. Лацис был для меня гений уже только потому, что достиг успеха, пройдя через горнило многолетней, бескомпромиссной борьбы за кусок хлеба, за свое место в литературе и жизни. Мне не очень понравилось, когда узнал о том, что Вилис Лацис живет в Москве и возглавляет в нашем парламенте должность председателя Совета национальностей. Ныне делами национальностей никто не занимается. Это сделано для того, чтобы вконец отодвинуть русское большинство от управления страной (Ай, да Ельцин с друзьями!). Тогда я полагал, солидаризуясь с Горьким, что удел писателя — писать, а не организовывать собрания и

митинги. Но не мне было дано решать судьбу любимого автора. Я должен был, по велению сердца, конечно, читать и наслаждаться его книгами. Что и добросовестно делал. Все полученные знания, как мог, передал приятелю Павлу Фирсову по пути в школу и обратно. Но Павла его творчество интересовало гораздо меньше. Понятно! Павел же не готовил себя в журналисты, как я.

*Для Латвии
Лацис — народный писатель.
Он «Бурю» устроил в стране.
А Павел
Совсем ни его почитатель,
Что явно не нравилось мне.*

Еще мама говорила, что на весь мир пирога не испечешь. Кому-то нравится рисовая каша, а кому-то — котлеты с грибами.

Меня волновала судьба Лациса. Что за болезнь унесла моего кумира юных дней? Об этом не знают даже биографы писателя. Многие полагают, что он просто «перегорел». Нагрузка-то на его психику была колоссальная! Десяток должностей занимал. И писал, писал. Он оставил огромное литературное наследство. Не зря же ему дали высокое звание — народный писатель.

Литературный Атлант

*Джек Лондон
Не просто писатель-новатор.
Изящный и сильный талант.
Джек Лондон —
Бесстрашный борец-триумфатор,
Герой — настоящий Атлант!*

Подлинным литературным Атлантом, борцом-триумфатором предстал перед моим воображением выдающийся американский прозаик Джек Лондон. Драйзеры и Твены, Куперы и Хэмингуэи, его соотечественники, которых я читал, не шли ни в какое сравнение с ним. По высокой образности, экспрессии, силе творческого горения. «Ему бы только фамилию поменять: с Лондона на Вашингтон, — размышлял я, — Хоть и был такой президент. Не оригинально. Но, не беда. Появился бы литературный президент — Джек Вашингтон!».

Так как менять фамилии не мой удел, то пусть хотя англичане радуются, что навеки в большой литературе красными буквами горит, сверкает алмазами имя — Джек Лондон!

Его путь к признанию, однако, был воистину тернист. Не менее трудным, чем у таких рыцарей пера, как Горький и Лацис. Отвергнутый вниманием газет и журналов, осыпаемый презрением и насмешками родных и близких, он смело и непоколебимо шел верным курсом к цели. Успех пришел после публикации живописных рассказов о золотой лихорадке на некогда русской Аляске. Вот и получается, что своими творческими корнями писатель обязан великой России. Золото манило самодовольных американцев, и они уткнулись в его произведения. Они пытались отыскать рецепт успеха. Их любопытство и сделало Джека Лондона знаменитым.

Прочитав его «Дочь снегов», «Морской волк», «Белый клык», «Люди бездны», я решил про себя: все хорошо, прекрасная маркиза! Но, не столкнувшись с романом «Мартин Иден», великий писатель Лондон, так и остался бы «вещью в себе». «Мартин Иден» же перевернул не только душу, но и мою последующую жизнь. После знакомства именно с этой книгой, я, подобно Мартину, чтобы не утомлять зрение редакторов рукописными сочинениями, приобрел в 1964 году, в Ростовском универмаге, печатную машинку марки «Москва». Именно на ней, до приобретения в 2002 году компьютера, почти 40 лет я отстукивал свои скромные опусы, которые, конечно, не идут в сравнение с изящными повестями и рассказами американского гения. Таковым я его считаю.

Матрос, работающий в прачечной, хулиган и гуляка с начальным образованием Джек Лондон, в короткое время под-

нялся на высоту своих духовных учителей: Дарвина, Спенсера, Ницше, Маркса. Биографы писателя отмечают, что «потребовалась немалая твердость духа, чтобы в 1899 году изучать труды этих революционеров. Нужно было обладать ясным и проницательным умом, чтобы их понять».

Честно признаться, сам я, грешный, не все понимал, обучаясь в университете, ни в учении Дарвина, ни в философии Ницше. Что же касается Спенсера, так я его, вообще, не читал. А Джек Лондон отлично изучил их в подлиннике. Он уже в возрасте 20 лет ясно знал: кто есть кто? Всякая крупная собственность есть — кража. Так он утверждал в одноименной пьесе. По Лондону, современные российские олигархи — Бerezовский, Гусинский, Черномырдин, Полторанин, Абрамович — суть воры. Но лишь один Ходорковский сидит, где им положено, в тюрьме.

Лондон, как Ницше, обнаружил в себе качества сверхчеловека — существа, превосходящих своих собратьев: умом, ростом, силой, способностью преодолеть все преграды. Разве в действительности это не так?! Разве своею блестящей победой в литературе он не доказал этот факт? Доказал. И еще как!

Излишняя скромность ведет к самоуничижению. Ложная же скромность — к лицемерию. А Джек смел, честен и правдив. Таким оставался все свои короткие 40 лет жизни. Его не смутил факт, что философия, провозглашающая господство сверх человека, внушила его создателю Ницше — отвращение к социализму, как власти людей — слабых и бездарных. КПСС, допустившая развал СССР, разве тому не доказательство?!

Будь сегодня с нами, Джек Лондон убедился бы в своем провидении. Социалистическая система, державшаяся на лживо-лицемерных постулатах всеобщего равенства, коллективного труда, отрицания частной собственности и рынка производства лопнула, как мыльный пузырь. Рухнули коммунистические идеалы, а ведь Лондон считал себя учеником и Карла Маркса, главного идеолога коммунизма.

*Джек Лондон — pragmatik:
Он знал суть вещей.
Джек Лондон — романтик,
Кумир, чародей!*

Когда мне бывает трудно, не по себе, я открываю одну из его книг. И сразу погружаюсь в чарующий мир его героев: смелых до дерзости, отважных до безрассудства. Но, всегда, — людей справедливых и честных, умных и добрых, каким был сам литературный Атлант, великий труженик пера Джек Лондон.

О вечном

*Былому мы поставим свечи:
И погрустим, и помолчим.
Теперь поговорим о вечном,
Что в сердце каждого кричит!*

В начале 30-х годов поэт Сергей Чекмарев не соглашался со строками песни: «Наш паровоз вперед лети! В коммуне остановка». Он справедливо утверждал, что и «при коммунизме люди будут лгать и хитрить, и страдать». До «светлого будущего» не дотянули, а вот в развитом социализме пожили и убедились в правоте комсомольского поэта.

Разве не лицемерием является факт награждения экс-президента Бориса Ельцина орденом «За заслуги перед Отечеством 1-ой степени». Вот как на это отреагировал народ. 127 членов политического клуба поселка Змиёвка во главе с Ерёминой написали в «Орловской правде» свое кредо: «Главная заслуга Ельцина — развал Отечества, развал Великой державы, которая была оплотом стабильности во всем мире. Ныне расцвели пышным светом — террор, безработица, голод, невежество, эпидемии, детская беспризорность. Наши дома превратились в камеры с зарешеченными окнами и кодовыми замками. Гордый народ, подвигами которого восхищался весь мир, получил с согласия этого орденоносца презрительное, унижающее человеческое достоинство прозвище — «совки».

Пару слов о замках и дверях. За все времена жизни в Сивково, сельские жители, как моя мама, никогда, уходя на рабо-

ту, не вешали на двери замков. Или закрывали на щеколду, или закладывали в проушины накладки — обычную ветку или палочку. Это для того, чтобы ветер не раскрыл двери или скотина не зашла. Не было случая, чтобы у кого-то что-то пропало, хотя соседи, порою, открывали двери, чтобы позаимствовать лопату или ведро.

Будучи в гостях у кузена Василия Ивановича Дерябина, что жил до своей кончины в 1999 году в деревне Михнево, я завел с ним разговор о замках. Он смеялся, когда я заметил, зачем ему закрываться? Кругом — свои люди! Ведь раньше мы этого не делали. Пошутив, разъяснил:

*Все это было, только сплыло.
Вовек не будет уж теперь,
Когда замки амбарной силы
С опаской вешаем на дверь!*

Вот к чему, на практике, привела победа демократии под руководством того же Ельцина в нашей стране. У людей сменились моральные и социальные ориентиры.

Писатели Нагорный и Рябов в «Повести об уголовном розыске», вышедшей при социализме, писали: «Большевики замахнулись на вечное, неизменное, неделимое — на душу человеческую. Кто был ничем, тот, возможно, и станет всем. Но душу-то они не переделают. Потому что человек-жлоб и останется таковым до второго пришествия. Всегда будут одни осетрину жрать, другие — ржавую селедку кушать».

Лет 30 назад, прочтя такое, я даже удивился: как это цензоры пропустили в печать, хотя эти слова авторы предусмотрительно приписали уголовнику Арсению Федоровичу? Сегодня убеждаюсь, что этот преступник был философом, не ниже по планке, чем Ницше.

Мы же не философы, а скромные литераторы, о которых молодой воронежский поэт Василий Кубанёв грустно, но пророчески, сказал:

*Поэта незавидна участь:
Всю жизнь искать,*

*Всю жизнь гореть,
Творить и радоваться, мучаясь,
И так же с болью
Умереть.*

Книги и жизнь. Они взаимообусловлены. Мне как-то довелось писать рецензию на книгу молодого ливенского поэта Юрия Воробьева «Между небом и землей». В ней я указал начинающему автору на необходимость на пути к успеху заглянуть в библиотеку и прочесть такие книги, как: Джек Лондон «Мартин Иден», Михаил Исаковский «О поэтическом мастерстве», Вилис Латис «Семья Зитаров» и ряд других.

Кому как, а мне они помогли разобраться, в первую очередь, в самом себе. Ведь книги — это отражение жизни. А человеческие судьбы — главная тема книг. Хороших и разных.

ПУТЬ К «ХРАМУ»

«Талант есть чудо неслучайное».
Евгений Евтушенко.

Машинка есть. Дубовый стол.
За окнами — затишица.
Билет писательский пришел,
А вот стихов — не пишется.

Виктор Рассохин.

Молодой критик «Орловского вестника» Игорь Свеженцев, пройдясь острым пером по страницам моего первого поэтического сборника стихов «Отчий край» (1993), свою рецензию заключил словами, что моя «Книга стала частью нашей культуры, еще одним кирпичиком в стене Орловского литературного Храма».

Таким образом, сам того не подозревая, он предвосхитил заголовок предлагаемого читателю моего следующего очерка. В нем я попытаюсь рассказать, каковым был мой творческий путь прежде, чем мне посчастливилось заложить «в стену литературного Храма», кроме названного, еще два кирпичика, выпустив в свет книги — «Перелески» (1994) и «Русь» (1995).

Постараюсь сразу расставить все точки над «И». Выход книг, как это в основном было в эпоху социализма, автоматически не означает признания автора их — поэтом. Это звание официально подтверждается членским билетом. Хотя, как утверждает Виктор Рассохин, и с приходом такового бывает, что «стихи не пишутся».

Моё звание учителя и журналиста подтверждены Дипломами и членством в этих организациях. Что касается поэтического признания, то в официальных кругах я числюсь лишь литератором. Это, впрочем, вполне меня устраивает. Тем более, что членских билетов не было даже у великих, как Лев Толстой или Александр Пушкин, а что уже говорить о моем и десятке подобных, слабых голосов. Поэт — не звание, а состояние души. Таково мое кредо. С душою у меня все в порядке. За окнами действительно — затишица — стихи же и на седь-

мом десятке лет у меня пишутся. Об этом можно судить и по этой книге, которую я наполнил, в большинстве, своими новыми стихами.

Поэзия, как костёр. Но, известно, чтобы он горел, в него надо подкладывать дрова. И, чем их больше, чем они лучше по качеству, тем ярче огонь костра. Вот почему встреча с произведениями близких по теме и духу поэтов, позволяли истокам поэзии, тлевшим в душе, возгореться в пламя.

Очарование

*К чему писательский билет,
Зачем, — признание?
Когда со мной — его портрет
И книга, что мне дарит свет —
Очарованье.*

Как не каждый год рождаются горы, так не каждый год рождаются большие поэты. Зато в любой, самой маленькой деревушке, как Сивково, можно отыскать хотя бы одного любознательного мальчишку, которого надолго и всерьез волнуют, привораживают «черные птички на каждой страничке».

*Книжек первые страницы
Нас встречают с первых лет.
И несут нас, словно птицы,
Облетая целый свет.*

Поэт Маршак, автор этих строк, а с ним учителя и родители правы, когда говорят о том, что книга — растит человека, что чтение — главное учение. Что ум без книги, как птица без крыльев.

Настоящие крылья выросли у меня, когда весною 1957, молодой, 16-летний я пришел в Щербовский магазин, где работала заведующей жена моего кузена Василия Дерябина, черноволосая красавица Александра. Она-то и предложила мне

купить только что вышедший в свет и поступивший в продажу двухтомник Сергея Есенина. На радость у меня были в наличие «гонорарные» деньги. Наскоро расплатившись, я стал обладателем сразу двух крыльев истинного Орла поэзии. Однако родственница меня не отпускала, а, лукаво улыбнувшись, преложила приобрести еще и третью книгу.

— Ты же, Петя, я знаю, стихи пишешь, — сказала она, — так вот у нас есть книжка Михаила Исаковского «О поэтическом мастерстве». Возьми — пригодится.

— Спасибо! — поблагодарил я Александру, горячо добавив, — Есенина с Исаковским я очень люблю.

Обратная дорога из Щербово в Сивково превратилась в волшебство. В идиллию. Не обращая внимания ни на шумевшие вдоль большака ручьи, ни на грязь и огромные, сверкающие на ярком солнце лужи, ни на промокшие ботинки, я шел, перелистывая на ходу страницу за страницей эти удивительно прекрасные книги. Поистине, — очей очарованье.

Попадались стихи уже ранее известные: о лошади, что кивала головой навстречу, о березке и черемухе. Но вот циклы: «Москва кабацкая», «Персидские мотивы», поэмы — «Пугачев» и «Анна Снегина» — стали открытием. Особенно понравилось «Письмо матери». Я его выучил наизусть и хорошо помню до сих пор.

Отзвенела гремучими ручьями, отцевела белой черемухой весна. Уже летнею порою, когда пестрым ковром пламенели луга и поля, из легендарного Краснодона приехал на побывку молодой шахтер Иван, сын отцовского дядюшки Никиты Бугаева. Стало быть, и мой родственник. Симпатичный, по-отцовски крепко-сложенный 22-летний парень, имел, подобно мне страсть к высокой поэзии. Он-то и выпросил у меня Есенина. «Зачитал» настолько, что не устоял перед соблазном «умыкнуть» двухтомник с собою, в Донбасс, где вскоре погиб — на шахте взорвался метан. Не просто огорченный, а оглушенный, спрашивать о книгах у его родителя при столь трагичных обстоятельствах я, конечно, постеснялся. Тем более, что мы уже пережили нечто подобное. Мой брат Иван, студент Ростовского горного техникума, будучи на практике, так же попал в аварию на шахте. Отделался контузией, но учебу при-

шлось оставить и перейти на работу мастером гипсового завода.

Как не повезло с родственниками Иванами, так же не повезло мне и с «Есениным». Знать такова судьба. Осталась одна отрада — Исаковский. Его тонкая брошюра «О поэтическом мастерстве» сразила меня своим откровением. «Мы подсчитали, — как мне показалось, с чувством озабоченности и огорчения, писал Михаил Васильевич, — что в газеты и журналы, выпускаемые издательством «Крестьянская газета», где я работаю, за один месяц поступили стихи от четырех тысяч авторов. Газетные и журнальные редакции, как в Москве, так и в областях буквально завалены так называемым стихотворным «самотеком».

«Ну и ну, — размышлял я, — стыд-то какой! Куда же я, неоперившийся птенец, лезу со своими корявыми виршами, когда в Москве творцам маститым даже тесно?!. Впрочем, как сегодня, в Орле.

С тех пор, хотя я и не бросил писать стихов, но в редакции газет с ними не совался. Посыпал лишь заметки да корреспонденции. Их печатали. Высыпали гонорар. Подобное обстоятельство меня вполне устраивало, — ведь я готовился не в поэты, а в журналисты.

Поэзия — удел молодых. В ней участвуют все пять органов чувств, а не просто воспламененный «прекрасным мигом» ум. Именно в 19-20 лет, как справедливо утверждает в популярной песне Валерий Ободзинский «по ночам в тиши я пишу стихи», стрелы Амура наиболее часто ранят юные сердца. Как раз на эти «годы первой влюбленности» и выпадает пик стихотворчества. Из огромной массы «пишущих» выделяются индивидуумы с «печатью гения». Пусть даже это честолюбивое самомнение. Как справедливо заметил в беседе со мною шеф орловских писателей Геннадий Попов: «Без честолюбия — ни в поэзии, ни в жизни светлых высот никогда не достигнешь». Этого качества у меня не достает, а от того и результаты скромные.

Секрет в том, как я ранее отмечал, что для поэзии нужны два условия — влюбленность и досуг. С 19 до 22 лет я провел время в казарме, где за чтение книг, после отбоя получал на-

ряды вне очереди. Даже став сержантом, когда у меня оставался какой-то вакуум, я использовал его на чтение. На подготовку статей в окружную военную газету «Красный воин», а не на поэзию. Моя первая любовь пришла ко мне в студенческие годы. В городе невест — Иваново, в феврале 1963, я, наконец, и встретился с этим чувством. Оно пришло ко мне в образе скромной, но прекрасной девушки Валентины, дочери погибшего фронтовика. Вот тогда я вновь взялся, как многие молодые, за стихи.

Через 4 года после первого знакомства мы расписались. Уже почти 40 лет вместе. Вырастили умную, добрую дочь с умиротворяющим именем Ирина, а теперь растим чудесных внуков — Максима и Настю. Вся моя поэзия посвящена отчemu kraju, родителям и моей семье.

Не удивительно, что по настоящему я занялся поэзией, став директором и учителем сельской школы. Тут-то на моём столе вновь, как в юности, появился Есенин. Его гений освещал ставшее глушью некогда цветущее гнездо столбовых дворян Юрасовских, где некогда гостевали поэты — Жуковский и Плещеев. Здесь же родились — и моя дочь, и поэма, однократно с названием их владения — Сурьянино.

*Сурьянино — именье родовое —
О Юрасовских, дочке говорит...
Стою. Смотрю в раздолье полевое.
Вдали зарница розово горит.*

Чтобы завершить мой разговор о влиянии на мое творчество великого Есенина, напомню, что в моей книге «Русь» есть поэма, ему посвященная. Она так и называется: «Письмо Сергею Есенину».

Радоваться и радовать

Не удивительно, что, живя в таком поэтическом уголке, каким была деревня Сурьянино, с цветущим по весне школьным садом, тремя барскими прудами, березовой рощицей на косогоре и аллеей огромных тополей, я занялся творчеством. На первом месте, конечно, опять были статьи, а потом уже — стихи. Их первым редактором стал все тот же — добрый и чудесный журналист Беликов. Только газета, которой он руководил, поменяла свое название с «коммуны» на «новь».

Михаил Михайлович со светлою улыбкой и с присущей ему убедительностью серьезно говорил: «Уверен. Ты будешь поэтом. Твои стихи основаны на чувстве земли «босой ногою». В них присутствуют и свежесть, и образность, а главное, — искренность. Ты умеешь радоваться и радовать! Это, как я считаю, — ценнейшее качество поэта. Только не торопись гнать лошадей. На загнанных конях далеко не ускакешь».

Не случайно редактор говорил о «босых ногах». Ибо первое, по настоящему, после известной, но ставшей далекой «Капусты», стихотворение, опубликованное в «Болховской нови» называлось: «Где ты, детство моё босоногое».

*Где ты, детство моё босоногое,
Где же ты затерялесь, скажи?
Может, в поле за сенной дорогою
У поросшей бурьяном межи.*

После этого, на мой взгляд, удачного дебюта, были опубликованы «Болхов», «В отчём краю», «Юность» и другие стихи.

Было же мне в ту пору 28 лет. Возраст Лермонтова, ушедшего в небытие. Об этом возрасте поэт Евгений Винокуров скажет: «Я крылья еще не отрастил, — а молодость позади». Суровым приговором звучали и строки Александра Межирова:

*До 30-и поэтом быть почетно,
И срам кромешный — после тридцати!*

Как меня не удерживал редактор, но мне надо было спешить — ловить «колесницу удачи». Сроки поджимали. Но приковывать себя к одной, хотя и наиважнейшей теме Родины, было нельзя. Она измельчится и обесценится. Как утверждал горец Гамзатов: «Алмаз, чем крупнее, тем дороже. Кому нужна алмазная пыль?». Да и орловские поэты, как только доведется случай, клянут «квасной патриотизм».

Спешка, в тон Беликову, писал мне рецензент «Орловской правды», поэт Василий Катанов до добра не доводит: «Вы можете писать звучно, образно, но вам не достает глубокого раздумья, внутренней собранности, умения ограничить себя одним фактом, одним мгновением, сильно затронувшим сердце. Будьте строже к себе. Не допускайте прозаизмов. Спокойно и напряженно продумывайте главную мысль. Не спешите!».

Замечу с глубоким удовлетворением, что если первым моим крестным отцом в творчестве был журналист Беликов, то первым профессиональным литературным наставником стал замечательный краевед и поэт Василий Михайлович Катанов. С 1970 года началась наша с ним творческая дружба. Он является редактором двух моих сборников «Перелески» и «Русь». Всегда спокойный, уравновешенный, исключительно эрудированный и мудрый писатель, он стал первым лауреатом премии «За Отчество ведение» имени Николай Карамзина.

Так вот, именно этот истинный русский патриот, создавший более 30 умных книг, вдруг, вслед за Беликовым, советует мне: «Не спешите!».

Но, как не спешить: 30-ть не за горами! Порадел, выругал поэт Владимир Самойлов, высказавшийся веско и определенно:

*И где-то возле сорока
Вдруг пробивается строка,
И мысль становится легка,
А слово не стареет.*

Чтобы окончательно подбодрить себя, шире раздвинуть простор, доказать, что и мне подвластно мышление образами,

я вслед за Самойловым, высказал свое мнение:

*Хоть не к лицу —
Мужам спивать частушки
И поспешать с юнцами на балет,
Но как не вспомнить:
Сам великий Пушкин
Пленял дев Лирою —
И в 38 лет!*

Завсегда так. Недостает собственного таланта убеждатель, мы непременно берем в помощь гения. Как я, в данном случае, прикрылся Пушкиным. Что поделать, если люди консервативны. Меняются медленно.

Посетивший в сентябре 1969 года мою Сурьяинскую обитель, поэт Виктор Дронников помог мне выйти со стихами на страницы областной печати. Он отредактировал и опубликовал в «Орловском комсомольце», где в ту пору сотрудничал, шесть моих стихотворений. Особенно ему нравился «Бетховен»:

*О, секрет непознанного чувства!
Только руки лягут на рояль,
Вы уж заворожены искусством,
Где гимн сплава —
Радость и печаль.*

С большим вниманием отнесся ко мне и заведующий отделом культуры «Орловской правды» писатель Анатолий Яновский. Ему я обязан появлением на страницах главной газеты края многих моих стихов. Первое из них «Озимь»:

*Звенели тонкие березы,
Совсем иззябли. Эка — стынь!
Не снегом — льдом покрылась озимь,
А сверху оседала пыль.
Порой казалось: озимь стонет,
Да, ей с погодой не везло.*

*Лежит зерно в моей ладони,
А в ней — мой труд,
Моё тепло.*

Со дня публикаций в Орле я почувствовал себя более уверенным. Как же! Мне нет еще и 30-и, а удача заглянула в мой школьный дом. Это ли не радость?!

Но недолго музыка играла, — началась полоса срывов. Поэзия — путь в неизвестность. Как заметил Фёдор Тютчев: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется?». Есть счастливцы, вроде Моцарта, которому победа доставалась одним вдохновением. Моя участь — осла. Тот с тяжелым грузом долго поднимается в гору. Устал! А до светлых вершин — еще переход.

Исключением из правил для меня явилось сотрудничество с Залегощенской газетой «Маяк». Здесь печаталось все. В том числе была опубликована первая поэма «Возвращение». Учителя Золотаревской средней школы, где в 70-е годы после переезда из Сурьянино я директорствовал, в шутку называли «районку» — листком Козина!

Мои корреспонденции помещались и на страницах центральной прессы: в «Советской России», «Гудке», «Советской культуре», «Учительской газете», в журналах «К новой жизни», «Автомобильный транспорт».

В январе 1974 года, после опубликования моего очерка «Слово о хлебе», попавшем на Доску лучших материалов, меня пригласили в «Орловскую правду» для беседы. В ней приняли участие редактор Сергей Владимирович Коробков и заведующий отделом Анатолий Николаевич Яновский. Они предложили мне должность собкора по Верховскому району, с последующим переходом в штат редакции. Я уже и согласие дал, но моя супруга Валентина категорически отказалась совершать новый переезд, заявив: «По деревням я более «таскаться» не намерена. У нас дочь растет. Надо в Орле квартиру зарабатывать». Было предложение от редактора Назарова возглавить отдел школ в молодежной газете. Тут уже я отказался сам, сославшись на далеко не комсомольский (34 года) возраст.

Когда мне исполнилось 38, Приокское книжное издатель-

ство выпустило в Туле первую мою публицистическую работу — брошюру «На трассах пятилетки». Этой удачей я обязан редактору, московскому поэту и журналисту Владимиру Перкину. Рецензию на сборник очерков дал в «Орловской правде» прозаик Яновский.

На «огонёк» успеха, словно бабочки на свет, слетелись завистники и недоброжелатели. Не случайно аксиомой стало выражение: «Чем лучше узнаешь людей, тем больше нравятся собаки». Но, ничего не поделать. Таков уж менталитет русского человека: «Упал, поможем подняться, возвысился, — опустим». Нашлись журналисты, которые помешали мне выпустить новую книгу на сельскую тематику. Ложно обвинили в том, что я опубликовал статью об умершем герое, как о живом.

В 1981 году на страницах многотиражки «Автомобилист», в нескольких номерах была напечатана моя первая документальная повесть «Ответственность». Это оказалось возможным благодаря дружескому участию редактора газеты Виктора Глазова. Он симпатизировал моему творчеству и, когда сотрудничал в соколовской газете «Вперед», где нашли свое место мои поэмы «Жаркое лето» и «Письмо Сергею Есенину». Об этом я рассказываю потому, чтобы подчеркнуть, что не все журналисты — злые люди. Есть и праведники. К ним я как раз отношу Виктора Глазова.

*Он будто соткан из добра,
Не сердце — золотая ваза.
Скромнейший труженик пера,
Друг и редактор — Виктор Глазов!*

1985 год. Приход к власти популиста-перестройщика Михаила Горбачева, дестабилизовал внешнюю и внутреннюю социально-политическую структуры общества. Бездумные реверансы первого Президента СССР в угоду Западу привели к «бархатным» революциям в странах Восточной Европы. Зачем только мой зять Бондарев Василий Илларионович рисковал во время службы в Венгрии, в мятеежном 1956 году? А мой друг, командир танка Александр Борисов, потеряв товарища,

сам едва остался в живых! Зачем, спрашивается, были нужны эти жертвы ничем неповинных, русских парней? Нет ответа. Как следствие преступной политики Горбачева, сдавшего КПСС, произошел и развал социалистического лагеря — гаранта стабильности в мире.

Первый Президент России, ради власти, разрушил Советский Союз. Навязываемые стране капиталистические отношения свернули планово-распределительную систему. Баучеризация по-Чубайсу, приватизация по-Гайдару, свобода цен по-Явлински привели не только к стихии рынка и упадку экономики, но и сильно ударили по социальным правам граждан, духовной культуре общества.

1991. Эра Ельцина. Эпоха безвременья. Творческие Союзы пришли в упадок. Горькая участь постигла и Орловское отделение Союза писателей. Оно разделилось на две части. Одну из них, традиционно-консервативную возглавил бывший главный режиссер Орловского драмтеатра, писатель-сатирик Леонид Моисеев. Вторую (лагерь демократов) повел за собою бывший кромской учитель словесности, поэт Виктор Рассохин. Два Союза, два клубка идеологических противоречий. Несконтактаемая полемика в прессе. Поиски сторонников. На этой волне, летом 1993 года и состоялась моя встреча с поэтами — Виктором Рассохиным и его коллегой по педагогической работе доцентом института культуры Александром Логвиновым.

Поэты и спонсоры

Поэт и критик Логвинов значился «моисеевцем», однако это ему не мешало поддерживать дружбу с демократом Рассохиным. Да и противоречия во взглядах были больше эфемерными, чем принципиальными. Тем не менее, их различная принадлежность к творческим сообществам даст право Леониду Моисееву глубокомысленно заметить: «Ты, Петр, молодец!». «Как? — не понял я». «А так. Предисловие к твоей книге подписали двое — Рассохин и Логвинов. В то время как они

соотнесены к разным направлениям. Вот и выходит, что ты впряжен в одну телегу — коня и трепетную лань!». Когда, наконец, до меня дошла суть юмора собеседника, то мы вместе с ним весело рассмеялись. На то Моисеев и сатирик, чтобы видеть такие острые детали. Однако он не уточнил: кто из моих редакторов — конь, а кто — трепетная лань? Впрочем, тогда (январь 1994) это для меня не имело большого значения.

В Доме купца Бакина шла презентация моего первого поэтического сборника «Отчий край». Все собравшиеся здесь писатели и поэты были настроены ко мне благодушно. Читали сборник. Просили автографы. Виктор Дронников, правда, слегка пожурил меня за то, что я не взял его в редактора, тогда, как он, по его словам, ещё с Сурьянинской поры, что звучало, все равно, как «со временем очаковских и покорения Крыма», знает все мои стихи. Сыпались поздравления и пожелания новых творческих побед. Моисеев советовал «быстрее выпустить вторую книгу и начать готовиться к вступлению в Союз». «У тебя хорошие стихи, компетентные редактора, — сказал он, — дело пойдет!».

Диалог с Моисеевым в писательском доме произошел в начале 1994 года. Ему же, как я ранее отмечал, в июне 1993 предшествовала моя встреча с поэтами, которые предложили мне помочь в подготовке книги.

— У тебя, — сказали они, — в печати вышло много свежих, интересных стихов. Подбери их по тематике. Мы отредактируем, напишем предисловие. Издадим. Теперь не нужны рекомендации. Цензура то же отменена. Так что пришла пора запускать рысака!

— Но где взять деньги? — недоумевал я, — разве только последний гараж продать?!

— Продавать ничего не нужно, — перебил меня Рассохин, — надо лишь отыскать спонсоров. Ты долгое время работал на автотранспорте. Всех нынешних руководителей предприятий знаешь. Походи. Поговори. Убеди. Уверен — помогут!

— Назови адрес хотя бы одного предполагаемого мецената, — с дружеским участием вступил в беседу Логвинов, — я сам с тобою схожу к нему. Найду нужные слова. У тебя серь-

ёзные, добрые стихи. Стесняться тут нечего. Они должны найти своего читателя.

Кто сказал, что поэты — народ ненадежный и легкомысленный? В того я первым брошу камень! Все, что обещали мне друзья-поэты, они исполнили точно и, как говорят, в срок. Виктор привел в порядок рукопись. Правда, работы с нею было не много. Все вещи уже были обкатаны в печати. Правка была минимальной. Каждый из них составил свой вариант предисловия.

Издать сборник взялась старая моя знакомая по сотрудничеству в отделе школ молодежной газеты Ася Олейникова. Теперь она работала редактором книжного издательства ОГТРК. Она сделала заказ на оформление заставок к книге художнику. Все ладилось. Оставалось — достать деньги!

Поистине, если «помнит Вена, помнят Альпы и Дунай, — цветущий май», то водители Автокомбината вместе с директором Неворошкиным Владимиром Алексеевичем надолго запомнили пламенную речь кандидата филологических наук, доцента и критика Логвинова. Это зрелищное событие произошло хмурым сентябрьским утром. На плацу, перед гаражом предприятия. Седовласый, с курчавой бородою, в белом плаще, и новых, с высокими каблуками ботинках, слегка покачиваясь, он говорил о вечном. О добре и зле. Взаимопомощи и сострадании. О загнанной в угол забвения русской культуре. О её подвижниках. О книге «На трассах пятилетки», которую, по его словам, я с радостью в сердце писал для них. Что настало время помочь мне издать патриотический сборник стихов. Который, опять же, о них. Что я учитель и хочу счастья их детям. Рассказал о моем голодном детстве, инвалиде-отце. О бедной матери. О селькоровской работе. О длинной дороге в школу. Говорил об известном, но под своим углом зрения, что вызывало доверие и понимание.

Оратор был так логичен и так убедителен, что многие рабочие, опустив голову, кивали ему в такт. Соглашались. Однако, некоторые из них, проклиная Ельцина, устроившего такую жизнь, что ни на бензин, ни на хлеб денег нет, не желали расставаться с последним рублем. Что для книг, дескать, время не пришло.

На этот довод Александр Серафимович обрушил целый шквал контр аргументов. Прямо указывал на их собственные просчеты при выборе президента. Что они, являясь гегемоном общества, самоустранились от борьбы за справедливость, за свое счастье. Что книги, как и хлеб, всегда нужны.

Честное слово, я сам более двадцати лет являлся пропагандистом, провел тысячи уроков, но, слушая друга, впервые убедился, что в Университете культуры преподает настоящий педагог-доцент. Так он был обаятелен и красноречив.

Неожиданно на выручку к Александру пришел наш земляк — болховчанин Лукьянчиков Иван Алексеевич. Здесь он заведовал ремонтной мастерской, а до пенсии возглавлял это же предприятие. Пользовался авторитетом.

— Петр Козин — это Болховский поэт, — сказал он и серьёзно продолжал, — я его земляк и горжусь этим! Как приезжаю домой к родителям, то обязательно «Болховские куранты» просматриваю. Он там часто публикуется. Дружит с их редактором, Венедиковым. Так вот, Александр Егорович, я с ним беседовал, хорошо о творчестве Петра Дмитриевича отзываюсь. Вообще, Петр Козин — наш человек! Брошюру о нас издал. Кто ему еще поможет, как не мы?! Наши дети только благодарны будут.

— Ну, так как решим? — спросил рабочих директор Неворошкин.

— Поможем! Чего уж там. И Иван Алексеевич его хвалит.

— Петр Дмитриевич! 200 тысяч рублей сегодня же будут перечислены на счет книжного издательства.

«Поезд тронулся, господа присяжные заседатели!» — вспомнил я всегда невозмутимого и находчивого Остапа Бендера. Мне было радостно за друга больше, чем за себя. Я осознавал, что выделенных мне денег не хватит и на пятую часть требуемой суммы.

Мне приятно было общество Александра Серафимовича, но более не злоупотреблял его добротою и отзывчивостью. К другим спонсорам, а хождения по мукам продолжались весьма долго, пока не были изданы все три сборника, я торил дорожку сам.

Единственный из всех меценатов, а их число переваливало за десяток, лишь генеральный директор ПОПАТ, а ныне вице-губернатор Вельковский не заставлял себя уговаривать. Крепко пожимая руку, Ефим Николаевич бросал: «Я знаю по себе, какое это унизительное занятие — просить. Оставь бумагу. Сегодня же перечислим!». И слово его никогда не расходилось с делом. Большую организационную помощь мне оказали: начальник управления Курпас Виктор Павлович и обком профсоюза работников автотранспорта во главе с Андреевым Вячеславом Александровичем и Ермоловым Михаилом Григорьевичем.

Когда я решил издать повесть «Дым Отечества» объемом в 300 страниц, а выходил лишь десятую часть требуемой за ее издание суммы, то тут же отверг все дальнейшие попытки испытывать судьбу.

*Издание книги — наука,
Но знает любой меценат:
Три года хожденья по мукам
От всяких наук отвратят.*

Когда же я обратился за содействием к вице-губернатору, а ныне депутату Государственной Думы Мосякину Ивану Яковлевичу, то он не отказал, но прежде направил на консультацию к шефу писателей Геннадию Попову. Он же развел такую кипучую деятельность по моей творческой компрометации, что я навсегда забыл дорогу в писательский дом. «И скучно, и грустно. И некому руку подать в минуту душевной тревоги».

Теперь о чувствах. Вернее, о кирпичах Игоря Свеженцева, с чего мы начинали разговор. Так вот, если бы многоуважаемые меценаты помогли мне, а друзья-писатели не препятствовали, то в стену орловского литературного храма я положил бы не 3-4 кирпичика, как сейчас, а добрый десяток полновесных кирпичей. Ведь шесть из недостающих, гораздо весомее и зрячее. Но верна истина: человек предполагает, а господь располагает.

РОДОСЛОВНАЯ

*Моя Родословная очень короткая —
Бабушка. Папа и Мать.
Счастье их дом обходило сторонкою,
Горю — конца не видать.*

В начале книги мы уже оговаривались, что не знаем своих предков. Хотя внуки, а иногда и невоспитанные дети называют таковыми своих родителей или бабушек с дедушками. В моем понятии предки восходят к старине глубокой — от века и далее. Ближайшими предками, как я считаю, являются прабабушки и прадедушки. Раз уже появился предлог «пра». Ясно — предок. Исходя из такой концепции, моя, недавно умершая на 91-м году, теща Вера Андреевна Цыбакова является для моих внуков Насти и Максима, прабабушкой, значит, она — предок. Дети не только видели, но и слушали её сказки и были, играли с нею, получали подарки. Если такое общение сохранится в их памяти, то они могут, по прошествии времени похвастаться, что знают своего предка. Выходит, им повезло. Мне не только с «предками», но и с 3-м коленом, не подфартило. Из всех дедушек и бабушек я лично знаком лишь с мамою отца, бабушкою Маврой. Остальных «пре», когда я стал осознавать себя, уже не было на свете.

Бабушка Маэра

*Серпухов.
В доме, над тихою Нарою,
Вместе с козою жила
Папина мама,
Бабушка Маэра.
Нас не любила она.*

Как богатый бедному не товарищ, так и сытый голодного не разумеет. Вот и Мавра Андреевна, выросшая в зажиточной

семье Бугаевых, никак не могла смириться с выбором юного отца, женившегося в 17 лет на 19-летней беднячке, как тогда выражались, без кола и двора. Эта неприязнь позже распространиться и на нас, внуках. Она никогда не приезжала в гости, не вела переписки, не присыпала через знакомых поклоны родителям. Не говоря уже о подарках к праздникам. Не удивительно, что впервые я воочию смог лицезреть непреступную бабушку Мавру (в её имени есть что-то от «мавра», Отелло), лишь в 17 лет. И то по слуху.

Летом 1957, на школьных каникулах, «старшой» потребовал от родителей прислать меня в Серпухов. Здесь я мог бы вместе с ним поработать в совхозе, что находился в пригороде. Отдохнуть. Познакомиться с его детьми. Набраться ума и впечатлений от городской жизни. Как ни трудно было без меня со скотом управляться, по два раза в неделю пасти то колхозных, то своих коров, а делать нечего, согласились. Такое было впервые. Самостоятельно, на автобусах, я прикатил в древний город-крепость, что на Наре.

Узнав о моем визите, бабушка неожиданно воспытала любопытством повидать своего «младшенького» внутика. Зазвала к себе. Не за пустым делом, а помочь напилить дров. В ту пору бабушке Мавре Андреевне было за семьдесят (она 1885 года рождения, на 20 лет старше отца), но выглядела, как и её младший брат, Никита, крепкой и сильной. В том я убедился, когда мы принялись за работу. Она с такой неудержимою мощью тянула к себе пилу, что я молодой, 17-летний, едва мог противостоять ей. Бабушка, подобно Аврааму Линкольну, так глубоко всаживала топор в бревно, что мне с трудом удавалось вытащить его обратно.

Б благодарность за помощь бабушка поила меня приторно-сладким и очень густым молоком от собственной козы. Жила же она в сарае, что располагался прямо напротив двери бабушкиного жилища. Оно же находилось в одноэтажном много квартирном доме. Уверенная в себе, бабушка, в отличие от мамы, не проявляла ни ласки, ни нежности. Оставалась холодной и нарочито вежливой. Расспрашивала о деревне, о жизни родителей. Своего же мнения не высказывала. Была строга и деловита. Как позже мне передаст брат, я ей понрав-

вился. Мол, младшенький, парень не глупый, не заискивает, как другие и ничего не просит. Самостоятельный и по-взрослому рассуждает. Видимо, именно за эти качества бабушка подарила мне три цветных шелковых рубашки. Они были очень красивые, по росту. Меня восхищало, что рубашки не мялись, как и куда я их бы не бросал.

Я юношески форсил в них, когда бегал на танцы на асфальтовый пятак зеленого берега Нары. В то время появилась и быстро приобрела популярность песня «Подмосковные вечера»:

*Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.*

Всего меня наполняла завораживающая мелодия:

*А рассвет уже все заметнее,
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты — эти летние,
Подмосковные вечера.*

Серпухов, Нара. Это же и есть — Подмосковье. Элемент присутствия, совпадения трогал струны юной души. Прошло много лет, а я отчетливо помню светлое ощущение праздника, первую встречу с этой замечательной песней.

Здесь же, на зеленом берегу реки, состоялась и другая, не менее волнующая встреча с бывшим односельчанином Михаилом Гришиным. Просьба к читателям не путать его с пасынком учителя Яшина. Это однофамилец. Он был старше меня и своего тезки на 7 лет. Было же в ту пору Михаилу Гришину, которого за отвагу и смелость мы в детстве звали Чапаев, 24 года. Так его я впредь и буду величать.

Чапаев головою вниз, а не так, как мы, только ногами, прыгал в Мошковский омут, что был напротив Сапун-горы у Архангельского поселка. Мы так делать не могли. Боялись разбиться. Высота-то какая?! Дух захватывает! Чапаев же мог демонстрировать свое бесстрашие до бесконечности. Мы о нём даже прибаутку сложили:

*Хочешь быть героем, — знай! —
Надо прыгать, как Чапай!*

Держался наш герой мужественно и просто: никогда не выхвалялся. Всегда оставался самим собою. Работая в совхозе «Большевик» во время сенокоса на широких приокских лугах, Чапаев, как Андрей Алайкин в Сивково, устанавливал рекорды среди косцов, оставляя «за пяткой» бригаду товарищей. Косарю-чемпиону, как рассказывал мне брат, вручали призы и премии.

За веселость, силу и доброту его любили взрослые и дети. Девчата о нем, буквально, «сохли». В этом я убедился сам, бывал с ним «на пятачке». Но, так как серпуховские Мадонны не были для него запретным плодом, то жениться он не спешил. С Чапаевым мы вместе ходили в лес за грибами, ловили в реке раков, гуляли по городу.

Однажды бабушка Мавра спросила меня:

— Ну, где сегодня вы с Чапаевым были?

— В магазине удочки смотрели, — отвечаю я, — они такие удобные — с лескою и крючками. Не то, что мы пескарей на палку с ниткою и загнутой иголкою ловим.

— Удочку я тебе куплю. Я хочу о другом сказать. Ты знаешь мать Чапаева, Наталью Гришину, из-за которой отец твой разбрислся?

— Об этой трагедии знаю, но тетю Наташу смутно помню. Я же маленьkim был, когда они в Серпухов уехали.

— В 1937, когда все это случилось, и Чапаеву всего 4 годика было.

— Но он же не виноват! — ни к месту вставил я.

— Никто не виноват! Видно, судьба у Мити такая. А все не по себе чувствую, когда эту Наталью с Мишею вижу, — тяжело вздохнула бабушка, — твой отец, вроде твоего Чапаева, тоже героем был. Всем помочь спешил, будто в бой кидался. Спешка, не зря говорят, до добра не доводит.

Позже я напишу об отце:

*Он умер не от ран, не от запоя,
Он умер от сердечной доброты,*

*Хотя никто не звал его героем,
Быть может, мама, разве только ты?!*

Имел я в виду и свою мать, и мать моего отца. Обеим этим женщинам, несмотря ни на что, он был дорог. Ведь, как бы мы не считали бабушку холодной и черствую, но ведь это она приютила в жестоком 1943 году своего сына, когда мы остались без крыши над головою. Когда бабка-Горбатка не нашла ему места в своей избе. И это она за свой счет отправляла сына лечиться в Крым, на Липецкие грязи, приобрела ему костили и инвалидную коляску. Сделала она и то, что больше всего маме не нравилась, нашла отцу женщину, которая ухаживала за ним до его возвращения в Сивково, в 1947 году. В ту пору у нас появился построенный трудом мамы дом, тогда как прежний был разрушен бомбовым взрывом.

Судьба Мавры Андреевны была также нелегкой. Ей не только не повезло с моим отцом. Второй ее сын Пётр, которого все близкие нежно называли Петрушей, за кротость и тихий нрав родился глухонемым. Он работал, так как физически был крепок. Имел семью. Но горечь оставалась. Не все, как у людей: сыны-инвалиды.

Единственная здоровая дочь Полина выйдет замуж за шахтера и будет жить в Донбассе. В конце своей печальной жизни, где-то в 60-е, бабушка Мавра переедет к ней, где и навеки расстанется с миром.

Отец

*Он был, как все,
Земли родной крестьяне:
Любил семью, работу и вино.
Но, а теперь —
Гуляют вокруг кургана,
Седые ветры —
Над отцовским сном.*

Нет никакой необходимости пересказывать судьбу моего родителя, человека-труженика, человека-борца, который сам, будучи инвалидом, помог жене и детям устоять, выжить в суровую пору лихолетья. Сейчас я хочу остановиться на нескольких эпизодах, связанных с ним, но не нашедших своего отражения на страницах моих воспоминаний.

Отец был неплохим воспитателем. Он придерживался методов педагога Макаренко. Где-то в 3 классе я позаимствовал его кисет с табаком, взял без спросу. Принес в школу. Предварительно, у колодца выкурили с ребятами одну самокрутку. Меня замутило и затошнило. Запах табака почувствовала молодая учительница Анна Дмитриевна, дочь Яшина. Произведя обыск и, обнаружив в кармане табак, она взяла меня за ухо и повела через деревню к родителям.

Отец рубил, сидя, по обыкновению, на коленях, дрова. Выслушав рассказ учительницы, он молча стегнул меня оказавшейся в руках лозиной. Я вскрикнул от боли и побежал в ров. Там взобрался на высокую ракиту и решил, что никогда с неё не слезу: пусть меня ищут. Просидел долго. Стали отекать руки и ноги. Пришедшая с работы мать, узнав о случившемся инциденте, действительно стала меня разыскивать. Звала, но я не откликался. Соседка, тетя Катя, идя с водою из колодца, увидела меня на дереве. О том сказала маме. Мать стала стучать палкою по раките. Требовала, чтобы я слез. Обещала больше не наказывать.

Когда мы оказались у дома, она стала ругать отца за то, что он ударил меня лозиной: «Сам инвалид и сына хочешь покалечить!» — сердилась она.

Отец извиняться не стал. Объяснил, что я получил за «дело». Пусть учится отвечать за свои поступки!

С той поры, как ни сманивали меня ребята табаком, подобно им, более не баловался. Вплоть до окончания службы в армии. До поры первой влюбленности.

В годы учебы отец помогал мне по арифметике. Когда она усложнилась, а тут еще пошли алгебра с геометрией, то честно сказал, что помочь более не в силах — знаний нет. И опять я оценил его прямоту.

Отец учил меня всему, что знал сам: плести корзины и севалки, подшивать задники на обувь, городить заборы, соружать плетни. Но никогда не просил плести лапти.

— Не все время нам лапотниками быть, — говорил он, — жизнь наладится. Купиши себе стоящую обувь, которая не унижает достоинство человека.

Бот таким, гордым и честным был мой отец. Хотя бывали случаи, что он ссорился с мамою, но всегда, как мог, облегчал её труд и не стеснялся извиниться, если был в чем не прав.

Отец, в отличие от мамы, не ругал меня за усердное чтение книг из библиотеки. Считал, что чтение расширяет мой кругозор, помогает в учебе и в жизни.

Заработанные известным ремеслом деньги или полученные от того же шахтера Андрея Алайкина в качестве платы за сказки, другие подарки — мед от Федора или сало от дяди Никиты, все отдавал матери. «Ты сама знаешь, — говорил он, — куда лучше что потратить, на что употребить». Он не был скаредным человеком. Все для семьи. Все для нас. Последнее одеяло, последнюю подушку — дочери. У нее самой дети распутят.

На коляске нам с Иваном кататься не разрешал. Объяснял: «Она не для баловства, а для дела предназначена. Разбогатеем, велосипед вам купим, тогда и катайтесь».

Уже в сентябре 1958 года отец заболел. Отказывался даже есть любимую им хамсу с картошкою. Подолгу беседовал со мною. Просил не ограничиваться средней школой, а учиться дальше. «Время сейчас такое, — убеждал он, — без знаний никуда».

О том, что он еще завещал мне перед своею кончиной, я выразил в стихах:

*Уже в постели, тихо умирая,
Отец наказывал, чтоб жили хорошо.
Чтоб мать берег!
И добавлял, вздыхая:
Ведь Полю я —
В Китаеве нашел.*

Отец всегда любил свою половину и никогда не раскаивался в своем выборе, хотя для этого ему пришлось испортить отношения со своею мамой, бабушкою Маврой Андреевной. С цельным, прямым и сердечным характером был человек. В октябре 1958 года мы похоронили его в «Ёлках». У его могилы я посадил маленькую сосну. Превратившись в мощное дерево, она и сегодня охраняет сон доброго, первого настоящего друга, моего дорогого отца. Светлая ему память!

Мать

*Хотела мама одного:
Свести концы, хоть мало-мало.
Не зная счастья своего,
Она другим его желала.*

Маленькая, хрупкая, но исключительно трудолюбивая, моя чудесная мама вынесла такую безмерную тяжесть, перенесла столько страданий, что невозможно рассказать. А надо! По долгу любящего сына.

Мама родила шестерых детей. Троих сынов и трёх девочек, две из которых умерли в первые годы голодных 30-х. Предпримчивая свекровь Мавра Андреевна не стала в те смутные годы дожидаться раскулачивания. Распродала, что могла и укатила в Серпухов. Внуки ей были в тягость. Отец добывал деньги на торфоразработках.

Мамая одна-одинешенька, как тонкий стебелёк на ветру, оказалась без всякой поддержки, безо всяких средств сосуществования. День и ночь превратились в настоящий ад. При-

ехал отец. Стало легче, а тут его проклятая инвалидность. Наконец, оккупация и эвакуация. Потеря старшего сына, угнанного в фашистское рабство. Превращение в бомбовую воронку родного дома. Землянка. Поиски зимнего пристанища. Невольное расставание с мужем. Позже с единственной помощницей дочерью, насилию приставленной к обучению в школе ФЗО.

Как неустанный муравей, как трудолюбивая пчела, с миру по палочке, по цветку, по нитке, по щепке, по колышку да бревнышку она, наконец, выстроила хатку.

Пережив боль разлуки с больным, но любимым человеком, перетерпев унижение ревностью, она вытребовала мужа в деревню, вернула отца малым детям. Все для них, для семьи, для колхоза и страны. Только ничего, кроме беспросветного труда и забот, для себя.

В детстве сердцем, в юности умом, я сознавал, поистине, героический, беспримерный подвиг матери, ставшей наперекор всем превратностям судьбы. Вот почему я так горячо воспринял заветы отца, поклявшись, что не оставлю мать до конца её жизни.

Работал и учился. Отказался от городской квартиры. Выгодной женитьбы, карьеры военного журналиста, с двумя Дипломами Университета я прибыл в деревню. К маме.

1968-1970, последние годы жизни, мама называла самыми счастливыми. Работая директором школы, я не только обеспечивал кормом корову Милку, но и отстроил ей заново дворы и сараи. Мама полюбила мою жену Валю, которая, как и она, отличалась трудолюбием, бескорыстием и верностью долгу.

Мама поистине боготворила свою самую младшенькую внучку Ирину. С тетей Маришею за 30 верст, на перекладных, она приехала к её дню рождению, чтобы полюбоваться ею. Подержать, потешкать в руках. Разглядеть в её лице следы своей, козинской породы. Точно так, как сегодня я вижу, в походке и манерах говорить, приверженности к труду, доброте и отзывчивости любимой внучки Насти дорогие черты матери. Её незабвенной прабабушки, так и не дожившей до встречи с правнучкой. Свахе Вере Андреевне повезло, она общалась с обоими правнуками — Максимкой и Настей, а вот ей такого счастья не выпало.

В конце октября 1970, перенося с одного дома в другой доски, мама упала. Тяжелый груз своими острыми концами переломил её шейные позвонки. Как и у отца при падении с крыши сарая, так и у неё был перебит нерв. Через две недели она умерла у меня на руках в Болховской районной больнице.

Все три её сына: Александр, Иван и я, провожали мать в последний путь. Положили мы мать в могилу, что рядом с отцом, у заветной сосны. Встреча любимых супругов состоялась через 12 лет.

Как и отец, мать оставила мне свои заветы. Любить и беречь жену. Вырасти здоровой дочь. «Валя твоя, — говорила она, — не только красивая, но и хорошая, приветливая и отзывчивая. Живите дружно. Дай бог вам и дочке вашей, внучке моей Ирочки — счастья да добра».

Трагедия оглушила, сковала меня. Я верил в бессмертие матери, она же, как я считал, это заслужила. Сама её жизнь — это каждодневный подвиг! Она только начала жить. Друг семьи, редактор Беликов, уже позондировал в райкоме партии на предмет моего перевода из Сурьянино в Репнино. Поближе к маме. Там не возражали. И, я уверен, что не случись такое неожиданное горе, то планы стали бы реальностью. Я бы стал директорствовать в школе, которую когда-то закончил, а не известной Золотаревской средней. Судьба же все перевернула, переинчила. Человек предполагает, а господь располагает.

*Если можно б все начать сначала,
Если б я предвидеть только мог,
Я бы спас тебя, родная мама, —
От нелепой смерти б — уберег!*

Спасти, однако, не удалось. Перед кончиной мать просила меня: «Ты, деточка, зря не траться. Поставь мне крестик на могилу, да иногда проведывай».

Я сделал несколько больше. Поставил на родительских могилах не только железный крест, но и обнес её железной оградкой. Каждое лето я не только навещал, но и облагораживал их. В остальное время года за ними присматривала племянница мамы Антонина.

Как-то она, вдруг, сказала мне: «Петя! Михневские школьники читают на концертах и вечерах твои стихи об отчём крае, отце и маме. Решили проведать могилу твоих родителей, а найти не смогли, — нет ориентиров».

Муж кузины Василий Бондарев в 2003, почувствовав себя плохо, без обиняков, прямо, потребовал сооружения памятника.

Инженер-строитель Сергей Шмелев, мой орловский друг, помог мне выполнить наказ родственников: заказать и установить скромный железный обелиск с животворящим крестом.

В обустройстве приняли участие: сестра Антонина Ивановна, ее внука Света и мой внук Максим. Это произошло летом 2003 — в год 100-летней годовщины со дня рождения мамы — Козиной Полины Петровны. В этот же год его посетили мой брат Александр с сыном того же имени. Они поставили в корзине вечные цветы.

Спустя два года, в 2005, уже в год 100-летней годовщины отца — Козина Дмитрия Ивановича, родительский приют посетили моя дочь Ирина с мужем Игорем Корнеевым. Впервые вместе с ними здесь, на могиле, в отчём kraю деда, побывала и семилетняя внучка Настя. Я безмерно радовался, когда она самостоятельно прочитала имена своих предков, а затем и мою эпитафию на обелиске:

*Не торопись. Остановись.
И поклонись могиле этой —
Здесь спят
Родители поэта,
А потому, их вечна жизнь!*

«Сбылось, — рассуждал я про себя, — установилась связь времен и поколений. Мои внуки теперь будут помнить своих предков. И не будут, как мы, жить Иванами, не помнящими своего отца. Да и мои читатели и поклонники всегда найдут след к дорогим моему сердцу именам».

БРАТЬЯ И СЕСТРА

*Рубеж добра — он искони за нами,
И разве мы не дружбою крепки.
Пётр Родичев.*

Радостно, что мы не оказались одинокими Робинзонами на необитаемом острове. Нас у родителей было четверо: трое братьев и сестра. Хоть неумолимый рок событий и разнес нас по свету, хотя и жили мы в разных краях, но спасительные письма, короткие визиты, а порою и длительные встречи, объединяли нас.

Как в доме Облонских, так и в нашей семье все смешалось, — царила большая путаница с однозначными именами. Бедная мама, порою, сама путалась в Сашах и Нинах.

Действительно, два брата — Иван и Александр женились на девушках с именем — Нина. Родители стали их называть, соответственно, по старшинству. Все бы ничего, но у Александра и Ивана родились сыновья, которых они нарекли — Александрами. Получилось хуже, чем у Дюма! Тех только двое — отец и сын! Но зато, как у царей династии Романовых — Александр — Первый, Второй и — Третий.

Окончательно картину испортил сын «старшего», Александр-Второй, обвенчавшись с тамбовской красавицей всё с тем же именем — Нина. Вот и получается — три Нины и три Александра.

Для упрощения и большей ясности старшего брата я назову так, как это было принято у государей великой Российской империи.

Александр Первый

*Когда война змеёй подкрадлась,
В фашистский ад он угодил!
Болезни, голод — всё досталось,
Но выстоять, — хватило сил!*

Поистине, многострадальная судьба у моего старшего брата. 1925 года рождения, он был всего на 20 лет моложе отца, а потому яснее и болезненнее воспринимал просчеты родителей. Тем более, что анализ их жизни он уже делал по прошествии многих лет. С высоты приобретенного опыта.

Но как упрекать Александра в излишней экспрессии, взрывном характере, если на его долю выпали нескончаемые болезни, холод и нищета. Если на его глазах умерли от голодной смерти две сестрички. И сам он едва не скончался от дистрофии.

Разве не больно осознавать себя обделенным счастьем, когда, из-за безденежья, не смотря на успехи и огромное желание, пришлось оставить учебу в текстильном техникуме. Следом немцы, вцепившись коршунами, увезли на два года в фашистскую неволю.

Пришло освобождение, а тут Родина призвала на службу, затянувшуюся на долгих (1945-1951) шесть лет.

Все годы службы боевой танкист не забывал о родителях и братьях. Собирал, что мог, присыпал в деревню посылки. Надеялся, что они помогут им пережить послевоенное лихолетье. Его охватил ужас, когда узнал, что все, им отправленное на родину, тут же забирается ненавистными сборщиками налогов. Кого обижали? Семью инвалида, которому самому необходима была помощь. Будучи в отпуске, в 1949, он впервые предстал передо мною реальным братом. В раннем детстве я его видел, но не помнил. Наши совместные походы к трем танкам у Перелеска остались в моем сердце глубокий след.

Вернувшись из Германии, по окончанию службы, он обосновался в Серпухове, опираясь на поддержку бабушки Мавры и глухонемого дяди Петруши. Но слабоватой она оказалась. Найдя подругу жизни в лице очаровательной фронтово-

вички Нины, которую любовно всегда называл по отчеству — моя Федоровна, он стал строить свою жизнь. Самостоятельную. При этом опять не забывал родительский дом. Приезжал. Привозил гостицы. Отдавал мне, со своего плеча, пиджаки и рубашки. Звал родителей к себе, в Серпухов. Пытался, хоть и неудачно, пристроить и меня в городе.

Вначале, когда мама узнала, что её старший сын, молодой и ладный, вдруг женился на вдове с ребенком, огорчились: «Что он глупый, девушки себе не мог найти? Да, хоть бы на Насте Гапоновой женился. Она давно по нем сохнет!». Позже, когда сама познакомилась с невесткой, то, напротив, стала радоваться. Говорила: «Да такому неслыху, как мой Саша, одно спасение — эта умная, долготерпеливая жена».

Полюбили Нину Федоровну и мы. Когда бы я ни приезжал к ним, то всегда находил самый радужный прием. Заботливо и внимательною оказалась и ее дочь Галя. Она преждевременно ушла из жизни, оставив сиротою сына Сергея, хотя мой брат и сегодня не оставляет его без внимания.

От совместного брака у них родились: дочь Надя (1953) и сын (1956) Александр Второй. Надя, бессменный профсоюзный работник на текстильной фабрике, вышла замуж и подарила брату прекрасную внучку Оксану. С нею впервые я познакомился, когда мы ездили с братом в пионерский лагерь, где она в то время отдыхала. Встреча была радостной. Брат так и светился от счастья, целуя белокурую девочку. Сегодня Оксана, став взрослой и самостоятельной, оберегает покой своего любимого деда. Живет с ним в одной квартире. Неудачные браки и роды оставили отпечаток и на здоровье и на психике этой душевной, как бабушка Нина, молодой женщине. Но она, как может, старается быть оптимисткой.

*До зорьки поднимется — рано,
Чтоб деду сготовить поесть.
Для внучки любимой Оксаны,
Ведь он — и опора, и честь!*

Деловым, порядочным человеком оказался сын старшего брата — Александр Второй. Он окончил медицинский инсти-

тут. Долгое время служил начальником медсанчасти Тульского авиаполка. Мужественный офицер-патриот, он побывал во многих горячих точках: в Афганистане, Таджикистане, Сербии, Чечне. Будучи военным врачом, он спас от смерти и увехий многих бойцов и командиров. Я писал о нем:

*В запасе нынче боевой майор,
И в небе светят мирные зарницы.
Но ордена, медали до сих пор
Напоминают — злую заграницу.*

Действительно, на его кителе висят 16 боевых наград. Но его молодой и прекрасной жене Нине его отсутствие вылилось в раннюю седину и боль за судьбу двоих чудесных детей — Олесю и Диму. Она не пропускала сводок с фронтов. Смотрела все программы по телевидению. С замиранием сердца слушала известия о погибших и раненых в тех местах, где служил её отчаянный офицер-муж. Наконец, он вернулся живым и здоровым. Ушел в отставку. Приобщился к мирной профессии врача.

В апреле 2004 года на 81-м году жизни скончалась верная подруга брата, с которой он прожил более 50 лет. Сам губернатор генерал Громов поздравил их (2002) с юбилеем золотой свадьбы. Я участвовал в похоронах любимой невестки. На установленном памятнике ветерану Великой Отечественной войны Нине Федоровне Козиной, по просьбе её мужа и сына, высечена моя эпитафия:

*Страну собою заслонила
Она в суровые годы.
Всем помогала, всех любила,
За то и память, — навсегда!*

Мой старший брат, по праву, может гордиться не только женой и сыном, настоящими русскими воинами-патриотами, но и своими внуками. Олеся, например, окончила среднюю школу с золотою медалью, получив её из рук Тульского губернатора. Сейчас блестяще учится в политехническом Университете.

*Не в Белорусском Полесье,
А в Туле живет.
Сам Левша
Гордился бы ныне Олесей,
Настолько она — хороша!*

Успешно заканчивает своё обучение в средней школе и младший внук Дмитрий, получивший своё имя в честь своего прадеда. По примеру отца, он готовится стать офицером. Это он, Дима, прекрасно разбирающийся в компьютерном ремесле, проявил себя исследователем фамильного герба Козиных, открыв в интернете факт принадлежности к дворянскому роду. Дай бог, чтобы молодой Дмитрий Козин стал, наряду с моими внуками, Максимом и Настей, с которыми он лично знаком, достойным продолжателем нашего рода и его подлинным летописцем.

*Как в небо белая береза,
Струит на радость чистый свет,
Так летописец, — Дима Козин,
Я верю, — свой оставит след.*

*Не даром Настя говорила,
Когда он у неё гостил:
Я Диму сразу полюбила,
Мой братик добр и очень мил!*

В сентябре 2006 Александру Первому исполнится 81. Это возраст, когда нужно думать об эстафете поколений. Будущее нашего рода в руках наших внуков. Очень хочется, чтобы они, как и мы, старшие, стали на рубеж взаимного уважения, терпимости и добра. Ведь правильно заметил мой приятель, орловский поэт Петр Родичев, что мы лишь — «дружбою крепки».

Иван

*Знать не случайно брат —
с лица,
Фигурой, ростом — весь в отца!
У них единая судьба —
Увесье, и —
За жизнь борьба!*

Если старший брат Александр, пережив тяжелое детство и юность, в середине и в движении к финишу жизни обрел счастливую судьбу в жене, детях и внуках, то Ивану Дмитриевичу Козину, нашему среднему брату, вообще не повезло. Он повторил «подвиг» отца. Перенес тяжелые страдания, скончавшись в 49 лет (1937-1986).

Мы остановились в своем рассказе о нем на печальных событиях, связанных с аварией на шахте. После чего он забросил техникум, стал работать грузчиком, а потом мастером. Был, правда, еще небольшой срок службы в армии, из которой его комиссовали по болезни. Вернувшись в Ростов, он вновь вернулся к прежней работе на гипсовом заводе.

Будучи, как и отец, ростом в Петра Великого, под два метра, женился он на низкорослой, как наша мать, девушке. Его избранница родом из Сальска, симпатичная шатенка Нина Михайловна трудилась лаборанткой на том же предприятии, что и молодой муж.

Молодые супруги получили квартиру в городке гипсового завода, где Иван вскоре стал занимать должность коменданта. Больше того, рабочие завода избрали его председателем профсоюзного комитета. Казалось, что жизнь складывалась, по меркам социалистического быта, вполне удачно. Он и в КПСС вступил. И меня, после переезда из Иваново, к себе на работу и жительство взял и на квартирный учет поставил.

От совместного брака родились два сына — Сергей и Александр (Третий). Старшего, Сергея я помню 8-летним мальчиуганом, тихим и скрытным, как отец. И подумать не мог, что из него вырастит преуспевающий актер Краснодарского драматического театра.

*Всё есть сегодня у него —
Овации, восторги, розы!
Актёр, что надо, но в кого?
В себя, как видно.
Он же — Козин!*

Сергей женат. Супруга заведует сауной. Их дочь Маша окончила балетное училище. Ей 17 лет. Блестящая танцовщица! Семья, однако, живет скромно. Зарплата актера 4-5 тысяч. Не густо, судя по ценам товаров. Сергей Иванович живет в Краснодаре, но в Ростов заглядывает, проводит, помогает маме делать ремонт в квартире.

Младший сын брата Александр также в браке. Его Светлана оказалась внимательной и заботливой женой и матерью. Их сын Леша — десятиклассник. Живут в Батайске. Саша работает инкассатором.

*Опасная эта работа —
Деньги в госбанк доставлять.
Бывает, кому-то охота
Их просто, простите, —
Отнять!*

Теперь, когда с судьбою детей все ясно, остается сделать несколько штрихов к портрету их родителя.

В 1965 году я пережил две душевые травмы. Одна (о ней я узнал из некролога «Литературной газеты») была связана с трагической смертью в Мурманской гостинице (отравление спиртом) любимого поэта-земляка Дмитрия Блынского. По уровню поэтического дара, он — поистине, второй Есенин. Ему я тогда (написал в тот же день) посвятил статью-отклик «Светлый талант», опубликованную в «Орловском комсомольце».

Второе горе — встреча в стационаре Ростовского медицинского института с получившимувечье братом Иваном. Он лежал на кровати, укрытый белою простыней, выглядел бледным. Еще бы! У него вырезали селезенку, отняли ряд кишок. Слушая его рассказ о случившейся с ним бедой, я не удержался, сказал:

— Ну что, брат, повторяешь «подвиги» отца?!

— Получается, что так, — печально согласился он.

Дело обстояло банально просто. Одна из жительниц заводского поселка попросила коменданта починить крышу их двухэтажного дома. Высокорослый брат взобрался на неё, чтобы исследовать и уточнить число листов шифера, которые потребуются для ремонта. Не удержался и скатился вниз, на асфальт. От удара у него разорвался живот. Выбежавшая из находящегося рядом с домом детского сада, медсестра бросилась на помощь. Собрала выпавшие кишечки в живот, перевязала. На вызванной скорой помощи Ивана доставили в медицинский институт, где и провели сложную операцию.

Упал Иван с высокой крыши.

Болел. Лечился без конца.

Видать, по умыслу Всеышнего

Он повторил судьбу отца.

Оклемавшись, после лечения Иван окончательно задурил. Приученный с детства зятем Николаем, у которого он с сестрой Машею долго жил, к алкоголю, брат ушел в запой.

Последствия сказались быстро. Руководство завода освободило его от всех занимаемых им должностей. Средства для существования он стал зарабатывать, как некогда прежде, грузчиком. Семье денег не приносил. Начались конфликты. Приступы болезни. А там и превременная, в 49 лет, смерть. Ему не повезло увидеть и порадоваться внукам — Маше и Леше. Им, в свою очередь, не посчастливилось знать деда, которого некогда так горячо любила их бабушка Нина Михайловна. С нею, хотя и редко, он посещал Сивково. Ветхую хатку под соломенной крышей, через которую в пору дождей, как через решето, струилась вода. Грустная романтика. Но, что поделать, если таковую была наша отчая колыбель.

Мария

*Был праздник всегда в нашем доме,
От вечера и до утра,
Когда к нам с далекого Дона
Заглянет в деревню сестра.*

Мария Дмитриевна Приходько (Козина), верная подруга донского казака Николая Максимовича подарила своему мужу трех здоровых казачат. Из них сегодня, судя по письму невестки Нины, в живых остался один старший сын — Владимир. Он с 1949 и всего на 9 лет моложе меня. Средний, Миша, некоторое время живший у бабушки в Сивково, а также младший, Виктор умерли преждевременно. Более по слепой трагедии. Как выражаются, по слухам увлечения «зеленым змеем». Да и старший Вова по этой же причине сломал ногу. И более существует, чем живет.

Могла ли такое предвидеть умная и сильная, всегда добрая и серьёзная сестра? Нет, конечно. Она повседневно боролась за их счастье, за здоровье мужа, злоупотреблявшего алкоголем. Ругала его за дурной пример детям. Но он наперегонки с братом Жорой продолжал пить. Как же, они — казаки! А у них в Войске Донском, даже на печати выгравирован казак с шашкою на голом теле. И сидит он на бочке с вином. Стало быть, со времен Петра Великого им завещано — гулять и напропалую бражничать.

Сбили с пути они и юного брата Ивана, жившего в их доме с 1954 года. У него к азарту фанатичного болельщика за ростовских «армейцев-футболистов» добавилась еще и страсть к пиву. К чему это все привело, мы ранее рассказали.

Не станем повторяться, какая отзывчивая на чужую боль была моя дорогая сестра. О своей же боли она не рассказывала родителям. Не хотела ранить их сердца, и без того отягощенные страданиями. Однако после того, как Николай Приходько побывает в деревне в гостях у тестя с тещей, да наберется самогону, им и без того становилось ясно — зять злоупотребляет.

Подобное увлечение приводило к скандалам, к неурядицам в семейной жизни сестры. Ссоры, известно, до добра не доводят. Здоровье сестры пошатнулось. В 1963 году, в возрасте 33 лет, она умерла от болезни Боткина.

Мама, старший брат Александр и я приехали в Ростов, чтобы проводить её в последний путь. Нашему горю не было конца. Мне вспомнилось все. Утерянные и вновь обретенные с её помощью ботинки, деньги, присылаемые в конвертах. Конфеты и пряники, которые мне казались сладче меда. Лихая матроска, которую я выпачкал в туалете, когда доставал упавший звонок. Я очень боялся, что она испортится, пропадет. Но мама ее выстирала, и я вновь продолжал с мальчишней гордостью являться в ней в школу.

Смерть сестры явилась поводом моего переезда из Иваново в Ростов. Мать считала, что трезвый Петя сумеет положительно повлиять на зятя. Но не тут-то было. Николай, пренебрегая условностями, быстренько вновь женился. Привел к детям мачеху. Когда и та умерла, то женился на её сестре. Не поладив, разошелся, и вновь у ребят новая мать — мачеха. Дурной пример заразителен. Потому, нет необходимости объяснять, почему судьба детей сестры Марии столь трагична.

ШКОЛА ПОЛКОВНИКА ФЕДОТОВА

*Далеко мой дом,
Что лесами скрыт.
Здесь лишь степь кругом
Широко лежит.*

Служба во благо Отечества — священная обязанность. На людей в военной форме в нашем селе смотрели с уважением. Их почитали. К тем, кто не служил, относились с недоверием. Даже ловкачами называли. Готовились в армию и мы — мальчишки, чье детство опалила война.

В Болховском райвоенкомате первая медицинская комиссия допризывников меня серьезно обескуражила: хронический танзилит. Всему виной многолетние походы в Репнино и обратно. В дождь и ветер, в пургу и мороз. Порою дважды в день. А я так хотел в армию. Врачи объяснили, что без операции могут зачислить лишь в пехоту. Как в пехоту, когда я уже знал устройство автомобиля?

Согласился, чтобы удалили гlandы. Оперировали весною 1959 года в областной больнице. Через пять дней выписали.

Первое знакомство с Орлом было приятным. Я долго бродил по улицам и скверам. Посетил несколько книжных магазинов. Покатался в автобусе и трамвае. Отведал «газировки» со сладкими пирожками и пончиками. В «Победе» впервые увидел цветное кино.

Очень обрадовался встрече с Михаилом Гришиным, другом моего детства. Он окончил строительное училище и теперь на возведении Дома Советов вязал арматуру для купола его круглого зала. Позже, став инженером, он построит 32 школу, которую окончит моя дочь Ирина и соорудит корпуса 13 школы, где мне доведется учительствовать. Больше того, Михаил Семенович заложит основы 14-этажного дома по улице Степана Разина, где сегодня проживает известный писатель Василий Катанов. Поистине — земля круглая. Служить же ему доведется в автономной республике Коми. Оттуда он и привезет в Сивково жену. Молодые, пылкие мечтатели, в ту

встречу мы долго разговаривали. Как же мне хотелось поскорее стать солдатом!

В Болхове обратился к военкому, Герою Советского Союза майору Шаронову с просьбой направить меня на курсы шоферов. Низкорослый, смуглолицый офицер объяснил мне, что я опоздал! — группа сформирована. Стал упрашивать его о досрочном призывае. «Доброволец, нашелся, — резко ответил военком, — надо будет, — сами призовем, не спросимся». Так и вышло.

1.

В листопадную пору октября вместе с мамой и соседкой Софьей Федоровной Кузиной, что добровольно вызывалась меня проводить, я прибыл в райцентр.

— Служи, сынок, честно, — наказывала мама, — командиров слушайся! Да не забывай весточку присылать. Ведь последний ты у меня.

— Невесту себе не спеши заводить, — широко улыбаясь, советовала соседка Софья, — отслужи без хомута, а там видно будет. О матери не волнуйся. Я присмотрю.

Из Болхова на специальном автобусе нас доставили в Орловский областной призывной пункт, где мы переночевали, а к вечеру следующего дня новобранцев усадили в вагон. Загорелся зеленый глаз светофора — поезд медленно, но уверенно стал набирать скорость. Куда едем? Где будем служить? В каких частях? На эти волнующие вопросы ни сержанты, ни офицеры, сопровождающие нас, ответов не дали. «Скоро все сами узнаете, — говорили они».

Путь был утомительно долгим. Наконец, перед рассветом нас высадили из вагонов. Поезд умчался, а мы оказались среди поля. Поодаль, справа, мерцали огни. Прямо к ним и направились наши нестройные колонны. Час спустя мы были в расположении воинской части. И только тут узнали, что будем служить в городе Боброве Воронежской области.

2.

Бобров. Заштатный городишко срединной России. Наш древний град Болхов, осевший на 9 холмах, со своими знаме-

нитыми курантами Спаса-Преображенского собора и многочисленными церквями и монастырями в сравнении с одноэтажным, равнинным Бобровом казался мне чудо городом.

Отряд, состоящий из нескольких десятков человек, имевшийся ротой. Крепко сбитый, энергичный, с зычным голосом ефрейтор командовал нами со знанием дела. С утра до вечера мы были под его неусыпным оком. Как-то после отбоя я решил почитать. Благо лампочка висела прямо над моей кроватью и горела всю ночь. Достал из-под подушки книгу и сразу же оклик:

— Прекратить чтение!
— Я никому не мешаю, — пытаюсь возразить.
— Встать! Одеваться! — ефрейтор мгновенно оказался у моей кровати.

— Есть! — отвечаю.
— За мной, марш!

Привел в туалет. Вручил тряпку, веник, ведро с водой и пояснил:

— Должно быть так чисто, чтобы носовой платок не испачкать.
— За что?! — недоумеваю я.
— За нарушение режима.
— Убирать не буду.
— Ещё как будешь!

Ефрейтор вышел в коридор и стал куда-то звонить по телефону. Не прошло и пяти минут, как меня пригласили в комнату, где уже сидел молодой капитан с красной повязкой на рукаве — дежурный по части.

— Ваша фамилия? — вежливо спросил он.
— Рядовой Козин.
— Почему не спите?
— Не хочу.
— В армии нет слов: «не хочу», «не могу». Есть — приказ! А вы после отбоя книги читаете.
— Я никому не мешал.
— Но вы нарушаете воинский Устав.
— Не знаю.
— Я потому и беседую так терпеливо, что вы еще армейс-

ких порядков не знаете, что только проходите курс молодого бойца. Но твердо запомните: приказ начальника — закон для подчиненного! Что вам приказано?

— Убирать туалет.

— Если все понятно, то идите и выполняйте.

Отправившись в туалет, я взялся за метлу. Вскоре явился ефрейтор:

— Отбой!

Через спальный зал устремился к своей кровати. Быстро разделся и под одеяло. Уснул крепко. С тех пор не читал по ночам. Зато днем — в каждую свободную минуту. С упоением прочел повесть воронежского писателя Владимира Кораблинова о Кольцове. Стали еще ближе стихи:

*Вся жизнь моя — как сине море,
С ветрами буйными в раздоре —
Бушует, пенится, кипит,
Волнами плещет и шумит.*

Послали нас в колхоз убирать кукурузу. Увидел я широкие, равнинные, бескрайние поля. Как казалось, именно среди этих безоглядных просторов перегонял гурты молодой Кольцов. Именно здесь, под вольным ветром и бездонным небом родилось:

*Широко ты, степь,
Пораскинулась!
К морю Черному
Понадвинулась!*

3.

Полковая школа. Это учебное подразделение 322-го гвардейского истребительно-противотанкового, артиллерийского, Катовицкого, краснознаменного полка готовило сержантов — командиров орудий. Набор производился с учетом наличия среднего образования и крепкой физической подготовки. Я попал в отделение из 7 человек. Наш командир, младший сержант Ладыжинский — орловец, украинского происхождения.

Ростом он был, как мы шутили, с колокольню Ивана Великого. Получал двойное довольствие. Носил сшитую на заказ одежду и обувь. Простодушный, покладистый, он нередко делался одним из своих блюд. Мы его уважали.

Помощник командира взвода сержант Вельмисов родом из Литвы. Низкорослый, сутуловатый крепыш, с подозрительным, а порой и злым взглядом отличался неукротимым деспотизмом. Особенно доставалось «на орехи» за малейшие прегрешения азербайджанцу Раджабову и узбеку Умарову. Еще и потому, что они плохо знали русский язык.

— Что ты мычишь, как мулла на минарете?! — отчитывал одного.

— Подтяни ремень, не то свои «наманганские яблоки» растрясешь! — донимал другого курсанта.

Доходил сержант и до рукоприкладства. Я почти был уверен, что столкнусь с ним на узкой дорожке. Так и вышло. Но об этом позже.

Командир взвода, старший лейтенант Красовский был выдержаным, образованным офицером. Замполит Антипов, уже немолодой, всегда строгий, холодный в общении капитан в своих неизменных очках, больше походил на классную даму, чем на боевого офицера.

О начальнике школы, подполковнике Борисе Алексеевиче Федотове стоит поговорить подробнее. Это был — неординарный человек! Я находил в нем много общего с Наполеоном. Но только не внешне. Известно, что Бонапарт — низкоросл, невзрачен, угрюм. Федотов, напротив, являл собою образец гвардейского офицера. Он — галантен, строен, красив, раскован. Он был таким, что, и в шутку и всерьез, невольно хочется вслед за Аллой Пугачевой воскликнуть: «Ах, какой был мужчина — настоящий полковник!».

Забегая вперед, замечу, что спустя семь лет я повстречал его в Ростове уже в звании полковника. Так что без всякой натяжки, он был «настоящим полковником». И по званию. И по призванию. Все-таки трудно удержаться от сравнения: Наполеон — Федотов. Во-первых, обоюдная увлеченность артиллерией, коей они посвятили многие годы своей служебной карьеры. Во-вторых, у Бонапарта помимо трактата по баллисти-

ке «О метании бомб» остались в его бумагах того времени беллетристические наброски, философско-политические этюды. Борис Алексеевич так же написал немало курсовых работ по баллистике. И ему оказалась не чужда увлеченность литературой и политической философией. Он нередко пописывал публицистические статейки и даже, как втайне мне признался, стихи. Если Бонапарт в 24 года из капитанов «прыгнул» в бригадные генералы, то лейтенант Федотов в 19 лет командовал боевой ротой, заслужив досрочное звание. Как и Наполеон, он не был склонен к рисовке молодечеством, лихой отвагой и бесстрашием, подобно французским маршалам Мюрату и Нею или русским генералам — Милорадовичу и Скобелеву.

Но, с другой стороны, они оба полагали, что если обстоятельства сложатся так, что личный пример решительно необходим, то военачальник должен, не колеблясь, идти под огонь. Как Наполеон прошел по знаменитому «карнизу» и Аркольскому мосту под огнем неприятеля, так и молодой офицер Федотов, не раз поднимая бойцов в атаку, невзирая на посвист пуль и снарядов, шел впереди. И однажды, что было и с Наполеоном, оказался раненым. Осколок угодил в грудь. Много лет давала о себе знать поврежденная осколком аорта. Она-то и не позволила Федотову «выйти в генералы».

Федотов всегда умел создавать, усиливать и поддерживать свое личное обаяние и власть над солдатской душой.

...Спортзал. Сдавали «коня». Шло соревнование на лучший прыжок через гимнастического коня. Один за другим, по команде начальника школы, прыгали, соблюдая субординацию: офицеры, сержанты, курсанты. Отлично прыгнувшие отходили в одну сторону, неудачники — в другую. Федотов, невзирая на известное ранение и боль, взял разбег и совершил красивый прыжок, — школа ахнула от восторга! Затем подозвал меня, ласково взял за голову и приложил к своей груди: «Слушай, что там?». Ответил, что услышал шум, будто надрывно и с хрипом вздуваются меха, «Это аорта, — объяснил командир. И тут же, улыбаясь, добавил, — но если надо, то о ней можно и забыть».

...Стояли в карауле. Охраняли огромный склад боеприпасов в двух-трех километрах от Боброва. Город спал, притушив

огни. Прохаживаясь между рядами колючей проволоки, я вдруг, увидел приближающиеся фигуры. Узнал Федотова и Красовского. Снял карабин:

— Стой! Кто идёт?!

В ответ — гробовое молчание. Догадываюсь, что подвергаюсь испытанию на выдержку. Щелкнул затвором.

— Стой! Стрелять буду!

Вновь молчание. Противостояние усилилось. Первым не выдержал старший лейтенант Красовский. Я услышал его голос:

— Начальник караула и проверяющий...

— Ты и впрямь готов был стрелять? — спросил Федотов.

— Так точно.

— Ну-ну. А знаешь ли ты, что охраняешь?

— Так точно. Склад боеприпасов.

— Известно ли тебе, что коль он взорвётся, то весь Бобров взлетит в воздух?

— Никак нет.

— Так знай. И будь, как и теперь, бдительным.

— Есть быть бдительным!

...Шли зимние учения. Снег. Мороз. Ветер. Мы разворачивали пушки к бою. Федотов собрал группу разведчиков и во главе её направился на рекогносцировку. Впереди, среди пушистых елей, три палатки. Командир приказал их обследовать. Вдруг крикнул: «Газы!».

Подполковник ловким движением одел противогаз и бросился в одну из палаток. Не догадываясь, что это всерьез, мы кое-как одели противогазы и устремились вслед за ним, а часть — в другие палатки. И горе было тому, кто проявил небрежность. Хотя концентрация иприта была незначительной, но покашлять и прослезиться на трескучем морозе пришлось многим. Это было хорошей наукой.

...Ленинская комната. Все в сборе. В руках у Федотова популярная тогда книга Александра Бека «Волоколамское шоссе». Громкие читки повести продолжались не один день. И на этот раз каждое слово автора в устах подполковника звучало, как боевой набат — звонко, отчетливо, твердо. «Вы — завтрашние командиры отделений, воспитатели, — говорил Федотов, — учитесь познавать, наблюдать и думать».

4.

Был наш командир примерным мужем. Видел его с женой на улицах, в кинотеатре, в парке. Однажды и в зале Боровского Дома культуры на концерте артистов Ансамбля песни и пляски Советской Армии имени Александрова. Концерт мне так понравился, что я написал о нем в районную газету. Напечатали.

— Я и не знал, что у меня в школе есть свой корреспондент, — сказал, вручая мне газету, подполковник, — дело стоящее. Пиши.

С того времени начал замечать, что Борис Алексеевич как-то стал отличать меня от других. Когда ненароком Ладыжинский пожаловался ему на мое «витание в облаках», Федотов посоветовал младшему сержанту:

— Найди к Козину подход. Он же особенный — романтик...

— Да он пушкой совсем не интересуется.

— Увлеки.

— Как?

— Ищи пути. Ты же — командир.

Как-то, в очередной раз отчитывая меня за невнимание на занятиях, Ладыжинский не выдержал: «А еще подполковник говорит, что к тебе особый подход нужен. Тебя гонять чаще нужно, чтобы сползла вся романтическая шелуха. Принимай наряд на кухню».

Молодая, красивая, подстать супругу, в ярком пальто с лисой-воротником, подполковница посещала нашу школу. Конечно, не мы интересовали столь знатную особу. Её прельщал, как и всех нас, телевизор, что был в ту пору — конец пятидесятых — большая редкость.

Спустя семь лет, встретившись в городе Ростове, полковник Федотов познакомился с моей женой: мы только что поженились с Валентиной. Когда наедине я высказал ему огорчение, что не всегда нахожу со своей прекрасной половиной общий язык, Борис Алексеевич резонно заметит: «А как на счет, — шить, стирать, готовить?». Отвечаю, что с этим, мол, все в порядке. «Чего же ты еще хочешь от нее? Быть соратником, единомышленником? Напрасный труд. Высшее предназ-

наченые женщины — это быть матерью, сестрою, подругой. Главное — хорошей хозяйкой. В политику их пускать не обязательно».

Невольно припомнилось, что и Наполеон не мог терпеть знаменитую госпожу Сталь за излишний для женщины политический интерес, за её претензии на эрудицию и глубокомыслие. Полковник Федотов всецело разделял эти идеи своего кумира. Его жена была врачом и неплохоправлялась со своими обязанностями.

Старались и мы. В назначенное время вытаскивали из ангара пушку. Устанавливали ее на плацу, и начиналось священнодействие. В течение получаса каждый успевал побывать наводчиком, заряжающим, командиром. Ствол, броневой щит, станины, прицельный прибор, замок, ящики со снарядами — все было в образцовом порядке. Изучено и освоено. Хотя математику и физику я еще в школе терпеть не мог. Так же теперь и не испытывал особого влечения к материальной части орудия. Но, заражаясь боевым задором сослуживцев, порою, получал удовольствие от учебных стрельб. Их мы проводили на полигоне, за городом.

5.

Особая слабость Федотова — строй и песня. Забавно было наблюдать, как красавец-подполковник, забегая перед строем, усаживался на корточки и, будто гусь, вразвалочку отступая назад, бдительно высматривал недостатки в марширующих шеренгах:

- Чистяков, тяни носок!
- Гудов, выше ногу!
- Рязанцев, убери живот!
- Вельмисов, запевай!

Белобрысый помощник командира взвода, внутренне собравшись, заводил:

*Путь далек у нас с тобою
Веселей, солдат, гляди.*

...Однажды на плацу появился широкоплечий, коренастый с мужественным, добрым лицом полковник. Это был сам

Синегубов — командир 322 гвардейского, артиллерийского полка. Внимательно наблюдая за марширующими курсантами, он нашел, что мы достойно можем представлять вверенную ему боевую часть на военном параде.

Известно, что в 1960 году еще существовал Воронежский военный округ, штаб которого и организовал его по случаю празднования 1 мая. За неделю до начала торжеств мы прибыли в Воронеж. Сердце мое билось от восторга. Проезжая тихую Кольцовскую улицу, невольно вспомнились дивные строчки:

*Я в Воронеж хаживал
За харчами, деньгами,
Чаще — за отцовскими
Мудрыми советами.*

Когда писались эти стихи, поэту было двадцать. Около того было и мне. Это возраст первой влюбленности:

*Раз один в Воронеже —
Где не помню, — встретилась
Со мной одна девушка
Со смазливым лициком.
Умильными глазками,
Осанкою, поступью,
Речью лебединою
Воспламенила молодца.*

Прогуливаясь, я вглядывался в миловидные лица воронежских девушек. Хотя, честно признаться, в ту пору меня волновали не столько красавицы, сколько сам Алексей Кольцов и другие знаменитости — те, кто связал свою жизнь с этим славным степным городом. Защищая его, в грозном сорок втором, под гусеницами фашистского «Тигра» найдет свою смерть мой будущий тестя, рядовой Алексей Цыбаков. Невольный тезка чудесного автора-песенника.

Здесь, в 1926 году, после большого заграничного путешествия гостил Владимир Маяковский. Со сцены старинного Воронежского театра, где развлекал публику великий Моча-

лов и куда хаживал сам Кольцов, трибун революции бросал в зал строки, посвященные памяти Сергея Есенина:

*Вы ушли, как говорится, в мир иной.
Пустота. Летите, в звезды врезываясь...*

Имена, имена. Забегая вперед, замечу, что через десять лет, а именно весною 1970 года я вновь побывал в Воронеже. И даже подумывал надолго обосноваться в нем. Часть города тогда готовилась к затоплению, — сооружалось водохранилище. Постоял у здания Университета. Полюбовался пенистыми садами и цветущими скверами. Сел в трамвай и вновь, как прежде, покатился по тихой Кольцовской. Наполненный сладостными видениями, я задумчиво глядел в окно и не заметил, как на конечной остановке возле меня собрались три молодые контролерши.

- Ваш билет? — строго спросила одна из них.
- Я — заяц! — беспечно отвечаю.
- Коли заяц, то следуйте за нами в диспетчерскую.
- Слушаюсь и повинуюсь, — не меняю я шутливого тона.

В полутемной комнате, куда меня провели, оказались еще двое молодых женщин. Я находился в таком романтически-приподнятом настроении, что меня совсем не расстроил штраф. Сохраняя спокойную веселость, предложил: «А можно я вам почитаю стихи?». Девчата лукаво переглянулись: «Что ж, читайте. У нас время есть». И я начал декламировать кольцовский «Вопль страданий»:

*Напрасно я молю святое провидение
Отвести удар карающей судьбы.*

Дамы, поняв, расхохотались: «Так он нас разжалобить хочет. Не выйдет!». Никак не отреагировав на реплику, я стал читать думу поэта «Жизнь»:

*Умом легко нам свет обнять,
В нем мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать —
Мы все как будто понимаем.*

С упоением я читал также известную «Повесть о моей любви», посвященную воронежским девушкам. Напропалую штушил и острил. Поведал о себе. О своей службе на их земле. О первомайском военном параде в памятном 60-м. И тогда, как воскликнул бы знаменитый Остап Бендер: «Лед тронулся!» Воронежские красавицы поверили в искренность моей Одиссеи. Душевно растроганные, они честно признались: «Мы-то вначале думали, что вы — жулик! Они, как правило, ездят без билетов. При проверке стараются поскорее удрать. А вы — нет. Вы — просто хороший, интересный человек! Заглядывайте к нам. Стихи почитаете, и нам скучно не будет».

Одна из контролеров, старшая, взяла со стола мой злополучный трояк и решительно протянула мне: «Деньги свои, пожалуйста, возьмите, — и, улыбнувшись, добавила, — в качестве гонорара за концерт. За Кольцова!».

6.

Потом был парад. Сердце цвело всеми цветами радуги. Приказом по штабу округа — всем курсантам полковой школы была объявлена благодарность. Не прошло и месяца, после возвращения из Воронежа, как нас, бобровцев, вновь командировали. Но на этот раз — в Лиски. В этом городке еще целы были знаменитые Буденовские конюшни. В них, правда, уже не стояли горячие боевые кони, готовые носить по бескрайним степям удалых бойцов или раскатывать по долинам и взгорьям «таchanку-ростовчанку» — гордость и красу красной конницы. Здесь теперь размещались военные склады. В длинных и узких, в коротких и широких зеленых ящиках лежало некогда боевое снаряжение и вооружение красных конников. Шашки и сабли. Седла и уздечки. Винтовки образца 1897 года. Карабины и автоматы. Пулеметы и минометы. Снаряды, мины, гранаты, патроны.

Все это пересматривалось. Перепроверялось. Пересчитывалось и перекладывалось. Вновь заполненные ящики грузили на автомашины. Увозили. Часть вооружения переносилась в другие склады, — такова была наша работа.

В казарменном быту за главного у нас был помощник командира взвода Вельмисов. Однажды, он вместе с другим сер-

жантом, — подвыпил. Раньше такого не случалось. В полку было ЧП, когда двое младших командиров, будучи в увольнении, напились и устроили дебош с местными парнями. Так их перед строем всей части разжаловали в рядовые. И вот на тебе. С чего бы это? Находясь в не лучшем виде, приказал мне сбегать в магазин.

— За водкой не пойду! — отрезал я, — сами идите.

— Ты как разговариваешь с командиром? — крикнул Вельмисов и ударил меня по лицу.

Я никогда не был драчуном. Но тут давняя неприязнь к наглому самодуру, обида и унижение толкнули меня на неуставной проступок: удар моего кулака ему пришелся в грудь. Сержант оторопел:

— Что? Командира бить?! Пойдешь под трибунал!

— Только вместе с тобой! — в унисон ему ответил я и решительно направился в казарму.

Прошло время. Ни суда, ни даже обычного командирского разбора не состоялось: Вельмисов хранил молчание. Вскоре наш полк оказался расформированным. Мне стало стыдно за мою стычку с сержантом: ведь он выпил-то с горя.

Рассказывали, что накануне командир полка Синегубов публично попрощался с боевым Красным знаменем, — коленопреклоненно поцеловал его. Перед личным составом всей части. Он плакал. Волей Хрущева был ликвидирован, как боевая единица, Воронежский военный округ. Уходил в отставку и всеми уважаемый боевой офицер.

Получил новое назначение и начальник полковой школы Федотов. В звании полковника ушел в запас. Возглавил Тамбовский областной комитет ДОСААФ. После встречи в 1967 году он подарил мне свое фото. В одном из писем я обещал ему, что обязательно напишу о нашей первой воинской колыбели — полковой школе. Слово, по обыкновению, свое сдержал.

Летом же 60-го нас вновь усадили в поезд и повезли неведомо куда. Сидя у окна вагона, я шептал про себя: «Прощай, славная воронежская земля! До свидания, вольная степь, где я едва не замерз, по снегу, в мороз убирайя с поля перезревшую кукурузу! Со мною лишь остались песни Никитина и Кольцо-

ва, чудесная проза Платонова и Кораблина».

Дальнейшая служба продолжилась уже на древней Сузdalской земле. Нас принял в свои объятия некогда стольный Владимир на Клязьме.

«Дети войны»

*Всем пережившим лихолетье
Без крова, хлеба и тепла.
Всем, той войны суровой, детям
И нынче памятна она!*

В 2005, в год 60-летия Великой Победы, в Орле появилась общественная организация «Дети войны». Её организовали журналисты «Орловских новостей», газеты для тех, кто хочет знать правду. Председатель оргкомитета Марина Евгеньевна Ивашина, от имени более чем 50 тысяч жителей области, пережившим страшное лихолетье, обратилась с письмом к главе правительства Фрадкову.

«Уважаемый Михаил Ефимович!

Скоро год, как наша страна отпраздновала Великий праздник — 60 лет Победы над немецким фашизмом.

Приятно сознавать, что в канун этого торжества руководство страны нашло возможность позаботиться о многих категориях граждан, так или иначе связанных с Великой Отечественной войной. Однако, сегодня мы бы хотели напомнить Вам о тех людях, на которых война оказала свое тяжелое влияние в не менее, а может быть даже в более значительной степени, чем на всех остальных. Это — «дети войны». Целое поколение россиян, родившихся и выросших в период, когда их родители сражались и гибли на фронтах или отдавали долг Родине героической работой в тылу. И уже не говоря о тех детях, детство которых прошло на занятых врагом территориях.

Горько сознавать, что их объединяет не только трагическое детство, но и другое — мизерная копеечная пенсия в пре-

делах 2000 рублей, а потому и скучная и убогая старость. Их — тысячи больных и нищих старииков — тех самых «детей войны», чья психика, здоровье, судьба были покорежены военным детством. Тех самых, кто поднимал потом страну из руин и отстраивал заново. Считаем, что упомянутая категория российских граждан была обойдена денежными выплатами несправедливо.

Мы просим Вас рассмотреть возможность предоставления всем «детям войны», то есть людям, родившимся в период с 1930 по 1945 год, ежемесячных денежных выплат в размере 650 рублей (аналог выплат жителям блокадного Ленинграда).

С уважением, член правления Орловской общественной организации «Дети войны» — Марина Ивашина.»

От слов оргкомитет перешел к действиям. С начала 2006 года к зданию редакции газеты, что располагается в пятом доме по улице Костомаровской, потянулись многотысячные очереди. Здесь велась регистрация «детей войны». 30 января её прошли и мы с ровесником — литератором Виктором Щекотихиным. В этот же день посетили дом писателя-инвалида, что лишь на год старше нас, Петра Родичева. Все мы выпустили книги, что раскрывают жестокую правду о нашем военном детстве. И всех троих нас объединяют обездоленность и нищета.

В число «детей войны» попала и моя жена Валентина, получающая ныне пенсию в размере менее двух тысяч. Она родилась 5 мая 1942, а летом того же года её отец, рядовой Алексей Цыбаков погиб под Воронежем, так и не увидевший свою дочь.

Его молодая жена, Вера Андреевна, оставшаяся с двумя младенцами на руках (сыну Вячеславу было два годика, дочери — три месяца), до самой смерти сохранила ему верность. Свое звание — вдовы фронтовика, она пронесла с честью, вырастив и воспитав двух «детей войны». В эту категорию попали так же мои братья и сестра.

ДОМИК НАД МАШКОМ

*Яр крутой поджался к речке,
Именуемой, — Машком.
А над ними, будто свечка,
Ниже школы, —
дядин дом.*

В ста метрах от Михневской школы, ниже по Машковскому крутояру, и сегодня стоит полу кирпичный, полу деревянный домик. Некогда он принадлежал моему родному дяде, брату мамы, Ивану Петровичу Дерябину. Его имя красными буквами вписано в Книгу Памяти ветеранов Великой Отечественной войны. Он сгинул в плену в 1942, оставив вдовою свою прекрасную жену Марину и троих малых детей. Старшему из них, сыну Василию, в ту пору было 10 лет. Старшей дочери Маше — 5, а младшей, Антонине всего два годика.

Ивана Петровича, любимого брата мамы, по малолетству, я естественно знать не мог. Но это его образ воссоздал поэт Роберт Рождественский, когда писал, что «был он рыжим, как из рыжиков рагу». И мои родители, и тетя Мариша подтверждали этот факт. Тем более это казалось справедливым, когда я встречался с его сыном, а моим двоюродным братом Василием. Он, как и его отец был «рыжим, будто апельсины на снегу» — просто живая копия.

Мать шутила: «Брат мой с сыном уж такие мужчины яркие, огненно-рыжие, что, кажется, подставь к ним спичку, — загорится!».

Тетя Мариша

*В деревушке Михнево,
Где сирень цвела,
Добрая и тихая
Тетушка жила.*

Жена дяди, Марина Захаровна Дерябина, в девичестве Столярова, была женщиной исключительно высокой культуры. Её интеллект шел не от образования, которое у нее было на уровне начального, а происходил от самой природы. Поражающая выдержанность, тактичность и терпимость вызывали восхищение. Мы, дети, просто обожали мягкую и обаятельную тетю Маришу. Нам казалось, что она и ругаться то не умеет. И слов бранных не знает. И свои дети, и мы, Козины, были ей одинаково близки и дороги. Это о ней я позже напишу: «тетушка Мариша — добрая, как мать». Но судьба её, подобно маминой, была не из легких.

*Иван Петрович, дядя мой,
Сражен был в битве роковой.
А безутешная вдова,
Как подорожная трава,
Под сильным ветром
Гнулась вниз,
Чтобы спасти их детям
Жизнь!*

Не было у мамы более сердечной, более приветливой и всё понимающей подруги, чем её невестка Марина Захаровна. Они были, как родные сестры: всегда неразлучны. Делились друг с другом, чем только могли. Их объединяла и родственная связь и родственность душ. В минуты душевных тревог, в дни проблесков удач, они были рядом. Все заботы — о детях.

Марина Захаровна слыла великой рукодельницей. Сегодня, узорно вышитые её рушники, скатерти, ажурно вытканые попоны удивляют своим мастерством учеников, так как

часть её прекрасных изделий хранятся в музее местной школы.

В нашем Сивковском доме такой красоты не было. Вот почему, когда мы с братом Иваном приходили в Михнево, то любовались красивыми полотенцами. Боялись ими утираться, — как бы не испачкать. Худые, полуголодные, через овраги и перелески, мы шли в гости к тете Марише, чтобы попить молочка. Тогда у нас Малинка была лишь теленочком.

Тетя Мариша с ласковым причитанием: «Ох, вы деточки мои! Исхудали-то как! Устали! Садитесь за стол. Сейчас я вас, родные мои, напою, накормлю». И кормила — свежим хлебом. И поила — парным молоком. Насытившись, побегав по бугру с сестренками, мы вновь возвращались в Сивково. Мама спросит:

— Ну, как вас тетя Мариша встретила? Накормила?

— Еще как! — радостно, дуэтом отвечали мы, — и хлеб, и молоко очень вкусные. Тетя нам еще с собою хлебушка дала. Она добрая.

— Как же ей не быть такой?! — всплеснет руками мать, — ведь мы с нею всю жизнь горемычную вместе. Горе и радости пополам.

Скажет. Помолчит. Вспомнит что-то. Смахнет с глаз на-вернувшуюся слезу. И пойдет опять по своим бесконечным делам.

Тетя Мариша, когда бы я к ним ни приехал, всегда спешила мягко усадить и сладко угостить. А как замечательно она умела петь! Сердце воробышком трепещется, когда слушаешь её старинные, грустные песни. Если отец по праздникам любил исполнить про члены Стеньки Разина или «По диким степям Забайкалья», а то и про горькую рябину, что никак к дубу не может перебраться, то, пожалуй, и вся его программа на этом кончается. Тетя же Мариша знала и пела десятки других песен. Но частушки она считала побрякушками, а потому ими не баловались. Считала это занятие уделом молодых, не отягощенных грузом страданий.

В 1969 году вместе с мамою тетя Мариша навестит мой Сурьянинский дом — первую колыбель дочери Ирины. Привезут ей новые — костюмчик, платья, другие гостинцы. Общение с ними — огромная радость.

*Рощи Сурьянино помнят
Мамы и тети визит —
Будет в костюмчике новом
Дочь по аллеям бродить.*

Как же горько тетя Мариша будет плакать, когда безвременно умрет мама, ее дорогая няня. Так она её любовно звала. Все последующее время я стану называть тетю Маришу — второй матерью. Её постоянное внимание и забота, ласка и нежность долго помогали мне перенести тяжелую утрату.

В свою очередь, меня очень огорчил её уход. Прожив долгую, но трудную жизнь, она делала все, чтобы ее детям, родным и близким, как мы, жилось легче. Спасибо тебе за это, милая тетя Мариша!

Кузен

*Он — пахарь, каменщик и плотник.
Он первый на селе работник!*

Мой двоюродный брат Василий Иванович Дерябин поистине вместо сердца имел в груди пламенный мотор. Целеустремленный, энергичный в работе, он отличался, к тому же, немецкой педантичностью и аккуратностью. Профессиональный плотник, он так обстоятельно и искусно отделявал предмет своих занятий, что просто залюбуешься. Будь это дом или двор, колхозная ферма или простой мужицкий сарай. Топор не сходил с его рук. Он часто помогал матери: обустроить погреб, подправить двор, перекрыть крышу.

В 1957 году я был у него на свадьбе в качестве его дружка. Женился он на местной продавщице, черноволосой красавице Шуре. Той самой, которая уговорит меня приобрести Есенина и Исаковского. Своей интеллигентностью, мягкостью и приветливостью она была сродни свекрови, тете Марише. С первых и до последних дней они жили душа в душу. Понима-

ли друг друга без слов. По взгляду. Оттенку голоса. Вместе боролись за судьбу Васи, который частенько злоупотреблял спиртным.

И на свадьбе он угостил меня так, что я два дня провел не за столом, а на их кровати, под цветными занавесками.

Это был уже второй случай моего падения. Первый же произошел года за три-четыре до того. Заставила меня мама, в свое отсутствие, самогон гнать. Дело было по осени. В канун престольных праздников. «Я пойду за коровой, — сказала, она, — а ты следи за чугуном. Дрова подкладывай. И пробуй. Ложкой. Если будет слабая самогонка, то больше не гони». Мать ушла. Я все пробовал. Жидкость была теплой и сладкой. Мне стало дурно. Я вылез из воронки, где стоял аппарат, наверх. Прошел к погребу. Ноги стали ватными. Небо и деревья полетели куда-то кувырком. Земля, как шар, завертелась подо мною. Я упал на траву и ушел в забытье.

Пришла мама. Видит, все на месте. Самогон капает в кружку. Но, где же Петя? Стала звать. Не дозвавшись, пошла на поиски. Обнаружила меня за погребом, лежащим среди мягкой полыни и чабреца.

До свадьбы брата я в рот не брал сивухи. Настолько она мне была неприятна своим запахом и последующими ощущениями. А тут опять все повторилось. Наступило десятилетие трезвости. Уже в студенческие годы, будучи с женою на празднике в больнице, где Валя работала медсестрой, я перепил вновь. На этот раз меня погубил не самогон, а медицинский спирт. Итак, бог троицы любит. Я решил про себя, что со спиртным завязываю окончательно. Это мешает мне иметь ясную голову, чтобы заниматься творчеством.

С той поры я стал подлинным трезвенником. Уже никто не мог меня обмануть. Не мог уговорить пить — ни мать, ни брат, ни жена. Когда друзья по работе начинают упрекать меня за то, что не пью, я отвечаю им: «Я свое вино в молодости перебрал!». На этом диалоги и прекращаются.

Но вернемся к одиссеи о брате. За совместные годы жизни (1957-1985) в браке у молодых супругов родились двое крепких парня — Николай и Сергей. Оба, как и отец стали мастеровыми. Окончили профтехучилища. Обосновались в Ленинг-

раде. Обзавелись семьями.

Николай женился на девушке из Краснодарского края. Сергей — на односельчанке. Имеют своих детей.

Коля, красивый, сильный, склонный к романтизму, мужчина сделал добрый жест. Создал фильм о деревне. Съемки произвел своим киноаппаратом. Довольно удачно получилось. Теперь у меня есть свое кино о родных и близких — единственная отрада, что спасает от уныния и ностальгии. В свою очередь Сергей, литой, крепко сбитый, словно молодой витязь, подарил мне фотоснимки, которые он сделал, будучи у меня в Орле в гостях. Молодцы ребята.

*Племянники — Коля, Сережа
Вручили мне фото и фильм —
Они с каждым годом дороже,
За что благодарен я им.*

Меньшим молодцом оказался их отец. Василий Иванович, после похорон жены в 1985, а вскоре и матери, тети Мариши, совсем задурил. Да и здоровье подвело. По хмельному делу, постоянно теряя шапку, простудил уши. Стал плохо слышать. Не помогал и аппарат. Летом 1999 года, когда мне вырезали в Орловском диспансере язву желудка, он умер. Накануне я приезжал к нему в Михнево. Он тяжело болел. Внуки, дети Сергея, ухаживали за ним. Кормили и поили. Но силы покидали его.

В Елках сегодня, на могилах тети Мариши и супругов — Шуры и Василия Дерябинах установлены гранитные памятники. Их установкой занимались дети. С портретовглядят на меня дорогие лица. У обелисков красуются настоящие ёлочки. Каждый год, а иногда и чаще, мы с сестрою Антониной проводываем родных. Приводим все в порядок. Затем поднимаемся по склону горы вверх к могилам моих родителей. Таков наш постоянный маршрут.

Ленинградка

*Кузина по имени Маша
Давно в Петербурге живет.
Лишь отпуск —
Пальмире помашет,
И снова у южных ворот!*

Каждое лето, а случается и по осени, моя старшая кузина Мария Ивановна навещает свою малую родину. Навещает, не точное слово. Приезжает, чтобы трудиться. Вначале к родным в Михнево, а после их смерти, к сестре Антонине, в поселок Калиновский.

От первого мужа Федора у нее сын Андрей и дочь Наташа. Сейчас они взрослые. Имеют собственные семьи. И сердобольная бабушка не перестает заниматься внуками.

Первая моя поездка в Ленинград состоялась зимою 1969 года. Затем были еще два визита. Так, благодаря сестре, я познакомился с культурой великого города. Не раз посещал Эрмитаж, Исторический музей, Исаакиевский собор и другие достопримечательности северной столицы.

Маша чрезвычайно трудолюбива. Ей 70, а она все еще работает мастером. Занимается собственной дачей. В деревне — незаменимая помощница в уборке и заготовке сена. Большая любительница даров леса. По складу своего характера она удивительно похожа на мать. Всегда ровная, сдержанная. Не накричит. Не нагрубит. Все её любят, все её хвалят, разумеется, — не без основания.

Антонина

*Когда на сердце станет тяжело,
Я еду к дому,
Где растет калина.
Здесь дарят мне и ласку, и тепло,
Бесценный друг — кузина Антонина!*

Моя розовощекая, улыбчивая, а вместе с тем строгая и приветливая сестрица Тоня — поистине драгоценный камень, в оправе моей привязанности к родному краю. Невозможно представить, где бы я нашел приют при частых посещениях малой родины? Кто бы меня: встречал, кормил и поил? Кто бы давал информацию о жизни села? Кому бы я поведал свои сердечные тайны? Да не будь моей сестры, может быть, не родилась и эта моя книга! Участие Антонины в моей жизни неразрывно связано с судьбою родного края.

Если Василий по возрасту и по интересам более тяготел к моему старшему брату Александру, с ним они переживали войну, вместе укрывались в подвалах от бомбёжек, то Антонина, будучи ровесницей, детство и юность разделила со мною. Она почти не помнит Ивана, Марию, что рано обосновались в Ростове. Но за то все, что связано со мною, знает хорошо, так как я, даже живя в Орле, бывал ее частым гостем. К тому же тесно переплелись взаимосвязи наших семей.

После окончания кооперативного техникума, 30 лет последующей жизни Тоня отдала торговле. Вместе с невесткой Шурой они работали в Шербовском магазине. Моя мама любовно называла их: племянницами, дочками, родными девочками. Магазин располагается на трассе. Потому первый визит — сестре и невестке. Их сердечность, обаяние, глубокая заинтересованность в делах, создавали атмосферу комфорта.

Антонине, как и ее брату Василию, повезло в супружестве. Она вышла замуж по любви, прожив со своим избранником 40 лет. Спутником её жизни стал красавец-парень с поселка Калиновский — Василий Илларионович Бондарев. От брака родился сын Владимир и дочь Татьяна. Сын перенял отцовскую профессию шофера. Живет и работает в Петербур-

ге. Дочь — учительница. Выйдя в 1997 году замуж за офицера Владимира Емельянова, переехала жить и работать в Москву.

Когда юная Татьяна еще была девочкой, она дружила с моей дочкой Ириной. Часто бывали друг у друга в гостях. Позже продолжится на том же уровне взаимосвязь моих и сестрических внуков.

КАЛИНОВСКИЙ ВИТЯЗЬ

*Не мало витязей прекрасных
Спасали Русь от бед земных.
Несли народу — мир и счастье.
Василий Бондарев — из них!*

Есть люди, встреча с которыми, даже, если ты с ними не знаком, несет в себе заряд оптимизма, спокойствия и уверенности. Такими были французские короли — Людовик XIII, получивший наименование — «король солнца» и «Ричард Львиное сердце». Таковым был и российский царь Петр Великий. Достаточно было попасть в их ауру, как удача предопределена.

Что там великие? Марина Захаровна Дерябина, простая русская женщина, о которой мы имели честь говорить. Или, Филипп Андреевич Бурдыкин, сивковский конюх, друг и соратник Ивана Степановича Козина, который и в 80 лет выглядел юношней. Всегда чисто выбритый с внимательными глазами, густым, нежным голосом, он воздействовал на окружающих, как бальзам на здоровье. К нему, как к батюшке в церковь, собирались и стар, и млад. Или незабвенный Дмитрий Лукич Яшин, рядовой учитель, но который своею неукротимой энергией так заряжал, так будоражил сознание и волю, что душа собеседника, как на крыльях поднималась высоко вверх. Они мало чем отличались по степени обаяния от прославленных государей.

Василий Илларионович Бондарев принадлежит именно к таким людям, встреча, общение с которыми приносят неподдельную радость и счастье. Это я доподлинно испытал на себе, поддерживая с ним многолетнюю дружбу. Он, как пушкинские витязи, был всегда — прекрасен! Это открытие я сделал не сегодня, когда, к сожалению, Василия Илларионовича нет с нами, а значительно раньше. В вышедшей в свет в 1994 книге «Перелески», а это 12 лет назад, я писал о Василии:

*Попутчик мой,
как солнце, ясен, —
Простая русская душа!
Сорвал пучок калины красной
И в рот отправил не спеша.*

Как «солнце, ясен», — этим все сказано. Чем не «король солнца»! Обратите также внимание на образы: «Калиновский витязь», «калина красная». Однаковыми здесь является слово — калина. Что-то былинное! (Калина, во Калиново). Но, будучи в поселке, каждый может сам убедиться, что здесь — настоящие заросли калины. Это чудесное дерево-цветок, на мой взгляд, и является основой имени населенного пункта. Вот и получается, что сама матушка-земля предопределила судьбу моего героя. Быть солнечно красивым и нести свет людям. Надо отметить, что с этим высоким предназначением Василий Илларионович отлично справился.

Односельчане могут подтвердить, что по ночам у Бондаревых никогда почти не гаснет свет. Днем и ночью у них все новые и новые гости и посетители. Они, как бабочки на свет, слетаются сюда. Но, подобно бабочкам, не обжигают, а напротив обретают крылья. Для полета. Для благородных действий и поступков. Тому причиной — положительная аура «Калиновского витязя».

1.

Нашу дружбу с Василием, с веселым колхозным водителем, 40 лет назад предопределили родственные связи. Обвенчавшись с сестрой, он стал моим родственником. Мама как-то расхваливала малоизвестного тогда мне Васю, что ей помог и привезти, а главное, погрузить-разгрузить зерно. Призналась, — бутылки даже не взял. Вот какой парень! Познакомившись, я уже не мог, да и не пытался избавиться от влияния его чар. Общение с ним — одна радость. Мороз — согреет. Снег — вытащит. Дождь — укроет. Устал — поможет. Поломалась машина — исправит. Нет денег — выручит. Нет транспорта — отвезет. Расстроился — успокоит.

Истинная сущность человека проявляется по его отноше-

нию к детям. Тут Илларионовичу нет примера. Свои ли, чужие, дети для него все дороги и любимы. Вот почему детство наших с ним дочерей, а потом и внуков прошли рядом. Не случайно дети дали ему имя Императора Иллариона.

*Максимка, Настя, Саша, Света, Даша, —
Внучат у деда целый — кара год!
Он всякого приметит и уважит,
И к сердцу каждого тропиночки найдет.*

Он не только их кормил и поил. Укладывал спать. Рассказывал волшебные были и небылицы. Он научил их ездить верхом на коне. Запрягать их в телегу. Научил всему, что мог сам: косить сено, ворошить и убирать на сеновал. Рубить и складывать дрова. Крыть крышу. Управлять автомобилем. Ездить на велосипеде. Собирать грибы и ягоды. Наконец, плавать и удить рыбу. На его внимание и заботу дети откликались горячей привязанностью и любовью.

2.

После моей мамы я не знал более трудолюбивого человека, чем Василий. Он вставал с зарей и ложился темною ночью. Сон его ограничивался 5 часами. Решив стать фермером, он с каждым годом все увеличивал свое хозяйство. На его попечении находились: два коня с жеребенком, две коровы с телятами, три поросенка, десятки кур и индюшек. Сад. Огород. Плюс к тому еще три гектара земли для зерновых. Колода пчел. Бесконечные строительные работы. Заготовка дров, теса и досок. Косьба, обмолот, просушка зерна. Сеном он набивал не только огромный сарай, но и целые стога возле дома. К ним омет соломы. Аккуратно уложенные навозные копны.

*Он чище, чем комбайн —
и скосит, и просушит,
И не просыпает зерна на живье.
В любое дело вкладывая душу,
Он по ночам работает, как днем.*

Чтобы справиться с такой уймой дел ему и приходилось уворовывать время у сна. Обслуживание транспорта чего стоило. А ведь он еще никому не откажет в помощи. Хоть телегу наладить, хоть машину исправить.

Для такого размаха дел нужны рабочие руки. Основная соратница в труде — жена Антонина. В летнюю пору дети и ленинградские внуки — Саша со Светланой. Помогал и я. Больше — косил, заготавливал дрова, вывозил навоз, убирал урожай. Но все это эпизодически, урывками.

Постоянных помощников, кроме жены у него не было.

Большая часть созданного продукта, можно сказать, непосильным трудом, отдавалось детям и родственникам. Поэтому доход от хозяйства был не велик. Хозяин имел такую широкую душу, что в 1998 (год черного вторника), не только порезав свиней, разделил их по родным, но и не пожалел своего любимого коня. При этом повторял: «Я не позволю вам умереть с голоду!». Всё для людей — вот его девиз! Всего и отдохновение, что — баня! Им же она и построена.

Напротив его дома был на огороде отстроен еще деревянный флигель на две половины. В одной жил его старший брат Афанасий, в другой — средний брат Иван с женой. Содержались они, конечно, за счет его хозяйства.

3.

1956 год. Венгерские события. Вырезались солдатские казармы. Отстреливались одиночки. Бесстрашный, молодой водитель с места на место доставляет грузы. Перевозит группы бойцов. Слышатся обстрелы. Горные, непроезжие дороги. Ущелья и обвалы. Риск и риск. Василий держится молодцом.

*Стучит мотор, — заерзала машина.
Водитель тоже, кажется, устал.
Но за вершиной — новая вершина,
За перевалом — новый перевал.*

Такова была служба ратная. Война эта чести русскому солдату не принесла. Вот почему так трудно отыскать сегодня документы, подтверждающие их участие в венгерских событиях.

4.

Возвратившись со службы, Василий решает учиться. Оканичивает Брянскую партийную школу. Работает агрономом колхоза. Затем завершает учебу в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Вновь работает агрономом и заместителем председателя колхоза. В 70-е годы выдвигается на должность председателя сельского Совета.

В 1978 году у меня выходит первый публицистический сборник «На трассах пятилетки». Идем с ним в Репнино, чтобы поделиться этой радостью с нашим учителем Минаевым.

В 1993 выходит первый сборник стихов «Отчий край». На этот раз мы посетили Сивково и близлежащие деревни. В каждой из них у него было дело. Находясь на Ушаково, зашли к ветерану-фронтовику Орехову. Илларионович, как над многими другими, добровольно шефствовал над ним. И на этот раз принес письма, газеты, сигарет, сахару. Ведь самому,льному старику до Щербовского магазина не добраться. Нашему визиту обрадовался. Посещали и других земляков. Кому продали, кому просто подарили книги. Подобное повторилось и после выхода других сборников, и всюду со мною рядом мой дорогой человек.

*Куда б меня судьба не завела,
Со мною всюду мой бесценный друг.
Коль надо, он отбросит все дела
И никогда не скажет: «Не досуг!».*

В 2002-м побывали в Китаево, на родине его тестя Ивана и моей мамы. На этот раз нас сопровождал сват Емельянов. Следов от отчего дома не нашли. Зато отдохнули и весело порыбачили на Рожке. Поисками грибов в лесу.

Василий внимательно относился к моему творчеству. Многие стихи знал наизусть. Особенно любил слушать их в моем исполнении. Если в дому появлялись новые гости, то обязательно просил прочесть им стихотворение о молоке. Называл его своим самым любимым. Отказать — не уважить. Так поступить я не мог. Декламировал на память

*Я когда в деревню приезжаю
К землякам своим издалека,
То прошу к столу не чашку чая,
А большую кружку молока.*

*Пью его. Душистое, парное,
В сладостном порыве, не дыша.
Кажется, не белою струею —
Светом наполняется душа.*

Ему, потомственному хлеборобу и животноводу, эти строчки особенно нравятся. И не только потому, что им с женою посвящены, а потому, что в них правда жизни. Свою верность и любовь к родной земле он доказал своими никогда не засыхающими мозолями на широких ладонях. Руки у него, что меня поражало, всегда были теплыми, не замерзали. Даже в сильный мороз он удерживал вожжи голыми, без рукавиц, руками. Я кутался в тулуп. Растирал свои озябшие конечности, скрытые перчатками. Он же бодрил коней вожжами да задорно смеялся. Знать, самой природой ему была уготовлена крестьянская доля — коновода, пахаря и селятеля.

Вспомнился эпизод, как прибывший из Болхова секретарь райкома партии разыскивал председателя Михневского сельского Совета Бондарева.

— Где он?! — сердился хозяин района.
— Стогует! — слышит в ответ
— Как?! — удивляется тот, — его дело Советом руководить. Он — местная власть, а не вилами махать!

— Он у нас такой! Без дела скучает, — объясняла секретарь. — Да и лучше его никто не может ни сено уложить, ни макушку стога вывести. К тому же и люди его позвали. Он же безотказный.

Вызванный на «ковер», Василий Илларионович сам объяснит вельможе, что бумаги за него и секретарь подпишет, а вот за заготовку сена с него спросят.

Узнав о таком факте, генеральный директор ОМООИ «Орловские родники» Сергей Иванович Шмелев позже заметит: «Да, такие люди, как твой зять Бондарев — соль земли, станововой хребет крестьянской России. Обидно лишь, что ныне не

они, а чужеродные властители у нас возомнили себя истинными хозяевами жизни».

Более добродушного, деятельного, жизнерадостного человека, чем он, я не встречал во всей округе. Меня поражало, как может мой чудесный зять при такой каторжной работе, с вечно иссущенным ветром и солнцем лицом, бесконечно усталый, находить время для чтения книг. Они же у него всегда под подушкой. В том числе, все мои. И прямо на полке его рабочего кабинета. Есть такой в его большом и просторном доме. До сегодняшнего дня, на стене, здесь висит цветной портрет моего внука Максима в форме бойца ВДВ. С ним они читали книги о войне и армии.

Чтобы я не сочинил, прозу или стихи, он не просил, а требовал показать ему. В канун своей кончины он прочел мою, никому еще неизвестную, рукопись повести о русской бане.

Если со мною приезжал поэт Альберт Лушенко или мой друг Сергей Шмелев, то он и с ними больше говорил о книгах и жизни, чем как принято в деревне — о водке да о молодках.

В зимние холода он из кабинета перебирался на печь, куда был специально проведен свет. И вновь книги под подушкою и на колпаке, возле теплой трубы. Как у моего отца, такого же, как и он отчаянного книголюба.

5.

Дальний покос, что невдалеке от Лохани, представляет собою большую круглую поляну, окруженную со всех сторон лесом. Она когда-то принадлежала хозяевам ныне не существующего хутора, а теперь стала вотчиной самодеятельного фермера. Здесь Василий Илларионович, как некогда косарь Алексея Кольцова, проверяя свои силы, молодецки берет широкий ряд, приговаривая: «раззудись, плечо, размахнись, рука!». И пошел махать от верха до верха. Пять-шесть рядов сойдет по росе. Затем, в след уходящей зорьке, едет на коне к дому, что не менее чем в трех verstах. Несколько дней так поработает. Дождется, когда трава подсохнет. После чего собирается на покос все семейство Бондаревых с гостями. Как в старину, вперед и с песней.

У края поляны, по распоряжению императора Илларио-

на, дети готовят костер, а взрослые во главе с Антониной Ивановной готовят шашлыки.

Посреди луга: скатерь самобранка. Она полным-полна всякой снеди. Здесь — рыба и сало, лук и яйца, огурцы и помидоры, конфеты и печенья. И, конечно, русская горькая!

Сестры Мария и Антонина, моя жена Валентина, ребяташки всех родов и возрастов усаживаются вокруг этого богатства. Никто никого не понуждает. Каждый берет со скатерти то, что пожелает. Первая чарка красному витязю земли русской Илларионовичу, вторая — мне, его помощнику. Звезды стаканы. Произносятся тосты. Сыплются шутки.

Пока мы заняты жаркой беседою, ребяташки следят за огнем, крутят шампуры. Ура! Мясо зарумянилось, поджарилось. Его сладостный, дурманящий аромат щекотит ноздри. Хозяйка подходит к костру, еще раз внимательно проверяет качество жаркого. Снимает шампуры и раздает каждому из присутствующих. Никто не в накладе. Антонина Ивановна все предусмотрела заранее. К тому же в бидоне осталось свежее мясо. Вдруг неожиданный гость нагрянет. Его то же надо будет угостить шашлыками. Таков крестьянский обычай.

Отвели душу. Теперь за работу. И вновь звучат веселые гимны и песни. Тон, конечно, задает гостья с берегов Невы Мария Ивановна. У неё, как и у мамы, чудесный голос. Ловко ворочатся подсыхающие на солнце ряды. Островерхими шлемами воинов-богатырей возносятся копны. Сухое сено грузится в телегу.

*Поляна круглая,
Свод леса — аркою.
Кипит, да с удалью,
Работа жаркая.*

Шустрая Светлана тушит костер. Высокорослый Александр с вилами в руках ворошит сено. Ему это дело привычное. Они с сестрою каждое лето в этом упражняются. Нашел работу по себе и мой шалун Максимка. Он так полюбил коня, что ему становится неприятно, когда безжалостные оводы кружат и больно жалят это умное животное. Внук сламывает вет-

ку у раскидистой березы и отчаянно бьет гудящих и жужжащих оводов и слепней. Красный конь, кажется, машет ему в знак благодарности и признательности своею большой головою.

С двумя возами свежего сухого сена святое семейство Бондаревых с гостями возвращаются на базу поселка Калиновский. На сегодня покос окончен.

6.

Письма с родины всегда событие. Открываю конверт: «Здравствуйте, дорогие Петр и Валя! — читаю я бесценные строчки сестры и зятя, — более года не было вас. Если на нас за что обиделись, не едите, то хотя бы, урвали время навестить родительские могилки. Мы, когда бываем на кладбище, всегда их проводываем. Как положено, поминаем. И стежку протаптываем, и худую траву обрываем. Саша со Светою гостили летом, всю дорогу проглядели, вас с Максимкой ждали. Так и уехали в Петербург, не дождавшись. У вас нет, как у нас, скотины на дворе, оторваться от дел можно. Всего все равно не переделаешь, а родину забывать нельзя. Не сможете, на Новый год побоитесь бабушку Веру одну оставить, то выберетесь хотя на — Старый. Очень соскучились. Ждем! Остаемся ваши родные — Тоня и Вася Бондаревы».

Тихою грустью повеяло от письма. Испытывая муки раскаяния, принимаю решение, что во время мартовских Максимкиных каникул обязательно нагрянем. Ежели, что случится непредвиденное, то уже летом непременно навестим родное гнездо.

Иногда вместо писем мы получали телеграммы: «Срочно выезжайте. Режем поросят!». Стыдно брать чужое добро. Но Илларионович неумолим. Не приедем, — мясо привезет сам. Или пришлет оказией. Объяснит с неизменной шуткой: «Дают — бери, а бьют — беги!».

Когда он вздумал забить коня и раздать его мясо, то я не удержался от возражения. Говорю: «Илларионович! Ты за этого жеребца можешь хорошие деньги получить!». «Что деньги, — отвечал зять, — я без них обойдусь. Но вот видеть, как вы в городе мучаетесь, на хлебе с чаем — не могу. Мы не обедня-

ем, а вот у вас на столе хоть мясом запахнет. Это для нас с Тоней — самая большая радость знать, что вам хорошо».

*Пускай Земля сойдет в безумстве с круга
Иль грянет на неё метеорит,
Но добрые слова большого друга
Мне никогда, навеки, не забыть!*

Слушая такие сердечные слова друга, честно признаюсь, пробивалась слеза. Чтобы не выдать свою слабость, я решил отвлечься делом. Вместе с его сыном, таким же добрым и трудолюбивым, как отец, отправились на похороны головы коня. Отнесли, как можно дальше, в перелесок. Я наказал Володе: «Ты смотри, не говори отцу, где мы голову его любимого коня упокоили!». «Почему?! — спросил. «Да, чтобы с ним не случилось, как с князем Олегом. Придет как-нибудь взглянуть на останки, а там — гробовая змея!». «Хорошо, не скажу, — грустно улыбнулся Владимир, — пусть отец 100 лет живет».

Этот разговор произошел осенью 1998 года, а в день Рождества, 7 января 2003, Василий отвозил меня на Зубари. Ехали на санях по Калиновскому верху. Я обратил внимание, что Василий вдруг настойчиво кутает руки. Впервые на его лице появились признаки обморожения. В ответ на мой призыв: «растирайся!», зять небрежно ответил: «Ничего, пройдет».

В начале апреля к нам в Орел, проездом из деревни в Петербург, заехала сестра Мария Ивановна и сообщила страшную новость: «Вася болен раком!». Попросила, чтобы я написал ему теплое письмо, успокоил. Это я выполнил не медля. На четырёх печатных страницах отправил ему добрую весточку. А летом приехал навестить. В это время некогда славный витязь, богатырь, совсем сдал. Чтобы как-то поднять его дух, я предложил ему прокатиться со мною в Сивково, к Лабосыни. Он согласился. Когда мы были уже у Аннинского верха, сбегающего обрывом к речке, то Илларионович попросил меня закрыть боковое стекло, мол, дует. Стояла летняя жара и вдруг такая просьба. Меня озабочил прошиб от сознания, что мой бесценный друг на пороге смерти.

7.

4 октября 2003 года на 69 году жизни Василий Илларионович Бондарев навсегда ушел из жизни. На 14 автомашинах, а кто и пешком, земляки, родные, друзья и близкие пришли отдать ему последние почести. Место для его упокоения выбрали мы с сестрою Антониной. Это небольшая ровная полянка посреди могучих сосен, что охраняют ныне покой патриота родного края, подлинного труженика земли. Поистине, славного русского витязя. В некрологе, опубликованном в «Болховских курантах», помещены такие мои строки:

*Семью, друзей боготворил,
В трудах, заботах бесконечных,
Всем сердцем Отчий край любил.
За то тебе и Память вечная!*

ЗЕМЛЯКИ

*Когда в края родные приезжаю,
То от Ямской и до Машка-реки
Меня повсюду радостно встречают
До боли дорогие земляки!*

Бывают минуты, когда утрачиваются ощущения движения, неудержанного бега времени, когда чувствуешь, что оно течет «сквозь тебя», как через пустоту, не оставляя следа. Но природа — и земная, и человеческая, не терпит пустоты. В минуты таких грустных размышлений неожиданно возникает острое желание общения. Теплого, человеческого. И я отправляюсь в родные края.

Уже, начиная от ворот древнего Болхова, едва не на каждом шагу, я встречаю веселые, приветливые лица дорогих земляков. Еще бы! Ведь в самом городе живут мои незабвенные друзья. На улице Карла Маркса — поэт Владимир Быков. На переулке Ефремовский — педагог Татьяна Николаевна Шляхова. С нею, как и с завучем — болховчанином Дмитрием Ивановичем Кучиновым, мы более 10 лет вместе работали в 13-ой орловской школе. Пополам делили все радости и горести. Входили в состав знаменитого «Салыновского салона». Его хозяйка — замечательный педагог-химик Салынова Тамара Тимофеевна собирала у себя в квартире друзей. Активными участниками ее торжеств были: завуч Афанасьева Валентина Николаевна, литератор Жанна Ивановна Семенина, математик Нина Николаевна Осипова. Они не только распространяли, пропагандировали мои книги, но знали наизусть многие стихи из них. Всегда были готовы выступить на защиту чести и достоинства поэта-педагога. Серьезную моральную поддержку мне оказывал мудрый наставник учителей, заведующий Железнодорожным районом Орла Анатолий Тихонович Афанасьев. На улице Октябрьской не спит по ночам, творит детский поэт и журналист Альберт Лущенко. Он автор оптимистичных рецензий на все мои сборники. Наша дружба началась со времени совместной учебы на курсах экскурсоводов в Орле в 1982

году. Поддерживается общей любовью к литературе и сегодня. На Земляной горе, 10, редактором «Болховских курантов» трудится Светлана Викторовна Глотова, родная племянница мною уважаемой учительницы истории в Репнинской школе, Анны Ивановны Глотовой. Ведь именно историю я выбрал, как одну из своих профессий. Ныне в доме на улице Ключикова проживает мой односельчанин Василий Федорович Архипов. Не забываема протянувшаяся на десятилетия человеческая и творческая дружба с болховским краеведом Александром Венедиковым.

Венедиков

*Да, слава в прихотях вольна,
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает,
А на другой уже видна.*

Александр Пушкин.

Эти замечательно точные, глубокомысленные строки великого поэта, не без сарказма, в откровенно-долгих беседах напоминал мне патриот болховского края Александр Егорович Венедиков. Журналист и краевед, человек беспокойного сердца, он всю свою сознательную жизнь посвятил возвеличению памяти земляков. Всех тех, кто в малой или большей степени способствовал процветанию и славе родной земли.

На страницах двух его книг «Болховские куранты» и «России сердце не забудет» мы встречаем имена великих преобразователей Руси Ивана Грозного и Петра Великого, народного защитника Ивана Болотникова и знаменитого ученого-историка Николая Карамзина.

«Да, поистине, «слава в прихотях вольна», — с огорчением замечал Александр, — вот они плоды демократии. Еще вчера мы восхищались мужеством профессионального революционера Козырева и авроровца Шилина, а уже сегодня нас

убеждают, что Октябрьская революция была ошибкой. И они уже злодеи, а не герои. Кое-кто уже открытым текстом выдает жесточайшую по своей сути теорию о бессмысленности пролитой крови в годы Великой Отечественной войны.

Сам Венедиктов был твердо уверен: ничто не проходит бесследно, если труд и жизнь человека без остатка отданы во имя чести и славы Отечества.

*Как хороши, как свежи, будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.*

Эти строки Игоря Северянина вспоминаются при рассмотрении судьбы неутомимого краеведа. Был он сильным человеком. Непрестанно боролся, гордо принимая хулу и хвалу. Мечтал создать Книгу памяти болховчан. Подарить землякам новую, переработанную и дополненную историю города и края. Однако этим планам не суждено было сбыться: укатали Сивку крутые горки. Едва дотянув до 60-ти, в расцвете таланта, под звон милых его сердцу курантов он навсегда оставил этот грешный, противоречивый мир.

В целях увековечивания памяти, на здании редакции «Болховские куранты» установлена мемориальная доска. Президиум Союза журналистов области учредил специальную «Венедиктовскую премию». Отныне его имя носит одна из улиц древнего города. В местном краеведческом музее нашлось почетное место для фотографии и книг известного краеведа. Слава, эта вечная капризница, уже после смерти, наступившей 26 сентября 1995 года, — нашла своего героя.

Болхов — его колыбель. Здесь он начал и завершил свой путь, в лишний раз подтвердив русскую поговорку: «Где родился, там и сгодился». Побывавший тут в конце 18 века академик Василий Зуев отмечал, что сей город, стоит на высоком и неровном месте, по левую сторону реки Нугрь, впадающей за 15 верст в Оку. Длина версты на три, ширина на полторы. Церквей в нем каменных 14 и 8 деревянных. Сверх того, два монастыря. Хлебопашцев и ремесленников 5370 душ. Главные их промыслы суть кожевенные и юфтяные.

«Невелик наш город, — признавался Венедиктов, — но,

как из ручейков собираются полноводные реки, так из городов, подобных Болхову, вся Россия».

Обладая феноменальной памятью, Александр держал в голове бесчисленные имена, даты, события. С большим удовольствием слушали его гости из Москвы и Петербурга, Киева и Орла. «Вот здесь покоится Макарий Глухарев, — вздыхал он у ямы, заросшей травой, — язычники нашего времени расправились со многими святынями города. Не обошли и вечно-го покоя настоятеля монастыря, самого просвещенного человека наших мест, автора книги «Лепта».

Большие знатоки старины писатель Василий Катанов и журналист Алексей Макашов в своих книгах отмечают высокое подвижничество Венедиктова. Так оно и есть. Именно его усилиями возросла память земляков о генерале Лаврове, которому поставлен памятник, о поэте Апухтине, чье имя носит одна из улиц города. О декабристе Кривцове, народном артисте России Переверзеве, Герое Советского Союза Безменове.

Будучи селькором районной газеты, я нередко бывал в Болхове, который вызывал у меня восхищение древними храмами. Плыл над городом бой курантов, установленных на колокольне, ныне действующего Спаса-Преображенского собора. Веяло стариной от краснокирпичных стен, высоких холмов и рвов. Меня манил белый, двухэтажный дом на Земляной горе. Здесь размещались — редакция и типография. В лад с первой книгою краеведа газета сменила свое имя. За 50 лет сотрудничества с газетой я сошелся с такими профессиональными работниками, как Николай Головин, Анатолий Гладких, Евгений Селиверстов. Это — неутомимые летописцы края. Их вел за собою мой первый редактор Михаил Михайлович Беликов. Именно он, в 60-е годы, принял на работу в редакцию Александра Венедиктова.

Первая наша встреча состоялась в десятом доме на Земляной горе. Это имело место в августе 1968, когда я, после окончания Ростовского Университета, вернулся в родные края. Передо мною предстал среднего роста, плотно сложенный, с темными, вьющимися волосами и живым, выразительным взглядом серых глаз 33-летний журналист. В ту пору он был

организатором местного радиовещания. И всегда имел при себе переносной магнитофон с микрофоном, которые он в шутку называл «лирой». Позже он станет заведовать отделом писем, затем работал ответственным секретарем, а с 1990 до самой кончины — редактором.

Едва ли не все болховчане знали его в лицо. Здоровались на улицах. Звонили. Заглядывали в кабинет, если нужда. Он удивительно мог совмещать беседу с посетителем и правкой какого-либо материала. В помощи никому не отказывал. Боролся за каждого правого. Успокаивал виноватого.

Когда в 1978 у меня вышла в свет небольшая книжка очерков «На трассах пятилетки», то мы достойно презентовали её в его болховском доме, где я переночевал. Познакомился с его семьёй. Бытом жизни. Восхищала библиотека. Она не была такой богатой, как, например, я видел в квартирах писателей — Дронникова, Родичева, Логвинова, тем более, Василия Катанова. Однако была куда солидней и полноценней, чем у меня. Тома БЭ. Словари. Справочники. Старинные фолианты. Рукописные издания. Пыли на книгах, как это случается в домах преуспевающих невежд, не было, — автор неустанно работал с ними. Часто день путал с ночью.

Так же в семейном кругу мы отметили с ним мой первый сборник стихов «Отчий край». Александр, как мне казалось, искренне радовался моей удаче. Доказательством тому явилась опубликованная в печати его рецензия с многозначительным заголовком «Жизнь, как высокая гора». Я прочел о себе: «Много лет назад мне довелось с ним познакомиться, когда он работал директором Сурьянинской школы и частенько заглядывал к нам в редакцию. Его уже тогда отличали настойчивость, свой взгляд на жизнь».

«Настойчивость, свой взгляд на жизнь» — эти качества были присущи и ему самому. Это они позволяли Венедиктову не сломаться, довести дело до конца. Вывести к свету, к людям свои замечательные книги.

Александр нередко заглядывал ко мне в Сурьянино. То привезет с собою генерала Родина, когда-то освобождавшего это село. То орловского поэта Виктора Дронникова, ищущего в провинции новые таланты, а то и «комсомольского генера-

ла» Владислава Петухова. Перезнакомит. Определит план действий. Наметит общую канву бесед. Вдохновит на творческое сотрудничество, а сам уедет в колхоз. На фермы, в поля. К людям. От того его газета всегда находилась на самом гребне жизни. Публикуемые в ней материалы отвечали духу времени и пространства.

Как-то он прочитал мне стихи Василия Жуковского, который не только знал мою Сурьянинскую обитель, посещал ее, но и посвятил селу такие любопытные строки:

*Веселый есть приют
Близ Болховской дороги,
Там вас Пенаты боги
С дарами счастья ждут.*

*Там светлый пруд и сад,
Дом старый с мезонином,
И негр Плещеев с Ниной,
И близок Болхов град.*

*Под липою весной,
Зимой подле печи
Вам Жучка в епанчи
Петь будет век живой:
И будет Суринаам
Убежище веселья.*

Суринаам Жуковский называл село Сурьянино, которое в годы жизни поэта принадлежало Плещееву. Затем оно недолго перешло к Протасовой. Уже позже его хозяевами станут дворяне Юрасовские.

Стихи Жуковского, написанные им в 1814 году, волнующие сердце рассказы Венедиктова о жизни местных помещиков, побудили меня к написанию поэмы «Сурьянино», которая и увидела свет, будучи опубликованной в моей книге «Русь» в 1995 году.

Когда я покинул «убежище веселья», переехав на жительство в Орел, то Александр навещал меня в городе. Привозил с

собою, если не смог прислать по почте, газеты с опубликованными моими материалами. Балуясь, по его выражению, стихами сам, вдохновлял меня на издание поэтических книг. Об этом можно судить и по его стихам, посвященным мне и присланным в Орел, вместе с его, во весь рост, фотографией:

*Пусть голос твой
Звенит, подобно стали,
Пусть путь тернист,
А впереди — подъем.*

*Пусть кажется подчас,
Что нервы сдали,
Но вновь труба зовет,
И мы на бой идем!*

К фото — приписка: «Дорогому другу Петру Козину, С уважением — твой Александр». Мне приятно, что краевед и редактор Венедиктов считал меня, как впрочем, и я его, своим другом. Наша дружба лежит своими корнями в общей любви к родному краю, взаимно обогащающими творческими встречами. Не наша вина, что на нее в последние годы налетели тучки легких обид и разочарований. «Почему мне глава района Краличев не дал денег на книгу, а тебя финансировал?» — задавался вопросом краевед, — я живу и творю в Болхове, а ты в Орле. Это — несправедливо!». Может и так. Но в святом писании не зря говорится, что каждому воздается по делам его. И Венедиктову будет воздано по его заслугам, а они несомненны, но, к сожалению, уже после смерти.

Мне не довелось участвовать в его похоронах. Но я внимательно читал отчеты об этом печальном событии. Тронуло, что ученики, поклонники таланта, передавали из рук в руки гроб с телом усопшего. И так на всем пути следования, усыпанного цветами и политого слезами. Вот уж поистине: «Что имеем — не храним, потерявши, — плачем».

Это восклицание репортера не случайно. Последние годы редактора «Болховских курантов», заслуженного работника культуры России были испытанием на выдержку. Вечное без-

денежье. Выбивание кредитов, бумаги, зарплаты. Заботы о сохранении тиража. Сопереживания за судьбу народа, разоренного Отечества тяжелым грузом легли на впечатлительного, с горячей душою патриота, уже немолодого человека. И этот непомерный груз надломил его.

Наш общий наставник и большой друг, выдающийся писатель Василий Катанов сравнивал творческую судьбу Венедиктова с участью болховского поэта 30-х годов Евгения Сокола:

*Весна березы распирала соком,
Поля в испарине лежали, как в дыму.
Шел по земле поэт Евгений Сокол.
Кому известен он?
Да — никому!*

*Заботе его, радости и беды,
Нигде его стихов не издают.
Лишь только в добром сердце краеведа
Его судьба
Найдет себе приют.*

Доброе, пламенное сердце краеведа Венедиктова вобрало в себе мужество и доблесть не только Евгения Сокола, но боль и страдания многих и многих его безвестных земляков. Да будет Александр Егорович наградой — вечная память благодарных жителей древнего русского края.

Орел — Болхов.

Емельяновы

*В избушке, за двойными ставнями,
Как дань морозам и ветрам,
Живут супруги Емельяновы
Назло крещенским холодам.*

Знакомство с Ниной и Василием Емельяновыми произошло на торжественном мероприятии — свадьбе их сына и моей племянницы. Состоялась она летом 1997 года. Тогда едва ли не вся округа собралась на открытой поляне у дома Бондаревых. Выделялись своей юной красотой учащиеся Михневской школы. Они пришли на поселок Калиновский, где проходила свадьба, чтобы пожелать своей молодой учительнице Татьяне Васильевне Бондаревой супружеского счастья. Ведь она выходила замуж за красивого армейского капитана Владимира Емельянова и переезжала жить в Москву. По месту службы мужа.

Именно тогда члены трёх семей — Бондаревы, Емельяновы и Козины, стали именоваться — сватьями.

Правда, в начале была великая путаница, как прежде в нашей семье с однозвучными именами. Еще бы! За одним столом сидели сразу — три Василия. Причем, два из них (кузен и сват) имели к тому же и одинаковые отчества — Василий Ивановичи. Если подписывались бумаги инициалами, то они оказывались идентичными у всех трех Василиев — «В. И.». Есть от чего сломать голову! Когда сестра Антонина Ивановна просила: «Вася, подай мне тарелку!», то выполнять её просьбу бросались сразу три витязя.

После ухода из жизни брата положение упростилось. Отмечу сразу, что майор в отставке, Василий Емельянов, с 1938-го, и калиновский фермер Василий Бондарев, 1935 годов рождения, были не только внешне, но по трудолюбию своему и внутренней организации — схожи. Оба — оптимисты. Оба — любители техники и всякого другого ремесла. Наступила благая пора у сестры. Ведь теперь она могла рассчитывать и на помочь отзывчивого и скромного свата. Когда его о том просили, то он шутил: «Знаю — в деревне просто так не победа-

ешь!». Однако всегда приходил свату на выручку. Колоть, пилить, строгать, резать, покопаться в машине — это его хобби. Выполнял все легко, шутя, с веселыми прибаутками.

Когда бы я ни приезжал к ним, то, в первую очередь, накрывали стол. Обедали, разумеется, с рюмочкой и по делам. Вот как это я передал в стихах:

*Обед закончится, втроем
Через поляну в сад идем.
Под грушей, у кротовых нор,
Завяжется горячий спор.*

*О том, как сеять и пахать,
Когда солярки не достать?
Как в суматохе перемен
Поднять крестьянина с колен?*

*Тут оба взялись за пилу
И спели реквием бревну.
А за пилою вслед топор
Повел с кряжами разговор.*

*Дров заготовили и вот
Над «Москвичом» взлетел капот.
И, право, тут шутить нельзя
Когда подводят тормоза.*

*Петух промчался, хвост трубой,
И я к колодцу за водой!
Друзья бросают добрый взгляд:
«Ты тоже, Петя, взял подряд?».*

Таким образом, на подряде у сестры, мы и трудились. Я чаще всего обкашивал поляну и двор. Майор валил бензиновой пилой березы. Фермерправлялся с подводами. Антонина готовила угощенья.

После смерти Илларионовича сват стал, поистине, надежною палочкою-выручалочкой. Не раз он и меня спасал от не-

предвиденных обстоятельств. Отлаживал тормоза в «Оке», регулировал мотор и ручное управление, проверял уровень кислоты в аккумуляторе.

Отличался от зятя сват тем, что, как и я, любил посидеть за удочкою на Рожке или Нугре (Илларионовичу из-за забот о хозяйстве было не до баловства), да вдоволь поохотиться в лесу за опятами и лисичками. Не жадничал, как другие, мест грибных от меня не утаивал. Потому мне удавалось привозить в Орел целыми корзинами благородных опят. Осенью 2005 специальною сеткой с шестом снял в своем саду, что на поселке Крещенский, и уложил мой рюкзак доверху малиновыми яблоками. Его жена Нина буквально потребовала взять у них два мешка отборной картошки: «У нас она лишняя, а вам надо покупать!» — сказала сваха.

Летом их сыну, 34-летнему офицеру службы охраны Кремля, Владимиру Васильевичу Емельянову присвоили звание — полковник! За восемь лет (1997-2005), после свадьбы, он прошел путь от капитана до полковничьей папахи!

— Быть тебе, Володя, генералом! — поднял я тост за зятя.

— Служу Отечеству! — серьезно ответил Владимир и символично опрокинул рюмку коньяка.

Отмечу, что Владимир, как и отец, является исключительно скромным человеком. Будучи у тещи, он никогда не демонстрировал свои эполеты. Постоянно приезжал в гражданской одежде. Крестьянскую работу выполнял без всякой позы и самолюбования. Как и офицер-отец, был прост, как, — правда!

В сентябре 2005 сын сестры (он, как и ее зять — Владимир Васильевич), сват и я наготовили дров на зиму. Вывезли навоз в огород. Погрузили вместе с Антониной Ивановной, которая 23 сентября лишилась своей кормилицы. Её купили жители деревни Дольцы Белевского района. Не стало сил держать. Однажды буренка наступила на большую ногу сестры, да так, что ей пришлось целый месяц хромать и обходиться с помощью палочки. Болезни и годы откладывают свой тяжелый отпечаток. Всего два года прошло после смерти Илларионовича, а хозяйство, некогда столь многоголосое, прекратило свое существование. В нем остались лишь куры, кошки, да

прекрасная охотничья лайка по кличке Бим. Он был привезен Николаем Дерябиным из Петербурга, уже в далеком 1998 году.

Приятным воспоминанием об ушедшем лете 2005 остается лишь первый визит моей внучки с папой и мамой на поселок Калиновский. Здесь она познакомилась с ровесницей Дашей, общей внучкой Бондаревых и Емельяновых. Вдоволь повозилась у большого искусственного резинового бассейна, устроенного молодым полковником. В него я запустил на радость внучкам десяток пойманых в Калиновском пруду карасей. Рыба, зеленая лягушка, черви, белый пушистый котенок, розовая бабочка, петухи и куры, агрессивный, серо-бурый молодой бычок — вот предметы вожделенного внимания Насти, впервые оказавшейся в мире живой природы. Любаясь Настей и Дащей, я вспоминал, как, казалось, совсем недавно их мамы — Ирина и Таня, вот так же весело и отчаянно носились по поляне.

*Резвятся Настя с Дащею,
как некогда их мамы —
По стежкам огорода и в саду.
И в лес с восторгом ходят за грибами,
И ловят карасей со мной в пруду.*

На этот раз я вручил каждой из них по удочке. Устроили соревнование: кто скорее и больше поймет? Вышло без обид: по четыре рыбки! Дети заливались счастливым смехом.

Вместе с внучкою мы послали поздравления и добрые пожелания Антонине Ивановне по случаю нового 2006 года. Так же передали и горячие приветы супругам Емельяновым.

В канун старого нового года, 13 января раздался телефонный звонок. По сотовому мне звонила сестра. Благодарила за поздравления. Пригласила в гости. Я спросил ее о здоровье сватов. Тоня сообщила, что к ней из Петербурга на праздник приезжал ее сын Володя с женой Олей. Гостили до Рождества. А мой друг Василий Иванович в Москве. Деньги нужны, — за пенсией поехал! Здоровье их с Ниной нормальное. Пообещала, что передаст ему мою просьбу посетить Орел. Да. Да! Непременно, с ночевкою.

— А ты с Валей приезжайте в деревню, — настаивала сестра, — теперь, когда бабашки Веры нет, то нет причин для отказа. Вы свободные люди. Как никак, а все скрасите мое одиночество.

Председатель

*Высокий, строгий фронтовик
В дела крестьянские проник.
Сам — пахарь, сеятель, старатель,
Таков наш первый —
Председатель!*

Александру Митрофановичу Новикову, урожденному еще в XIX веке, досталось разоренное войною хозяйство. Он стал первым послевоенным председателем колхоза имени легендарного летчика Валерия Чкалова. Портрет героя долго висел в кабинете председателя. И сам он был не робким человеком. Прошел всю войну, имел много боевых наград. Одевал же их крайне редко, по большим праздникам. Не до того было. Дел не почтый край. Коней надо было собрать. Благо у немцев некоторых отбили. Животноводство поднимать. Строить дворы и конюшни. Лес истреблен. Надо завозить бревна из засеки. Подводы посыпать. Дубками можно обойтись и за счет своего леса — Стижирия, что под Китаево. Там еще можно что-то отыскать. Главный упор на лозу и глину — плетни сооружать. Ходы отремонтировать. Уголь к кузнице подвести. Со сбруей, хомутами Иван Козин справится. Лихой кавалерист, профессионал. На Сивково Федор Гришин в бригадирах. Справится. Он, хотя и с одною рукой, но она у него хваткая. Да и голова на месте.

Колодцы, пруд есть, но почистить их надо. Благо есть кому. Рабочих рук достаточно. Полсотни трудоспособных только в Сивково. Поменьше, в Аннино и на Архангельском. Но там и размах уже. Счетоводом будет Стрюков из Ушаково.

Считает Василий Иванович, как арифмометр. Косточки на счетах, шустро, как тараканы бегают. В его деревне с мужиками то же не плохо.

Так рассудил председатель, и закружила мельница горячих буден. На Архангельском поселке вертелась уже настоящая мельница. Что не получалось на ней, Репнинская выручала.

Каждое утро собирался трудовой народ на конный двор — круглую поляну, ограниченную, с севера — школой двумя колхозными амбарами, что в ведении Никиты Бугаева, с запада — председательским домом и поодаль, за ним, скотным двором, с юга — кузней и двумя конюшнями, там Козину еще Филипп Андреевич Бурдыкин помогает. Совестливый старик. Не зря его любят народ. Приветливый и заботливый. Ему, что колхозное, что свое — все дорого.

Ну, а на восток — сама деревня домами, как грибами, по двум сторонам оврага облеплена.

На конном дворе избушка стоит — это правление колхоза. В её пристройке — хозяйство конюхов.

Прежде, чем лошадей разобрать, бригадир Федор Павлович, которого все зовут, кратко — «Палч», дает рекогносцировку. То есть, где, кому, на каком участке надлежит сегодня трудиться.

Кому в поле косить. Кому снопы вязать. Кому за камнем в Жарновский верх ехать, а кому Алленной мост обустраивать.

Каждую неделю политинформация о текущих событиях в стране и за рубежом. Её проводит учитель Яшин. Мама, бывает, дома поделится услышанным. Теперь за яблони да за ульи налога не будет. И хлебушка на трудодни больше дадут. В газете пропечатали. Бабы теперь поют:

*Нам товарищ Маленков
Напек пышек и блинков,
А товарищ Берия —
Потерял доверие!*

Рядом с правлением деревенские бабы, подобно толстовской Анне Павловне Шерер, основали свой приют для интим-

ных разговоров. И подальше от мужицких самосадов. Так называемый «ракитовый салон». Первым вельможным сановником, типа князя Василия, здесь сам председатель. Он порою отчитывается перед крестьянками за трудодни, за школу и детей, за налоги и недоимки. Чаще объясняется с представительницами прекрасного пола чиновник, рангом пониже, бригадир.

*На Конном. У правленья. Под ракитой,
Обжавши ствол её со всех сторон,
Гудит, шумит,
как Шерер знаменитой,
Сивковских баб — ракитовый салон!*

— Ты, Председатель, говори открыто:
Как нам с детьми, без хлеба дальше жить?
Мы трудоднями-палочками сыты!
Когда начнете деньги нам платить?!

— Ты, Палч, зачем Ефимову поставил
Взамен прогула, — трудодень? Ведь он
С утра гнал брагу!

— Аль, тебе поставил?!

Колюч, как Ёж, — ракитовый салон!

Большие собрания зимою, как и новогодние Ёлки, проводятся в школе. Здесь же изредка крутят кинофильмы, по частям. На радость взрослым и детям. И про Чапаева, и про Матросова с Маресьевым. И про «Молодую гвардию» и про «Подвиг разведчика». Кино привозят из Болховского кинопроката. Из райцентра наведываются со слепым баянистом и самодеятельные артисты. Поют, пляшут, исполняют частушки на злоу дня.

На конном дворе, не раз обсуждались мои заметки, напечатанные в газете. Кто-то хвалил, а Ефимовы, чей родственник был налоговым инспектором и дом которого сожгут, потом больше ругали. Некоторые полагали, что это отец меня на

творчество подбивает. Доходили слухи, что об этом говорил даже сам председатель Новиков. Вот почему мне придется защищать честь отца через милицию, куда я написал письмо. С хозяином колхоза побеседовали, где следует, и разговоры с тех пор поутихи.

У председателя было 4 дочери и сын Иван. Старшая дочь, Катя, вышла замуж за моего родственника Василия Бугаева. Средняя, Люба стала супругою сына Филиппа Андреевича, Александра Бурдыкина. С младшую, Лидой, я учился в школе. Она одно время была невестою Миши Гришина. Да, видно, армия помешала им обручиться. Там, в поселке Вожеаль Михаила окрутила другая приятельница, что оказалась настойчивее Лиды.

В 1957 году колхоз укрупнится. Название сохранится, а вот правление будет перенесено на поселок Щербовский. Вскоре поменяется и власть. На смену часто болевшему Новикову придет так же фронтовик, но из молодых Василий Борисович Тишин. Он пересядет с коня на «газик», а водителем у него окажется Василий Васильевич Ефимов, с кем мы ходили в клуб и кто с отцом попытается отомстить селькору. Замом председателя станет работать Иван Митрофанович Карпухин. С ним мы и совершили поездку в засеки.

И Тишин и Карпухин — выпускники Брянской партшколы. Председатель вскоре женится на Тоне Таракановой. В материале (если не ошибаюсь) «Мы в долгую перед тобою, деревня», опубликованном в «Болховских курантах», № 67 от 21 августа 2005 рассказывалось о том, как молодой, 17-летний паренёк Вася Тишин добровольцем отправился на фронт, и как его горестно туда провожала, а затем с нетерпением ждала возвращения, его возлюбленная девушка Тоня.

Моя сестра Антонина Ивановна, с улыбкою показывая на газету, говорила: «Ты, Петя, давно их знаешь, сам рассуди, Тишин с 1925 года рождения. Тоня с 1936. Разница в возрасте — 11 лет! Как могла 6-летняя девочка с вздоханиями провожать 17-летнего, причем, обещать ждать? К тому же Тоня Тараканова жила в Репнино, а Вася Тишин на Калиновском поселке, что за 10 верст, через рощи, реки и поляны. И они, уже будучи взрослыми, вплоть до скорого ухаживания, до свадь-

бы, вообще не знали друг друга. По газете же у них, как у «Тахира и Зухры», пламенная любовь получается».

— Да это же все проделки Ханумы! — пошутил я.

— Какой Ханумы? — не поняла сразу сестра.

— Да журналистов! Им же надо душещипательную историю подать. Вот они во имя сюжета и обыграли.

— Конечно, кто их не знает, воспримут все, как должное.

— На это и был расчет.

На этом и закончилась наша веселая беседа с сестрою. А день спустя, в лесу, мы встретились с Антониной Тишиной и в присутствии двух мужчин, расцеловались, как старые знакомые. С Тоней мы учились в одной, Репнинской школе. Я представил ей бывшего со мною зятя Игоря Николаевича Корнеева. Ему ведь тоже надо было объяснить причины моего столь сентиментального жеста. О статье в газете я говорить с Тоней Тишиной не стал, — зачем травмировать душу хорошей женщине, которая, рано став вдовою, до сегодняшнего дня хранит память и верность своему мужу-фронтовику, каковым был и его предшественник на посту председателя колхоза.

Похоронят Александра Митрофановича Новикова, а затем его жену Марфу, что, как и Тоня по отношению к своему мужу, на десяток лет моложе своего избранника, в Ёлках, рядом с могилами моих родителей.

Бригадир

*С одной рукою Фёдор жил,
Работал. Службой дорожил.
И чтоб держаться «во Князи»,
Избрал уделом: «всех — грызи!».*

Не легкое это дело бригадирствовать в разоренной войною деревне. Но надо было подниматься с колен. Материальных стимулов не хватало, потому и приходилось пользоваться унтер-Пришибеевскими методами: не дозволять, запрещать,

запугать. Вот и стал Федор Павлович Гришин настоящим гро-зом для односельчан. Мы уже рассказывали, как он издевал-ся над ними. В том числе и над моей мамой.

После смерти отца, в 1958 году, когда маме исполнилось 55 лет и она оформила пенсию, я сказал Федору Павловичу, чтобы он более не досаждал маму своими придирками. «Вот ты как заговорил! — осклабился бригадир, — ну, посмотрим». «Что смотреть? — горячился я, — мама теперь пенсионерка! Ей не надо никакого минимума отрабатывать. Будут силы и желание, пойдет в колхоз. А нет, так у нее по дому работы не в приворот».

Слушая нашу беседу, мама охала: «Да теперь он меня поедом съест. Опять с лошадью мордовать начнет!».

Когда Гришин жаловался мужикам на мою строптивость, то они, покуривая, замечали: «Он — селькор! Чуть нажмешь, в газету пропишет». Мой друг Федор Лукахин по этому поводу даже стихи сочинил:

*Как бригадир, кто честно жить не хочет,
Кому Советов власть не по нутру?
Селькор Петр Козин их и пропесочит,
И очищаться поведет к костру!*

«Я мужикам и тезке-бригадиру так и сказал, — хитро улыбался Федор Иванович, — что вы к Петру, как некогда к татарскому хану, через очистительные костры ходить будете. Бутылкою, как у вас принято, не отделаетесь. Он не пьет. В общем, как мог, настращал!». Мы грустно посмеялись. Я ведь знал, что Федор не только за меня в заступ идет, а и за свою молодую жену Лиду, которой от бригадира так же достается.

В чем-то оказался и прав мой друг. Видимо, чтобы закрыть рот, меня, вдруг, назначают бригадиром молодежного коллектива по строительству Сивковской молочно-товарной фермы. Бутовый камень для фундамента возили из Жарновского лога. Я самостоятельно и трудодни стал начислять рабочим. Сам и отчитывался в правлении за проделанную работу. Трудился на этом посту до ухода в армию, в октябре 1959 года. Когда пошел на пенсию, в 2000, то мне рабочий стаж

вывели с 15 лет. Тогда увидел, что за неполный год я выработал 146 трудодней, при годовой норме — 180. Не плохо, выходит, старался.

Бригадир опасался не только меня. Был у него и еще один враг. Это мой сосед Архипов. История вражды такова. Когда от перепоя умер брат Андрея Алайкина, офицер-фронтовик Иван. Именно он был первым в деревне бригадиром. У него вдовою осталась молодая жена Анна, жившая со слепою мамою. Мать ее, когда они еще проживали до замужества дочери в Репнино, пошла в лес за коровою. Наткнулась ногою на мину. Мелкими осколками было изранено все лицо, огнём были выжжены глаза. Она ничего не видела, ходила по памяти, наощупь. Зато все хорошо слышала.

Пользуясь несчастьем красивой вдовы, похотливый Федор Павлович избрал ее своею жертвой. У него была своя молодая и симпатичная жена и дочь. Но, войдя в азарт, он додился от Анны не столько взаимности, сколько обычной уступки. Их амуры проходили на потолке. Мама, если что и услышит, даже выйдет в сени, то все равно никого не обнаружит. Все бы так и шло, да надоела такая жизнь Аньете. Она, возьми, да на законных основаниях и сойдись с плотником из деревни Лабосынка Василием Федоровичем Архиповым. Он уже стал оставаться у своей невесты на ночевку.

Видимо, не зная о его присутствии в доме, бригадир, по обыкновению, взобрался на крышу. Прокопал дыру и оказался на потолке. Попытался вызвать Анну, но тут-то и нарвался на Василия. Был скандал на всю деревню. Мы, тогда еще глупые, но любопытные ребята, ходили смотреть на проделанную Палчем нору в соломенной крыше. Женщины лукаво посмеивались.

Трудно было бы Федору Гришину справиться с волевым, а главное, двуруким и сильным Архиповым, оставайся он под его началом. Но за плотницкие таланты Василия Федоровича назначали руководить строительной бригадой. И он стал большее время проводить на Щербово. Это, однако, не означало, что контроль за женой был ослаблен. Сама Анна, уже чувствуя защиту мужа, вела себя смело и независимо. Так обрезала незадачливого рыцаря ее сердца, что он навсегда забыл к ней дорогу.

С рыльцем в пушку оказался Палч. Вот почему ему приходилось хитрить и лавировать с теми, кто мог достойно дать сдачи. Зато он отыгрывался на беззащитных женщинах, типа моей мамы, Лиды, хромой Насти Сергейчевой или полуслепой соседки Софьи.

В вышедшей в 1993 году книге «Отчий край» я опубликовал стихотворение «Косарь», посвященное инвалиду-фронтовику Гришину (дается в сокращении):

*Вдыхая свежесть синевы,
Отяжелевшую походкой
Он шел с косой, как в дни войны
Шагал с горячую винтовкой.*

*Остановился. Вытер пот,
Вдохнул красу рассветной силы.
С одной рукой,
Но шел вперед —
Былой солдат моей России!*

Это же стихотворение было продублировано и в двухтомной антологии «Первый салют», вышедшей в 1995, когда страна торжественно отмечала 50-летнюю годовщину Великой Победы. Тираж огромный — 100 тысяч. Её вручили всем ветеранам. В том числе и фронтовичке Фросе Бугаевой, которая, после смерти Анны, стала новою женой Василия Архипова. Моё стихотворение, уже широко известное, прочла у неё соседка Софья Кузина и взяла меня в оборот:

— Как ты мог, Петя, так поступить — везде Палча прославить?! Ты что забыл, как он над нами, беззащитными, измывался? Как твоя мать из-за него в больнице едва не умерла? Как он у нас за спинами вязанки соломы поджигал?

— Не забыл, — отвечаю, — но я отлично помню и то, что он с одною рукой был первым косцом. Мы, молодые, за ним не поспевали. Помню, как одной рукою он запрягал лошадей, шил хомуты. Грузил на возы бревна и солому. Управлялся с сохой. Потом же, он руку не по пьяному делу потерял, а когда шел в бой за Родину нашу. Вот я и стараюсь быть объектив-

ным.

— Ох, добрый какой нашелся. Не один он воевал, инвалидом стал. Сколько их не вернулось, вообще. Ты это забыл? А еще — учитель!

Так мы и расстались с Софьей Федоровной, каждый при своем мнении. Но не забыл я сказать несколько добрых слов и о ней самой. (Дается в сокращении):

*Грустных мыслей в узелок не прячет:
Русская открытая душа!
Горьких дум зазря не вороша,
Для деревни Софья многое значит.*

*Земляки бывало, говорят,
Провожая в город с добрым взглядом:
— Ты о маме не волнуйся зря,
Как-никак, а Софья с нею рядом.*

*Если что, поможет и спасет.
Софья ж, как заботливая птица —
Дров сготовит, хлеба принесет.
Заболеет мать, — подаст водицы.*

*Мамы нет, но в доме, где растет
У дверей пахучая крапива,
На краю песчаного обрыва —
Одиноко Софьюшка живет.*

Сегодня не только нет мамы, но в Болховском Доме старчества несколько лет назад умерла и моя верная соседка. С нею мы вместе много лет пасли стада, трудились на покосе и хлебоуборке, читали Петра Замойского «Подпасок». Софья всегда горячо отстаивала мое право быть селькором, чтобы защищать от Палчей, бедных и слабых.

Уйдя на пенсию по старости (по инвалидности давно была), Федор Павлович Гришин работал почтальоном. Ноги у него были проворные. А похоронили его, как и председателя Новикова, рядом с могилою моих родителей. Только по другую сто-

рону. Прямо над оврагом. Получается, что и на том свете они под их началом.

Смерть Лукича

*Учитель первый, незабвенный
Жил, как солдат, презревший смерть,
От выстрела в саду осеннем
Ему пришлось и умереть.*

История с пилоткой, подаренная мне братом, была широко обсуждаема в деревне. Все осуждали Елену Алексеевну Гришину, жену Дмитрия Лукича Яшина за немилосердный поступок. Как же, она наступила ногою на один конец пилотки, взялась двумя руками за другой и разорвала ее в клочья. У меня, 10-летнего мальчугана, наблюдавшего эту картину из-за зарослей пруда, вслед за пилоткою разрывалось детское сердце.

*Когда брат из Германии приехал,
Мне со звездой пилотку подарил.
Я по саду в ней с яблоками бегал
И там забыл, в облаву угодив!*

*Вбежала в сад Алешкина Елена,
Я прячусь от неё в густой осот.
Гляжу, нога в пилотке по колено,
Она ж кричит и мне проклятья шлет.*

*Пилотка в клочья — горькое мгновение!
Порыв безумства не остановить.
Возможно, есть — Прекрасные Елены,
А мне никак жестокой не забыть!*

И это все из-за пяти собранных яблок в её саду, который, спустя время, станет местом гибели дорогого мне человека,

первого учителя Яшина. Ведь это он, боевой старшина, провожал меня в октябре 1959 года на службу ратную. Затащил в школу. Поцеловал и сунул 25-рублевую купюру: «Возьми, дорогою пригодятся!». Ведь до подобного поступка не снизошли ни председатель, ни бригадир. А им и по рангу положено проявлять отеческую заботу о своих сынах, приходящих им на смену. Старый же учитель-патриот помнил о долге. И за себя, и за них.

В своем очерке о нем я не рассказывал о трагическом событии, имевшем место в Алешкином саду. Теперь настал срок.

Существует две версии о причинах его безвременной гибели. Первая, народная, в изложении Федора Лукахина и мамы такова.

Квартира Лукича в школе считалась служебной. Роль технических выполняла его жена, от которой у него было две дочери — Маша и Аня. Маша жила в городе, а Аня, окончив педучилище, работала вместе с отцом. Заболела жена и вскоре умерла. На роль технической служащей пришла Елена Алешкина. Крепкий, жизнелюбивый учитель избрал её своею суженой. Когда же вышел на пенсию, то все нажитое им ранее: мебель, пасеку, инвентарь, перенес в дом новой жены. Причем, навел в её хозяйстве подобающий порядок. Перекрыл железную кровлю. Заново отстроил двор и сарай. Купил пасынку Михаилу Гришину мотоцикл. Все шло, как блин по маслу. Да вот одна беда. Не учел гордый учитель строптивый характер Елены. Она же, когда работала под его началом, представлялась заботливой и нежной. Стоило же им поменяться ролями, как всё пошло не так, как он предполагал.

Стоило Яшину выпить, то сразу сыпятся упреки. Дескать, её добро пропивает. Куда по делу отлучится, сразу подозрения — гуляет на стороне. Попытается что решить, то слышит в ответ — ты здесь не хозяин.

Настал час икс. Доведенный придирками и оскорблениеми до помешательства, учитель решается покончить счеты с жизнью. Берет охотничье ружье, с которым никогда не расставался, и выходит с ним в злопамятный сад.

Вставлен патрон. Приставлено дуло ружья к груди. Раздается выстрел! Грачи и вороны с гаем взлетают над деревья-

ми. Тяжелораненый Лукич, истекающий горячей кровью, падает лицом в желтую траву.

Уже в больнице его пришли навестить дочери. С плачем спрашивают: «Папа, ты зачем так сделал?». В ответ слышат гордый ответ: «Так надо!».

Спустя некоторое время Яшин умирает.

По данной версии вывод однозначен: произошло самоубийство!

Первого июля 2000 пасынок учителя, друг детства Михаил Гришин, пришел на торжественные проводы меня на пенсию. Мой брат Александр и я поинтересовались событиями далекого времени. Изложили вышеуказанную версию. Михаил Семенович отрицательно покачал головою.

— Это было не самоубийство, — твердо сказал он, — а несчастный случай. Версия пасынка Гришина. Отец вышел в сад, чтобы попугать ворон, часто наведывавшихся за цыплятами. Отыскал жертву. Прицелился. Нажал курок. Ружье дало осечку. Дмитрий Лукич оттянул затвор, чтобы устраниТЬ неисправность. Гильза, неожиданно, от взорвавшегося патрона резко бьет его в грудь! — ранение и смерть.

Следовательно, кончина Лукича есть — несчастный случай.

Спустя два дня, гостив с братом на Калиновском поселке, мы поинтересовались у Бондарева его мнением на этот счет. Ведь он работал главой сельской администрации и должен знать суть дела. Василий Илларионович ответил шуткой. «Вы знаете, — сказал он, — что говорят французы в случае совершившегося несчастья? Именно так — ищите женщину!».

Истинную причину, конечно, знает следователь. Мы, однако, можем констатировать, что учитель Яшин и жил, как военный, всегда находясь на боевом посту времени, и умер как воин! Светлая ему память.

*Учитель! Именем твоим
Мы и сегодня дорожим.
И пусть звездой горит свеча
Над изголовьем Лукича!*

ПОСЛЕДНИЕ «МОГИКАНЕ»

*Природа-мать кому-то в назиданье
Двух кумовьев решила испытать.
Бурдыкин и Архипов — могикане —
Последние, как принято считать!*

В музее Михневской школы есть карта-схема с обозначениями вымирающих населенных пунктов. К ним относятся и все те, что ранее входили в состав (до укрупнения) колхоза имени Чкалова. Если в Ушаково, Аннино, Сивково, поселке Архангельском за счет поселившихся там цыган еще теплеет жизнь, то поселки Шуевский и Голубовский вовсе не существуют.

Умирающие деревни. Здесь пустуют, или заросли мелко-лесьем и бурьяном прекрасные земли. Некогда богатые пашни и цветущие луга. Былые воронки, окопы и траншеи и те ныне сгладились, обросли лесом и травою. Словно зовут к себе пахаря и сеятеля. Но нет их. Обезлюдило село.

В брошенных домах окна заколочены досками. Часть из них сгнила или уничтожена, сожжена современными варварами. А ведь здесь, как мы рассказали в своих записках, когда-то кипела жизнь. Её горячо «обсуживали» в «ракитовых салонах» типа Сивковского. То было, хотя и не золотое время, но, безусловно, время надежд и светлой мечты. Мы, селькоры, славили человека труда, чьи руки пахли хлебом. Теперь работы нет. Но если и появляется вдруг, то плата за неё — копейки. Молодежь, что еще уцелела на дедовских корнях, от безысходности спивается. Приобщается к безделью, вымогательству, воровству. И никому нет до этого дела! Что старики, что их потомки — наш замечательный генофонд вроде как выпали из обоймы. Их будто бы и нет.

Вечный русский вопрос: что делать? Ответ ясен — возрождать деревню! Вновь заняться животноводством и полеводством, чем искони кормились наши предки. И не надо было золота им, когда простой продукт имели. Молодым следует вернуться в село. На родную землю, к ее чистым истокам. К берегам малых, но дорогих сердцу речек и ручьев. И птица

удачи опять прилетит. Следует к традиционным видам хозяйствования добавить новую, высокорентабельную отрасль — рыбоводство. Нугрь, Машок, Лабосынь ждут вас. Хочется надеяться, что мои детские мечты сбудутся. И, как на Марсе будут яблони цвести, так и в Лабосыни станут водиться — карпы, налимы и щуки. А не так, как сегодня, лишь на Рожке. Завтра и на берегах других речушек появятся водохранилища. Того требует сама природа, сама жизнь.

*Я верю, что время настанет,
Когда возродится земля.
И утренней зорькою ранней
Погонят стада на поля.*

*Когда вновь услышат березы
Задорные песни девчат,
В лугах зажужжат снова косы,
В подворьях привяжут телят.*

*А в чистых прудах Лабосыни
Весною на нерест пойдут
Пудовые щуки, налимы,
И карпы заплещутся тут.*

*По осени снова в усадьбах,
Где вдоволь любого добра,
Справлять будут весело свадьбы —
Придет золотая пора!*

Мечтать, как любит повторять мой старший брат, не вредно. А как же жить без мечты? Без надежды? Ведь не может русский человек, тем более хлебороб, оставаться равнодушным, когда видит вокруг себя лишь разор. Некогда президент Ельцин обнадеживал, что достигнем дна, вот тогда и начнем выкарабкиваться наверх. Его мы достигли. Наглядный пример тому — Сивково.

Смутные годы

«Стою один среди равнины голой».

Сергей Есенин.

В отчей деревушке Сивково в 1945 — году Великой Победы, в 30-и уцелевших домах, в 3-4 землянках и погребах проживало более 150 человек. Не менее половины крестьян — трудоспособных. В начальной школе обучалось полсотни мальчишек и девчонок. Учились в две смены.

Уже в первые послевоенные годы начался отток молодежи. Вначале он обозначился в форме принудительных направлений в школы ФЗО. В эту категорию попала, как известно, и моя сестра Мария.

В 50-е годы выдвинули новый призыв — на торфоразработки. Уезжали на заработки, в основном, девушки. Там, получив паспорта, они оставались. Или, выйдя замуж, переезжали в другие места. Юноши, оказавшиеся без невест, уходя в армию, чаще всего после окончания службы завербовывались на стройки пятилеток и тоже оседали на стороне. Нехватка рабочей силы, однако, восполнялась механизацией сельскохозяйственного производства. На смену сохе и конному плугу пришли трактора. Конные жатки и молотилки заменили комбайны. Ликвидация МТС побудила колхозы к укрупнению и приобретению собственной техники и сельхозинвентаря. Вот почему в 1957 году колхоз Чкалова расширил свои крылья и поменял центр с Сивково на Щербовский поселок.

После введения Хрущевым паспортов, в 60-е годы, начался новый отток молодежи из села. Стабилизация экономики страны позволила переход с трудодней на денежную оплату и введение пенсий для колхозников. Вот почему основной причиной к перемене мест уже стал не экономический, а социально-культурный фактор. Молодые устремились в город — за наукой и культурой. В том числе и я начал обучаться в университете.

Сильным ударом по основам сельского уклада явилось объявление в 70-е годы Брежневым идеи «неперспективных населенных пунктов».

Самый настоящий разор села начался с 1985 года, в период так называемой Горбачевской перестройки. В поиски теплых мест устремились уже и взрослые и старики. К 2000 году в Сивково жизнь теплилась лишь в пяти хатах, при двух коровах на всю деревню. За отсутствием животных стали заработать не только поля и луга, но и сама деревня. К домам уцелевших старииков не было возможности подобраться не только на транспорте, но и пешком. Вот почему 4 июля 2005 года мы с братом Александром, прибыв навестить родные пенаты, не смогли найти путь к друзьям односельчанам. Пришлось отправляться брату домой, в Серпухов, так и не поведавши отцовского гнезда.

Данный пробел я решил восполнить уже самостоятельно. 23 августа того же года вместе с фотокорреспондентом Валерием Часовитиным, огородами, по наезженной грузовыми автомобилями колеей я добрался, наконец, до пашни соседа Архипова. Моя синяя «Ока» остановилась прямо у плетушки хозяина, убиравшего с женою картошку. Щелкнувший затвором фотоаппарат запечатлел нашу встречу.

Когда мы с фотографом, через бурьян, ринулись к моим отчим домам, чтобы сделать снимок, то оказались в позе обескураженных чиновников гоголевского «Ревизора» — ни одной из двух хаток на месте не оказалось. Ни той, что мать купила у Александра Новикова в 60-е. И ни той, что позже, в 70-е, она приобрела у родственника Василия Бугаева, переехавшего жить на Дольцы. Не осталось следов даже от их фундаментов. Сгинули с лика земли так же избы — Федора Луканина и Софьи Кузиной. Истинно, — Мамай прошел!

После разговора с соседом Архиповым о жизни сермяжной я написал стихотворение «Смутные годы». Из него читатель, надеюсь, поймет причину моего несчастья.

*Стую один средь зарослей бурьяна —
От материнской хаты нет следа.
Кто снес избу?
Так кто ж нанес мне рану,
Что сердце не забудет никогда?!*

*Сосед Архипов голосом печальным,
Как будто кнут, выкручивал слова:
— Заехали «крутые» болховчане
И все, как есть, забрали на дрова.*

*Что домик твой?
С соломенною крышей
Он долго бы и так не простоял.
Кирпичный особняк,
Где жили Гришины,
И тот на зорьке факелом пыпал!*

*От Новиковых дома — головешки
Одни остались догнивать в саду.
Завелся в деревушке будто леший,
Его узреть — себе же на беду!*

*Он то у Софьи Кузиной все банки
На погребе с соленьями разбил;
То Машу Гришину пугал ножом и палкой —
Три пенсии унес, но наследил.*

*Его узнала бедная «цыганка»:
Обидчик женщин — местная «шпана»!
Вослед за Софьей,
В Болхов спозаранку,
В дом старчества уехала она.
Искать защиту — суетное дело.
Милиции, судам — доверья нет!
И коли ты устал от беспредела,
Ищи у Бога ласку и привет!*

*Я стар, беззуб.
В руках нет прежней силы,
Её я отдал родине сполна.
Что Сивково?
Умыкали Россию!
Разрушена великая страна!*

*Хоть был «застой», а жили мы не плохо,
В любой избе — и хлеб, и молоко.
К зиме с женой перееду в Болхов,
А бросить дом, сам знаешь, нелегко.*

*Останется здесь жить лишь кум Бурдыкин,
Вот он и есть — последний «могикан»;
Один в ночи — задохнется от крика!
А кто услышит? Разве лишь кабан.*

*Иль козы дикие, что набегут из леса —
Зверья сегодня много развелось.
Но далее, уже без интереса,
Мне слушать речь соседа довелось.*

*Стою. Смотрю, душою каменея:
От крова отчего — ни камня, ни следа.
Мне горше, чем Есенину Сергею,
Что, как и я, жил в «смутные годы».*

Вот таковыми оказались реалии жизни. Грустно. Я не мог сказать, как Есенин: «Равнодушен я стал к лачугам, и очажный огонь мне не мил». Потому что, в отличие от него, удачливого, кроме «лачуг», «очажного огня», в моей беспроблемной жизни ничего путного не было. Мне были не нужны особняки — это крупная рыбешка, а моя и лачугами-пескарями хороша!

Россия помнит смутные времена (1597-1612), (1917-1937). А теперь и перестроечные (1985 до настоящего времени), мы переживаем такие же, не менее «смутные годы».

Свое одноименное стихотворение вместе с резюме «Крах Сивково» я отдал в газеты — официальную, а, следовательно, в единороссовскую, демократическую — «Болховские куранты» и коммунистическую «Орловскую искру». Предварительно познакомил с материалами сестру Антонину Бондареву. Она прочитала, похвалила. Все, дескать, хорошо, правильно, но печатать не будут. Почему? Да потому, что ни капиталистам сегодняшним, ни коммунистам, — правда не нужна! Ты же

критикуешь и тех и других. Кому это понравится? Сестра не оказалась истинным провидцем. В последний день января 2006, когда мы с другом Сергеем Шмелевым готовили рукопись, то неожиданно раздался телефонный звонок. У аппарата была главный редактор «Орловской искры» Полянская. Светлана Григорьевна сообщила, что в среду, 1 февраля в газете будет опубликован мой материал и что она оставила для меня 10 экземпляров данного номера. Выходит, что смутные времена, хотя ещё и продолжаются, но есть предпосылки смотреть на будущее с большим оптимизмом.

Архипов

*Василий — работник, что надо:
Известный в округе «Левша».
Зовут его люди в награду —
«Орел», золотая душа!*

30 сентября 2005, заездом из леса, где вел тихую охоту, я вновь оказался на усадьбе Архипова. Первой встретила меня его новая жена (Анна, а затем и Фрося умерли) Мария Николаевна Корнева. Она родом из Репнино и вот уже 8 лет как проживает в Сивково. Мария с 1926, а, следовательно, на год старше своего супруга, которому в следующем, 2007-м, исполнится 80 лет.

Мы уселись с подошедшим на зов жены Василием Федоровичем на скамью, и я стал слушать его рассказ о сивковском житье:

— Сестры Сергейчевы переехали жить куда-то под Тулу. Как-то приезжал младший из шести братьев Новиковых. Кажется, Митя, а что смотреть? Дом его и Леночки Алешкиной, где жили болховские дачники, сожгли. Леший в деревне залежался. Он же, видно, у Софии Кузиной, покойницы, и банки с соленьями на погребе разбил. «Цыганка» Маша Гришина (мужа Илью Кузьмича и ее так звали потому, что они действительно

происходили из оседлых цыган) уехала в Болховский Дом старчества. Суди сам, как на отшибе деревни ей одной жить? Мужика страх одолеет. А тут повадились к ней местные уголовники. И ножом угрожали, а палкой по голове били. Три пенсии отняли. Пригрозили, мол, заявишь в милицию, — убьем! Я на зиму, а, может, и насовсем в Болхов думаю перебраться. Там на Ключикова, 67 (рядом с автобусной остановкой «Больница») у Марии домик есть. Я уже и картошку туда свез. Заезжай в гости, когда сможешь. Да и как тут оставаться? Зубов нет. Косить не могу. Воду из колодца по буграм привезти — проблема! Руки трусятся, пока 40-литровый бак поднимешь. Зимовать сил нет, — весь выходился.

Тут подошла жена Мария. Я подарил ей книжку «Перелески» на память. Сказал, что в ней о ее муже написано. Она попросила прочитать. Мол, сама плохо вижу. Пришлось открыть нужную страницу и найти стихотворение «Мастер».

*И в Щербове он, и в Лохани,
В Сивкове и в Красном Клину —
Зарубки на память оставил,
Считай, что на каждом дому.*

*Когда к его хате подходишь
(Василий в Сивкове живет),
Сам мастер навстречу выходит
И в гости с улыбкой зовет.*

*Здесь каждая вещь рукотворна,
Изюминка в каждой своя!
Трудился светло и упорно,
С улыбкой глядит на меня.*

— Ну, как поживаешь, Василий? —
Я первый вопрос задаю.
— Живу, — отвечает, — да силы
Уходят. Похоже, сдаю.

*Из дома соседа я вышел.
Вокруг на версту никого.*

*Подумалось: сельские крыши
Обрушатся все без него.*

*Поникнут амбары и хаты,
И флюгер над кровлей замрет.
В лучах золотого заката
Пусть мастер подольше живет.*

«Вот спасибо, вот молодец! — хвалила меня Мария, — действительно, уже сил нет в деревне жить. И хоромам рад не будешь, что он понастроил. Подождите, я вам сейчас меду принесу. Дома угоститесь!».

И принесла. Передала мужу. Василий Федорович, вручая мне литровую банку свежего меда, сказал: «В трех ульях по три рамки было. Вот ведро и нагнал. Остальные колоды продал». Я поблагодарил за подарок, и мы тепло попрощались.

Когда завел мотор «Оки», то на него откликнулась овчарка, привязанная на цепи. Пес был основной охраной усадьбы. Правда, у предпримчивого соседа и ружье на всякий случай есть. Потому и обошли его стороной местные прилипалы к чужому добру.

Бурдыкин

*Зять председательский Бурдыкин
Был Александром, как и тесть.
Он, что Бирюк когда-то дикий,
Жил в одиночестве, как перст.*

Об отце Александра, Филиппе Андреевиче Бурдыкине, поистине святом старце, мы уже упоминали не раз. Дом его, как и председателя Новикова, до сих пор стоят целыми. Все потому, что находятся под надежным присмотром «последнего могикана» Сивкова. Как несколько лет назад ушла из жизни его ненаглядная жена Любя, так с тех пор он и живет один. Сохраняет верность. Как признался мне, он свое утешение

находит, лишь встречаясь с Любою на кладбище, где и памятник ей обновил. Сын же часто проезжает мимо Сивково (он возит хлеб в Белев), а к отцу заглянуть у него все нет времени. И дочка Света, что живет в городе, тоже — не частый гость родительского очага.

Дом, в котором он сегодня проживает, кирпичный, добродушный, Бурдыкин купил его у охотника и зверолова Григория Ефимова. Еще в молодости я написал рассказ «Петля». В нем я поведал, как мой герой ловил силками зайцев. И как мы, мальчишки, жалея несчастных зверьков, состегивали его удавки. Основная работа Григория Ефимова была на ферме. Здесь он управлял установкой ветрового насоса. Лопасти ветряка исчезли, а вот водонапорная башня осталась. На ней несколько лет жили огромные серые хищники. То ли орлы, то ли беркуты. Осеню 2005, в день визита к Бурдыкину, я их уже не встретил. Наверняка подстрелили.

Беседую с Александром в его ухоженном саду. Он, в отличие от своего родителя, мужчина эмоциональный и порывистый. Поругал детей за забывчивость. Затем досталось и главе сельской администрации Игорю Васильевичу Тишину, что обещал уплатить за не поставленный уголь 1000 рублей, сам же обманул, не дал даже и трехсот. Затем мы перешли к охотниччьим проблемам. В этом «могикан» — дока. Не то, что его кум Архипов. Ружье имеет, а не стреляет. У Александра все под прицелом. Еще бы! К нему по ночам в сад наведываются не то, что кабаны, но даже дикие козы.

— Всю мелкую картошку на огороде подобрали, — рассказывал он с возмущением, — а тут еще не успел убрать ворох яблок под деревом, так и его умели ненасытные звери. Как же им не наглеть, когда болховские охотоведы им по нашим перелескам — Лусошку и Камню кормушки устроили. Там все съедят, идут ко мне на откорм. Когда-нибудь я их припалью! Двустволка у меня надежная!

— Правильно сделаешь! — поддержал я односельчанина, — только смотри осторожно. Ненароком кабана только ранишь, — разорвет!

— Не промахнусь!

— Щуки в Лабосынской заводи, что мы с тобою смотрели

в 2000 году, после оползня не пропали?

— Не знаю. Давно не был. Там все заросло — не пройдешь. А вот в нашем Сивковском пруду, заезжие да болховские дачники полукилограммовых карасей вылавливают. Сам видел!

— Мы в июле с братом мимо Сивково проезжали, а к тебе по бездорожью добраться не смогли.

— Да по огороду, как ты сегодня, надо было.

На этом и закончилась наша беседа с последним могиканом Сивково, Александром Филипповичем Бурдыкиным. По прощавшись, я сел в машину и дал газ. Прощайте, родные пенаты!

* * *

13 октября 2005 мы с сестрою Антониной Ивановной Бондаревой решили наведаться в Михнево. Решили собрать яблок в ее родном саду. Их уже успели обобрать, так что удача нам не сопутствовала.

Мы направились к дому над Машком. Он стоял такой же обустроенный, как и был. Но только и двор, и сад так заросли бурьяном и чертополохом, что мы долго чистили свою одежду, срывая цепкие репьи и паутину. Некогда дядин дом сегодня находится на попечении тестя Сергея Дерябина.

— Плохо сватья за усадьбой смотрят, — заметила сестра, — да и то сказать, когда им, старикам. У себя тоже надо все обкашивать, а сил наших нет.

— А сам, Сергей?

— Да, он давно что-то не приезжал. У него в Петербурге с Колею свои семьи. Им и там забот хватает с детьми.

— Это верно.

— В Михнево за счет школы и медпункта, да на центральной усадьбе поселка Щербовский еще жизнь пока течет. А что ваше Сивково, что наш поселок Калиновский, в запустение пришли. Последние могикане остались. Я уеду, сосед Толик в Болхове дом себе построил. Тоже переедет. Останутся лишь два двора. Да и те — на ладан дышат.

— Ничего, — успокоил я сестру, — рано или поздно, но возвратится в село молодежь.

— Дай-то бог! — покачала головою сестра и тяжело вздохнула.

Её сомнения я решил развеять этими оптимистическими строками:

*Я верю, что на смену могиканам
Вернется юность к дедовским корням.
Мы — сердцевина Руси, не окраина,
Вновь возродится русская земля!*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*То дорога, то тропка узкая,
То ручей, то река без дна —
Ой, ты русская, наша русская,
Наша отчая сторона.*

Дмитрий Блынский.

*И приносит ветер
Мне привет с полей.
Лучше нет на свете
Родины моей.*

Василий Катанов.

Этими выразительными строчками двух замечательных поэтов-земляков можно было бы и завершить мои записки о родной стороне. Настолько они емко и верно определяют и раскрывают избранную мною тему. Впрочем, она была предопределена этими поэтами еще несколько десятилетий назад. Вот как это было.

Памяти Блынского

С верным сыном Орловщины, поэтом Блынским мне лично встретиться не посчастливилось. Но, как я упоминал ранее, мне с юности глубоко в душу запали его стихи о лугах и полях «с черемухой, с песней и с тыщей забот». В воскресенье 21 ноября 1965 (41 год тому назад), в статье «Светлый талант», опубликованной в «Орловском комсомольце», я, в ту пору студент Ростовского Университета писал: «Горько думать, что Дмитрий (заметьте, что мой отец, как и он, Дмитрий Иванович), добрый и красивый человек, талантливый поэт и прозаик, навсегда покинул «край отцовский». Ушел от нас в самом расцвете своего высокого дарования. Вместе с поэтом мне хочется воскликнуть:

*О, край мой отцовский над русской рекой,
Я счастлив, — родиться мне здесь довелось!».*

В далеком 1965 мне казалось, что это он написал и обо мне. Сегодня я могу повторить то же самое. Летом 2005 я посетил с внуками Максимом и Настей могилы родителей. Кладбище «Ёлки» располагается на окраине Машковского луга, что напротив Сапун-горы.

*И не над морем, не в Крыму,
А над Машком, в родном краю,
Кричит с восторгом детвора:
Сапун-гора, Сапун-гора!*

*Из ближних и из дальних мест
Все известь добывают здесь.
Премного этого добра
Таит в себе Сапун-гора!*

*Еще ей слава и почет
За минеральный родничок!
Он чист, как светлая слеза,
И так искрист, что сам нарзан.*

Мы подошли к родничку. Набрали в пластмассовую бутылку, поистине чистейшей, в газовых пузырьках, воды. С удовольствием выпили. Внуки, любуясь живописным простором луга, вдруг спросили с любопытством: «Дедушка, а ты в самом деле здесь родился?» Мне ничего не оставалось делать, как в очередной раз продекламировать нечто созвучное стихам Блынского:

*Родился я на берегу Машка,
Июльскою покосною порою.*

Показываю им рукою в сторону Жарновского леска, что рядом с Сапун-горою, откуда течет такой же прозрачный ручеек. Объясняю, что в его логу, будучи бригадиром на ферме, я

вместе с ребятами и Александром Бурдыкиным (ныне последний могикан Сивково, он на 11 лет старше), добывали бутовый камень. Вывозили его по ручью на бричках. А вот, где груша сейчас растет, стояли копны свежего сена. В одной из них, мама и родила меня. Здесь же и обмыли чистой ключевой водою.

Выразив неподдельный восторг от моего рассказа, ребята бросились к речке. Пробравшись через заросли лозняка, к самой воде, остановились. Максимка поинтересовался: «Дедушка, ты здесь купался?». «Да! — отвечаю, — вот в этом омуте. Это в него вниз головою наш бесстрашный Чапай нырял!». Внук засомневался. Мол, здесь очень мелко. Не больше метра глубиною — можно и разбиться! Я согласился с его доводами, но при этом напомнил, что в пору моего детства, в 300 метрах вниз по течению была мельничная плотина. Потому в буке вода достигала уровня трех метров. Тут много водилось пескрай. Мы вылавливали их, буквально, из под ног, когда мы стояли в воде, и которые они щекотали. Такое резюме удовлетворило его мальчишечье любопытство.

Мне же вспомнилась, описываемая Блынским, подобная рыбалка. Это и ему «щекотал цыпки» шалун-ручей.

Машковский луг, воплотивший в себе, одновременно, и место моего рождения, и родительский погост, поистине свят. Как свято и имя Блынского. Это он впервые открыл для меня тему родной стороны. Мне приятно, что в сборнике «Я полон света», вышедшем в 1997 году (составитель и редактор Петр Родичев), опубликовано и мое стихотворение — «Памяти Дмитрия Блынского»:

*Нет ничего земли отцовской краше,
Когда рассвет восходит к небесам, —
Пронзительней его о крае нашем
Еще никто пока не написал.*

Данное убеждение я могу повторить и сегодня. Очерки «Родная сторона» — это скромная попытка внести и свою лепту в раскрытии вечной темы любви к отеческому краю.

Катанов

*Он с юных лет писал с любовью
О том, что видел, чем дышал.
Пусть солнцем опалил он брови,
Зато всегда — чиста душа!*

Именно таким, опаленным ветрами и солнцем, но всегда с чистою душою русского патриота представляется мне другой наставник — земляк, прекрасный краевед, поэт и прозаик Василий Катанов. Это, и под влиянием прочитанной мною его повести — воспоминания «Родные дали», я взялся за написание своих очерков. Мне посчастливилось, в отличие от Блынского, не только быть знакомым с его произведениями, но и поддерживать с ним вот уже 36 лет личную и творческую дружбу.

История литературы знает много литературных уголков и целых поэтических оазисов. Но, наряду с Ясной Поляной — Льва Толстого, Спасского — Ивана Тургенева, есть и скромное Васютино — Дмитрия Блынского и родная деревня Фоминка Василия Катанова.

Лауреат первой Российской премии «За Отечествоведение», автор более 30-и популярных книг, в возрасте 76 лет, Василий Михайлович, следуя логике Толстого, усердно занимается сельским хозяйством. Пашет, сеет и косит. От того его благородное лицо и руки задубели и почернели от работы и солнца. Но душа его и глаза, как всегда, излучают тепло и свет.

Своим ученикам, а теперь внукам я постоянно повторяю: «Хотите знать о родном kraе? Тогда идите в библиотеку и берите — Катанова!».

В январской, 1976 года телепередаче, Регина Дубовицкая сетовала, что народный артист России, а затем губернатор Алтайского края, Михаил Евдокимов, постоянно срывал съемки «Аншлага». По полгода гостил на родине у дорогих его сердцу земляков.

Глубокое чувство любви к Родине свойственно многим, достойным уважения, людям, которых я встречал. Инженер верхневолжского городка Углич Галина Куликова ярко и об-

разно выражалась на этот счет так:

*Край свой,
Что сердце, — нельзя не любить,
Даже оно,
Если очень болит!*

И сама Галина, и ее отец, страстный охотник Юрий Иванович Филиппов, вместе с верным псом Диком, исходили все окрестные леса древнего края. И не только с целью охоты. Больше по страсти общения с земной красотою. Я потому говорю об Угличе, что, именно, с гибели при неясных обстоятельствах в 1591 малолетнего царевича Дмитрия Ивановича в этом древнем городе и началась первая смута на Руси, закончившаяся освобождением страны её славными патриотами Мининым и Пожарским. Сегодня мы переживаем третью. Сменились века. Люди же, как и прежде не перестают любить свою родину, несмотря ни на какие печальные обстоятельства истории.

Сивковские «могикане», а моя сестра Антонина Бондарева, разве они не имеют возможности жить в городе? Имеют. И квартиры теплые есть. И уход. Да только корни привязанности к родительским могилам не отпускают их. Невозможно трудно вырвать из сердца, которое даже, как образно выражалась Галина Куликова, и «очень болит», чувство любви к отчиму краю.

Сивково — Белев

*От Сивкова до стен Белева
Мы с Александром, на «Оке»,
Как в юности, что вдалеке,
С восторгом прокатились снова!*

Восторженное чувство «дороги на Белев» связывалось с моей детской мечтой о городах, где каждый магазин «баран-

ками увешен». Именно в этом городе, я, 15-летний юноша, впервые увидел изобилие баранок. Такого не было в Болхове. Других же городов я тогда не знал. Мы с ровесниками привезли на станцию Белев хлеб. Железную дорогу я видел впервые. Заночевали в городе. Утро меня встретило песней из радиоприемника. Радио у нас еще в деревне не было. Голос диктора и позывные первого космического спутника Земли мы услышали из висевшей на стене огромной «тарелки» лишь в октябре 1957 года.

Железная дорога, шумная река Ока, гудящие паровозы, звонкое радио, наконец, свежие буханки хлеба — все это и вызывало восторг у меня в юности. Все это связывалось с понятием «дороги на Белев!».

Теперь, 4 июля 2005, после неудавшегося визита к землякам-могиканам, брат попросил меня отвезти его на станцию. Отсюда до Тулы, где живут его сын Александр и внуки — Олеся и Дима, гораздо ближе, чем от Орла.

Не случайно этот путь избирают дети и зять сестры Антонины, когда едут навестить поселок Калиновский из Москвы и Петербурга. Этой дорогой привык ездить в родное Ушаково и мой школьный друг Павел Фирсов. Теперь и наша синяя «Ока» наматывает на колеса километры местами разбитой автострады.

Миновали Альянский мост, поселок Жуковский, Дольцы, где ныне пасется корова сестры. Полюбовались плодоносящими яблонями совхоза Шмидт. Когда же проехали Руку и Бобрик, то уже невдалеке от города произошло ЧП. Назойливая оса через боковое стекло забралась в салон машины, а затем угодила ко мне под раскрытый ворот рубашки. Пытаюсь отмахнуться, тщетно. Она больно жалит меня в ключицу. Я лезу под воротник, чтобы выбросить ее. Мерзкое насекомое снова наносит удар. Я бросаю баранку, чтобы освободиться от коварной гостьи. Скорость 80 километров. Вижу, что мгновение и я пересчитаю телеграфные столбы. Боль, однако, сильнее страха. И тут брат Александр спокойно, но твердо берется за баранку и опытной рукою управляет ход движения «Оки». Он спас нам жизнь! Не зря же последние, до пенсии, 10 лет он проработал инструктором автошколы.

— Остановись! — распорядился он, — и разберись с осой. Торможу. Выхожу из машины. Выбрасываю проклятое насекомое из рубашки, что трижды досаждало меня. Ключница ноет. Тело горит, как при сильном ожоге. После этого казуса я еще неделю почесывался от неприятного ощущения.

Тогда же, вновь усевшись за руль, я поблагодарил брата за спасение. Потом обронил: «Саша, почему так получается, рабочие пчелы жалят однажды и тут же погибают? А осы много раз, а все здоровы?». Старшой улыбнулся, ответил философски: «Воронье живучее!». Верно, осы, как все хищники, будь то звери или насекомое, более устойчивы к выживанию.

Уже на автобусной станции мы еще раз вспомнили башушку Мавру, отца, мать, брата Ивана, сестру Марию, их детей. Не забыли и о безвременно ушедшем Василии Бондареве. Я напоминаю ему, что все нити родословной теперь в его руках. Он грустно пошутил: «От своих обязанностей я никогда не уклоняюсь!». Потом добавил: «И все-таки, мы одними ногами уже в прошлом. Внуки наши — Оксана, Дима, Олеся, Максимка, Настя, да и Ивановы — Маша с Алексеем — они продолжатели рода Козиных! И не важно, дворянский он, как утверждает наш летописец Дима, или крестьянский!».

Мы обнялись на прощание. Поцеловались. Уже у дверей автобуса 80-летний брат сказал: «Спасибо, что устроил мне, может, последнюю встречу с родительскими могилами, с родным краем. Хотя и зарос он бурьяном, а все, как в детстве — прекрасен и дорог!».

*Автобус юркий в Тулу увозил
Того, кто лишь годами был богат.
Я ж по пути в Орел мечтал,
Чтоб дальше жил
Мой дорогой и незабвенный
Брат!*

* * *

На этом, с позволенья доброго читателя, я и завершаю свои провинциальные записки «Родная сторона». Все то, что я чувствую, расставаясь с земляками, полями и лугами, ручья-

ми и перелесками дорогого сердцу отчего края, попробую выразить словами несоюзного литератора, скромного поэта-фронтовика Ивана Озерова:

*Мне голос выдан небольшой,
Нет ничего плохого в этом —
Слова, что сказаны с душой,
Наполнены теплом и светом.*

Если подобное ощущение передастся и читателю, то я буду считать, что мои труды были не напрасными. Остается добавить, что свои очерки я писал с душой. Тепло же и свет мне дарила — моя родная сторона.

С внуками Максимом и Настей

Семья Корнеевых-Козиных

Вид на город Болхов (У начала Болхова)

В редакции газеты «Болховские куранты»

Щербово – истоки родного края

Родные просторы (На берегу реки Машок)

У крыльца родного (мама с подругой Романихой)

Репнинская школа

У могилы родителей

Школьные друзья
(слева – Павел Фирсов)

Сергей Леонов

Михаил Гришин

Брат Александр с сыном Сашей и дочерью Надей

Сестра Мария

Брат Иван

Стрюкова В. Е.

Мать с односельчанами Настей Сергеичевой и Лидией Гришиной

Марина Захаровна Дерябина с дочерьми и зятьями

Домик над Машком (в гостях у тёти Мариши)

В гостях у сестры Антонины на Калиновском посёлке

Первый редактор (Беликов М.М.)

Татьяна Бондарева-Емельянова

В гостях у Емельяновых на Крещенском посёлке

Краевед Венедиктов А. Е.

*Племянники Плетнёва
Андрей и Бондарев Володя*

С другом Сергеем Шмелёвым

Калиновский витязь (Бондарев В.И.)

Друг из Углича (Галина Куликова)

Полковник Федотов

Университет

С женой Валентиной и дочкой Ириной

На Куликовом поле, сентябрь 2005 год

В кругу орловских писателей

*Козина Пелагея Петровна –
мать поэта*

«Сокол-250»

Изобретение Павла Фирсова

Пётр Козин в школьные годы

Поэт Альберт Луценко

*Петр Родичев – член Союза
писателей России*

*Сержант Пётр Козин - 1961 год,
выпускник школы полковника Федотова*

Александр Логвинов – писатель-земляк («овражный» брат)

*Николай Круглов -
член Союза литераторов России*

Брат Александр (1925 г. р.) – старейшина рода Козиных

Содержание

СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ	3
ТЕПЛО ЗЕМЛИ РОДНОЙ	5
ОТ АВТОРА	7
ПОЙДЕМ В МОЙ КРАЙ	13
Звезда над Рогом	21
Щербово	27
Сивково	30
«ДУШЕВНЫЯ СКОРБИ»	31
УРОК ГЕОГРАФИИ	38
Оползень	44
Альянский мост	47
Мечты и реальность	50
ПАМЯТИ ОТЦА	55
ДОРОГА В ШКОЛУ	74
ДРУЗЬЯ — ТОВАРИЩИ	87
Михаил Гришин	92
Павел Фирсов	97
СЕЛЬКОР	104
Искра	107
Редактор	109
Гонорар	111
Расплата	113
Верность мечте	115
РОДНИКИ ВДОХНОВЕНИЯ	118
Моя Отчизна	118
Семья и школа	125
Фёдор Лукахин	132
Сердце Андрея	138
Огни Лабосыни	144
КНИГИ И ЖИЗНЬ	152
Поступок	153
Поэт и бедность	156
Малинка	158
Кони и власть	160
Житье-бытье	162

Роковое заблуждение	165
Обаяние словом	168
Литературный Атлант	170
О вечном	173
ПУТЬ К «ХРАМУ»	176
Очарование	177
Радоваться и радовать	181
Поэты и спонсоры	186
РОДОСЛОВНАЯ	191
Бабушка Мавра	191
Отец	196
Мать	198
БРАТЬЯ И СЕСТРА	202
Александр Первый	203
Иван	207
Мария	210
ШКОЛА ПОЛКОВНИКА ФЕДОТОВА	212
«Дети войны»	225
ДОМИК НАД МАШКОМ	227
Тетя Мариша	228
Кузен	230
Ленинградка	233
Антонина	234
КАЛИНОВСКИЙ ВИТЯЗЬ	236
ЗЕМЛЯКИ	247
Венедиктов	248
Емельяновы	255
Председатель	259
Бригадир	263
Смерть Лукича	268
ПОСЛЕДНИЕ «МОГИКАНЕ»	271
Смутные годы	273
Архипов	277
Бурдыкин	279
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	283
Памяти Блынского	283
Катанов	286
Сивково — Белев	287

Козин Пётр Дмитриевич

РОДНАЯ СТОРОНА

Записки провинциала

Редактор *H. B. Круглов*

Технический редактор *Д. Ю. Зенин*

Сдано в набор 01.02.2006. Подписано в печать 28.03.2006.

Усл. печ. л. 19,88. Тираж 200 экз.

Издатель Светлана Зенина
302001, г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168,
тел.: (4862) 75-27-46
www.orel.ru/book
book@orel.ru

Отпечатано на базе «Полиграфического центра».
302030, г. Орёл, ул. Московская, 65.

ДИСТАНЦИОННАЯ

Фамильный герб Козиных